

ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

НАКАЗ КОМСОМОЛА ВЫПОЛНИМ!

Ленинский комсомол, наш старший друг и вожатый, на своем XVII съезде дал Наказ пионерам Страны Советов. Посланцы пионерских отрядов и дружин собрались на VI Всесоюзный пионерский слет, чтобы всем вместе подумать и решить, как лучше выполнить этот Наказ. Решили Марш «Всегда готов!» продолжить! Новый год Марша посвятить 30-летию Победы.

Слет принял Обращение ко всем юным ленинцам страны. Пусть твой отряд, твоя дружина еще раз внимательно прочтут это Обращение, найдут, как самым наилучшим образом воплотить в дела задачи Марша.

В этом году комсомол и пионерская организация отметили 50-летие со дня присвоения им имени Ленина. Всегда и всюду пионеры были верными, надежными помощниками комсомола. Вот и сейчас, в ответ на призыв партии, комсомол взял шефство над строительством Байкало-Амурской магистрали. Пионерия, начиная новый год Марша, включилась в операцию «Байкало-Амурской магистрали — пионерские рельсы!»

Юные пионеры! Равнение — на комсомол!

«Эта стройка имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине...

...Мы твердо уверены, что комсомольцы, молодежь внесут свой достойный вклад в эту грандиозную стройку».

(Из речи товарища Л. И. Брежнева на XVII съезде комсомола).

29 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

Сергей СМОРОДКИН

Ждет нас БАМ!

Камень из чаши Удокана

Несколько лет назад я познакомился с читинским геологом Эдуардом Францевичем Гринталем. Он подарил мне серый камень. Это халькозин из богатейшего месторождения меди в Восточной Сибири — Удокана.

За открытие этого месторождения группа геологов и Эдуард Францевич Гринталь в том числе удостоены Ленинской премии.

Тайга, горы, вечная мерзлота, крепкие, до пятидесяти градусов морозы,— вот что такое Удокан. Дорог в этом районе почти нет. Основной транспорт — олени. Даже вертолет задыхается в разреженном воздухе Удокана. А без дорог не подойти, не взять богатства Удокана.

Такая же история и с другими месторождениями в Восточной Сибири. Вот, например, Чульман на юге Якутии. Там уголь почти на поверхность выходит, пласты мощные — в несколько десятков метров. Ставь шагающие экскаваторы и, как говорится, выгребай уголь. А как подвезти технику и вывезти добытый уголь из Чульмана? Все упирается в дорогу.

И вот теперь эта дорога, Байкало-Амурская магистраль, строится!

Звездный

У меня в руках толстая тетрадь. Это дневник Николая Исакина, механика строительно - монтажного поезда № 266. Николай

Байкало-Амурская магистраль — одна из важнейших и самых крупных строек страны.

Тюменская область, Якутия, Красноярский край, Магаданская область, Чукотка, Камчатка. Многие из таких государств, как Франция и Англия, могли бы уместиться на этих необозримых пространствах. А много ли здесь железных дорог? Одна, на юге. Взгляните на карту, и вы поймете, как нужна здесь железная дорога. И она теперь строится, Байкало-Амурская магистраль,— сокращенно БАМ.

Когда БАМ будет построен, вы сможете без всяких пересадок отправиться из Москвы, Свердловска, Владивостока, Риги,— словом из всех городов, которые стоят на магистрали Владивосток — Рига, к Байкалу.

БАМ свяжет между собой и с центром страны Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Владивосток, Советскую Гавань, в будущем — города Сахалина и Магаданской области, побережье Охотского моря, Курильские острова.

БАМ поможет в развитии народного хозяйства нашей страны, в торговле с другими странами.

БАМ пойдет в глубь Восточной Сибири. Вырастут здесь новые города и поселки. Это будущее начинается сегодня. Тебе его, наш читатель, строить!

строил железные дороги: Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илимская. В январе 1974 года он вместе со своими товарищами приехал на берег Лены в поселок Усть-Кут для того, чтобы в вековой тайге проложить временную дорогу, зимник, которая поможет построить на берегу реки Таюры поселок Звездный для будущих строителей западного участка БАМа.

С разрешения Николая привожу несколько записей из дневника, который он вел во время «снежного похода на Таюру».

11 января. Наш плотник Семен Снежный написал на доске: «На Таюру!» и приладил «указатель» к сосне. Было это на крутом берегу Лены, скованной льдом. До Таюры, притока Лены, шестьсот с лишним километров.

13 января. Условия тяжелые. Уже успел сломаться бульдозер Шапелича. Ремонтируем, а наши ребята штурмуют гору. Таня Алферова и Галя Нефедова варят еду. А это не так-то просто. Попробуй свари обед, когда кухня-вагончик все время в движении, и его качает на ледяных ухабах, как корабль во время шторма.

17 января. Из-под снега торчат огромные валуны, и бульдозерам приходится их обходить. Впереди крутой и затяжной подъем. Моторы задыхаются. Медленно поднимаемся все выше и выше.

22 января. Температура понижается. Встали утром — морозный туман. Значит, за сорок. Ребята пошли заводить бульдозеры, а мы ремонтируем машину. Только прикоснись к гайке рукой, пальцы белеют моментально. Болты и гайки нагреваем на костре, потом приворачиваем, и все равно металл ломается на таком морозе.

24 января. Ура! Перевал взят. Теперь пойдем по хребту все ближе и ближе к Таюре. Затянули три вагончика наверх. Устроили баню, стирку. На вертолете нам забросили мясо, и девчата приготовили вкуснейший обед.

6 февраля. Наверно, самый спокойный день. Ничего не ломается. Солнце. На крыше вагончика у девчат даже появились сосульки. На снегу много заячьих следов. Привезли все необходимое для бригады Андреева. Она вот-вот прибудет и начнет строить на Таюре временный поселок.

11 февраля. Наконец-то одолели последний спуск, самый крутой за

Рисунки А. БОРИСОВА.

весь путь. Спускаться пришлось зигзагами. Андреевцы уже прибыли, обживаются на новом месте. Провертели во льду Таюры лунки и ловим рыбу. Морозы крепчают. Но теперь они нам не страшны: мы уже дома.

Так был пробит путь к Звездному. До весенней распутицы днем и ночью возили щитовые дома и палатки, сапоги, стекло, кирпич, горючее, шифер, консервы и многое другое, без чего не начнешь стройку.

Сейчас здесь вагончики и палатки, построена большая, светлая столовая, клуб «Таежник», где каждый вечер кино и танцы.

В Звездный прибыл первый Всесоюзный ударный комсомольский отряд строителей имени XVII съезда комсомола, шестьсот парней и девчат.

Путь через тайгу проложили семнадцать коммунистов и комсомольцев из строительно-монтажного поезда № 266.

Ключ

Кто сказал, что мы родиться опоздали,
Что досталась вся героика не нам?
Знай, что на Байкальской магистрали
Ждет нас новый подвиг, ждет нас БАМ!

(Из песни строительного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ).

В поселке Усть-Кут на берегу Лены кончаются рельсы. Дальше пути нет. Его надо строить. Комсомольские строительные отряды прибыли не только сюда, на западный участок Байкало-Амурской магистрали, но и на крайнюю точку будущей магистрали на востоке. Их разделяют тысячи километров. Восточному отряду комсомольцы Тайшета вручили половинку ключа с такой надписью: «Дорогие друзья! По окончании укладки пути и соединения западного и восточного участков просим соединить обе половины символического ключа и забить серебряный костыль. Ключ вручить председателю Государственной комиссии. Станция Тайшет. Апрель. 1974 год». Вторая половина ключа здесь, в поселке Звездный.

3 144 километра нетронутой тайги, вечной мерзлоты, топей и гор разделяют обладателей половинок ключей. Когда комсомольцы вобьют последний костыль и Байкало-Амурская магистраль будет построена, она станет настоящим ключом к меди, углю, железу, никелю и другим сокровищам Сибири и Дальнего Востока.

ОБРАЩЕНИЕ делегатов VI Всесоюзного слета пионеров в Артеке ко всем юным ленинцам страны

Пионер! Товарищ! Друг!

К тебе обращается VI Всесоюзный пионерский слет, три тысячи его делегатов. Вместе с тобой, со всеми ребятами нашей великой Родины мы говорим сегодня слова благодарности советскому народу, родной Коммунистической партии, нашему вожатому — комсомолу за любовь и заботу, за счастье жить и расти в Союзе Советских Социалистических Республик, где перед каждым из нас открыта светлая дорога в большую жизнь.

Где бы ты ни жил, пионер, в большом городе или в селе, ты видишь яркий пример служения Отчизне, пример коммунистов, комсомольцев, героев труда. У них будем учиться свято хранить верность ленинским заветам, красному знамени Октября, делу коммунизма. У них будем учиться самоотверженно трудиться, любить и защищать нашу Родину, как защищали ее наши отцы, герои-комсомольцы, наши сверстники — пионеры-герои.

Вырастем такими, как они, продолжим их революционное дело! Воспитаем в себе замечательные ленинские черты: коммунистическую идейность, трудолюбие, честность, благородство, настойчивость в учении, любовь к труду, беззаветную преданность великой ленинской партии.

Выполним наказ XVII съезда комсомола!

Будем хорошо и отлично учиться, крепко дружить, помогать друг другу. Мы знаем, что нас ждет творческий, радостный труд на благо нашей Отчизны. Мы готовимся к этому. И сейчас хотим внести свой пионерский вклад в девятую пятилетку. Мы зовем всех: включайтесь в операцию «Байкало-Амурской магистрали — пионерские рельсы!» Выйдем в большой поход по сбору макулатуры и полимерных материалов «Миллион — Родине». Будем беречь и украшать дом, в котором мы живем, школу, в которой мы учимся, природу, которая нас окружает.

Пионеры! Будем готовы к труду и обороне Родины! Все станем значкистами ГТО!

Страна готовится к большому празднику — 30-летию Победы над гитлеровским фашизмом. Окружим заботой и вниманием ветеранов Великой Отечественной войны, семьи погибших воинов! Будем ухаживать за памятниками воинам-освободителям, посадим самые красивые цветы. Каждому ветерану приготовим пионерский подарок!

Наша Коммунистическая партия учит нас дружить с детьми трудящихся всего мира, крепить единство с пионерами социалистических стран. Вырастем патриотами-интернационалистами! Еще активнее будем участвовать в международном движении солидарности с теми, кто борется против империализма, колониализма, фашизма и реакции, кто борется за мир на земле. «Свободу политическим заключенным!», «Нет — фашистской хунте в Чили!», «Свободу товарищу Луису Корвалану!», «Пусть всегда будет солнце!».

Наш слет дает старт новому этапу Марша «Всегда готов!». Мы посвящаем его 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. **Девиз Марша — «Салют, Победа!».**

Пионер! Звено! Отряд! Дружина! Выходи на старт Всесоюзного марша! Отличной учебой, успехами в труде, спорте, общественной работе ответим на отеческую заботу Родины, партии, народа!

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будем готовы!

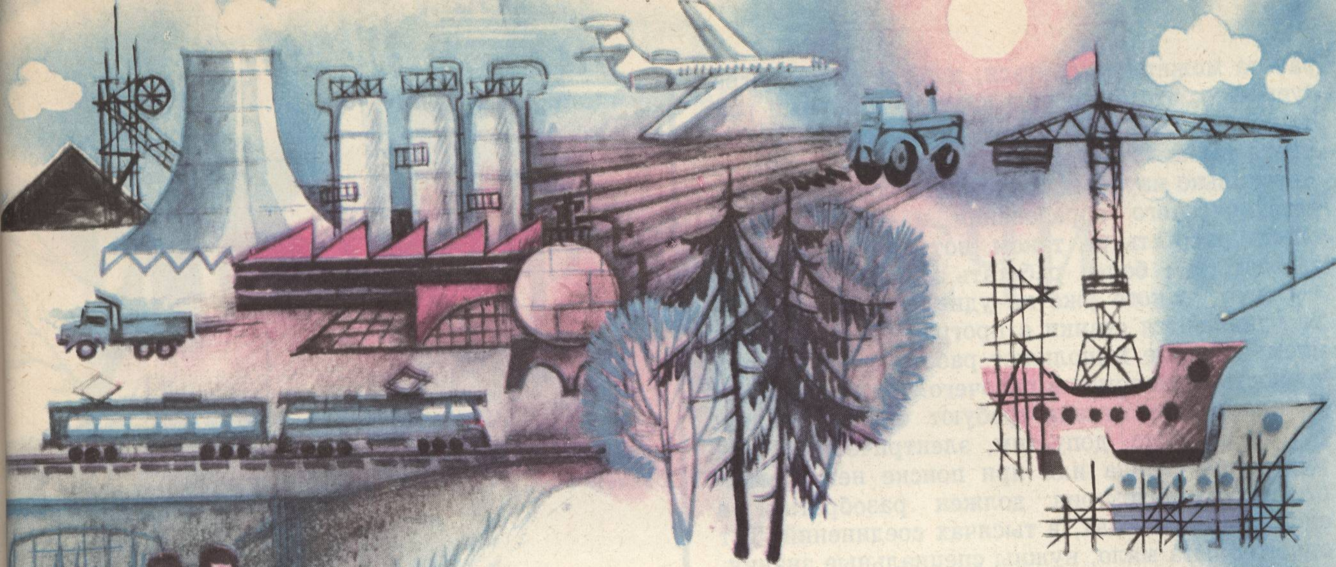

Рисунок А. АСТРЕЦОВА.

С. АНТОНОВ,
слесарь-инструментальщик
завода имени Владимира Ильича,
Герой Социалистического Труда

УЧЕНИЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

ВСЮ ЖИЗНЬ Я СТАРАЛСЯ УЧИТЬСЯ

Когда мои друзья из журнала «Пионер» попросили меня поговорить с ребятами об ученье, я, признаться, сначала удивился. Пусть лучше об этом скажет учитель или ученый. А потом подумал: учитель каждый день говорит в классе, что учиться надо хорошо, и некоторые ученики считают, что это обычная нотация, нравоучение. Слышал я как-то и беседу ученого с ребятами. Очень интересные соображения, мысли высказывал он о высоких требованиях времени, о научно-техническом прогрессе, о том, как важен сейчас высокий уровень знаний. Всем понравилось, но один человек сказал: «Ученым быть не обязательно, кто-то должен стать рабочим».

Я знаю, есть среди ребят сейчас такое мнение, что на пятерки пусть учатся те, кто хочет в институт поступать, а я, мол, пойду на завод, мне можно и с троечками прожить...

Прямо скажу, меня, старого рабочего, слесаря, такие суждения из равновесия выводят. Я просто сам не свой становлюсь, когда такие слова слышу. Не потому, что за свою профессию обижаюсь, потому что за ребят обидно. Придут они на завод, увидят современное производство и, разумеется, с первых же дней поймут свою ошибку, но будет уже поздно.

Когда я встречался со старшеклассниками на телевидении, мне задали такой вопрос: «Вот вы Герой Социалистического Труда, были делегатом трех партийных съездов, избирались в Центральный Комитет Коммунистической партии, а окончили вы всего семь классов. Может быть, и не стоит тратить годы на учение?»

Я окончил школу в двадцать девятом году. Страна наша тогда только начинала строить свое социалистическое хозяйство. Индустриализация страны — вот какая стояла тогда задача. На фабриках и заводах в большинстве случаев стояло допотопное оборудование, была несовершенная технология производства. Больших знаний от рабочего и не требовалось.

Сейчас уже трудно представить себе, что было такое время, когда станок приводился в движение приводными ремнями, что при нарезке определенной резьбы токарю приходилось подбирать необходимые шестерни.

Если вы сегодня придете на наш завод и присмотритесь, как работает, скажем, на координатно-расточном станке современный рабочий, я уверен, вам покажется, что это не рабочий, а инженер. Такого рабочего, как наш Григорий Иванович Фукс, я бы даже назвал профессором своего дела. Прежде чем приступить к расточке детали, он ведет сложнейшие расчеты, которые помогают ему расположить отверстия точно по чертежу. Знание геометрии и тригонометрии ему просто необходимо. Каждый свой расчет Григорий Иванович заносит в объемистую тетрадь.

работа может повториться, и тогда снова потребуется то, что было уже сделано в первый раз. За долгие годы у Григория Ивановича скопилось много таких тетрадей, в шутку мы говорим — «несколько научных трудов». Человек без среднетехнического образования и определенного опыта работать на таком вот станке вряд ли сможет, тем более работать хорошо.

Сейчас никого уже не удивляет, когда в цехе появляются станки с программным управлением, которые выполняют работу с предельной точностью без помощи рабочего. Но наладка, освоение такого станка требуют много знаний.

При монтаже, допустим, электрического оборудования станка или при поиске неисправности рабочий-электрик должен разобраться в сложнейших схемах, в тысячах соединений. Тут одного опыта мало, нужны специальные знания. Того, что нам, старым рабочим, давалось с опытом, сейчас можно добиться только при определенных, довольно значительных и основательных знаниях.

Всю жизнь я старался учиться и всегда жалел, что не получил большего образования. Недавно родилась у меня, на мой взгляд, неплохая идея переконструировать один из узлов штампа. Я пошел к начальнику цеха и высказал свое мнение. Он засомневался: захотят ли конструкторы заняться этим — нужно сделать множество расчетов, долго проверять их. «Сам-то ты не компетентен», — сказал он мне. «Не компетентен» — я понял, как много потерял, что в свое время не продолжил учение.

У меня больше двухсот рационализаторских предложений. Но как трудно было обосновать их и внедрить в производство. Помню, штампы для машин малой мощности быстро выходили из строя, приходилось их часто ремонтировать. Опыт подсказывал мне: причина — в слабой системе крепления нижней режущей части штампа. Я придумал, как изменить конструкцию, но доказать свою точку зрения сразу не смог. Пришлось из отработанных деталей собрать и изготовить штамп новой конструкции. Когда его испытали в цехе, предложение мое было принято. Очень мешает мне, что не могу сам произвести необходимые расчеты, не имею достаточных инженерно-технических знаний.

У вас есть все возможности учиться. Принято постановление о всеобщем обязательном среднем образовании. Высшее образование можно получить теперь без отрыва от производства. На нашем заводе есть и школа рабочей молодежи, и техникум, и институт. Учитесь! И учитесь хорошо. Знания помогут вам жить интересно, творчески. Годы учебы окупятся сторицей.

На XVII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев говорил о том, что все наши люди, и опытные в своем деле и молодые, должны позаботиться о качестве продукции, которую они выпускают. Добиваться мастерства. Эти слова обращены и к вам, ребята.

Старый рабочий, я еще раз хочу вам сказать: учитесь хорошо. Это — требование времени.

Людмила МАТВЕЕВА

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ

РАССКАЗ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Тимка лежит на тахте, укрыв ноги зеленым пледом в желтую клетку, и смотрит «Клуб кинопутешественников». На экране путешественники стремятся вперед, преодолевая трудности. Бушуют волны, бегут жирафы, выбрасывая вперед длинные ноги, развеваются хвосты полудиких лошадей. Раньше в такие минуты Тимке казалось, что он уже не лежит дома на своей тахте, а несется куда-то, летит над горами, плывет к дальним островам, хотя прекрасно знает, что острова необитаемые. Раньше — да. Сегодня даже кинопутешествие не радует Тимку. Он вспоминает, какие ледяные глаза стали у Марины Николаевны, когда она вошла в класс и все увидела. Тимка вспоминает про все, сопит от жалости к себе, вертится. На пол падает красное яблоко, которое он положил себе на живот, чтобы съесть во время путешествия, да так и забыл. Лучше уж ему не вспоминать о том, что было днем. Тогда этот субботний вечер мог быть вполне хорошим. Тимка посмотрел бы телевизор, потом они с папой пошли бы на улицу и стали бегать трусцой. Папа бегал бы, как всегда, своей трусцой, а Тимка просто носился бы за ним, нарочно спотыкался, валялся в снегу и визжал бы от веселья. Потом бы они вернулись домой, и мама сказала бы:

— На кого ты похож, Тимофей Сергеевич?

А взгляд у мамы веселый. Потом бы она сказала:

— С завтрашнего дня, посмотрите, тоже буду с вами бегать. Вон какие румяные. Я тоже хочу быть красивой.

Папа долго расшнуровывал бы кеды, он их всегда на узел завязывает, а потом долго развязывает. И он бы сказал:

— Ты и так стройна и прекрасна. А бегать с завтрашнего дня почему-то всегда легче начинать, чем с сегодняшнего.

И они засмеялись бы и Тимка с ними.

Теперь он лежит на своей тахте и вздыхает. Мама с папой собираются уходить. Тимка слышит, как с лестницы пахнет гуталином, потому что открыта дверь. Папа вышел чистить ботинки.

Тимка опять тяжело вздыхает. Почему-то когда о чем-нибудь стараешься не вспоминать, вспоминается еще настойчивее.

После уроков Тимка и Галя остались убирать класс. Весь день Тимка помнил, что он дежурный, а к последнему уроку забыл. Галя откинула волосы с лица и сказала:

— Пугачев, мы с тобой дежурные, принеси воды.

Тимка разозлился на нее, как будто это она придумала, что надо мыть столы, драить пол, вместо того чтобы бежать со всеми домой. Пол крашеный и, пока он мокрый, блестит, как новенький и вполне чистый. А когда высыхает, на нем появляются тусклые, серые разводы. Галя все время командовала. Тимка терпел. Он думал: «Наверное, девчонки без этого не могут».

— Неси чистую воду, Пугачев!

— Сейчас.

Тимка принес ведро с водой. Он отодвигал столы и скамейки, а Галя, намотав тряпку на щетку, мыла пол. Пол начал блестеть, как новенький. Тут в класс вбежал Гришка Козловский. Гришка учится в пятом классе, он три раза в неделю ходит в бассейн, наверное, от этого у него такие широкие плечи. А характер драчливый — не от бассейна, просто такой характер. Не обращая никакого внимания на Тимку, будто Тимки не было, Гришка сказал:

— Галя! Тебе письмо. — И протянул конверт.

Галя перестала возить щеткой по полу, откинула волосы с глаз, немного покраснела и спросила:

— От кого письмо?

Гришка ответил хмуро:

— Там написано.

И Тимка понял, что письмо от Гришки. И понял, что Галя это поняла.

Гришка ушел уверенно, не торопясь, на Тимку так и не посмотрел. Тимке вдруг стало совсем обидно. Хотя он и сам не знал, почему. Подумаешь, Галя. Она и некрасивая вовсе — нос пуговкой, стриженная, как мальчишка. Женя Каменева гораздо красивее, волосы вьются, как у принцессы, глаза, как черносливы. А Галя, подумаешь, Галя.

Тимка вдруг вспрыгнул на парту. За секунду до этого он и сам не знал, что занесет его на эту парту, что он ловко извернется и выхватит у Гали письмо. А она вскинется и закричит:

— Отдай сейчас же!

И тогда он начнет от нее убегать. Зачем он убегал? Разве Галя могла отнять у него письмо силой? Он и сам не знает, зачем он понесся сначала по партам, потом спрыгнул на пол. И Галя, раскрасневшаяся и очень злая, гналась за ним сначала по партам, а потом по полу.

И тут он задел ногой ведро. Целое море грязной воды разлилось по классу. Галя остановилась посреди лужи и заплакала не то из-за письма, не то из-за грязной воды. Она плакала, прикрыв лицо ладонями. Тимке хотелось сказать:

— Не плачь, Галя.

Но он сказал другое:

— Ревет, как маленькая. На! Держи свое письмо, уж и пошутить нельзя.

Вода бежала ручьями под парты, текла под дверь, выливалась в коридор и, наверное, протекла сквозь потолок на третий этаж. Галя достала из портфеля носовой платок и вытирала заплаканные глаза. А Тимка вместо того, чтобы собирать воду, стоял и смотрел, как она вытирает лицо. Глаза у Гали стали не такие сердитые. И тут в класс вошла Марина Николаевна. Она остановилась в дверях и смотрела. Молча смотрела. Когда Марина Николаевна молчит, Тимка цепенеет. Лучше бы учительница ругалась. Молчание Марины Николаевны наполнено таким укором, что Тимке становится холодно. Наконец, намолчавшись, Марина Николаевна спросила:

— Пугачев, что происходит?

Не спросила у Гали, а сразу у него: «Пугачев, что происходит?»

— Марина Николаевна, это мы пролили,— быстро сказала Галя.— Нечаянно кувырнули. Мы вытрем, вы не думайте, мы сейчас. Тима, давай.

— Грязную воду на чистую стену!..— сказала Марина Николаевна и надолго замолчала. Потом сказала еще: — Протечет в кабинет физики, там тоже испортит стены и замочит схемы.— И опять надолго замолчала.

Тимка не выдержал.

— Это я пролил, один. Она-то здесь при чем?

Он и сам не знает, зачем сказал. Но эти дурацкие благородные слова выскочили, а подумать заранее он, как всегда, не успел.

Марина Николаевна стояла, молчала и смотрела на Тимку. Ее седые волосы казались голубыми, глаза смотрели цепко, будто видели не только мальчика Тимку в серой школьной форме с белым воротником, который стоял перед ней и виновато вздыхал. Как будто учительница видела и то, о чем этот Тимка думает. А думал он о том, что нескладная эта история приключилась очень некстати, что теперь вызовут родителей, и ему, конечно, влетит.

— Когда кончите уборку, ты, Пугачев, зайди в учительскую.

Так сказала Марина Николаевна и ушла.

Они убирали молча.

Только один раз Галя подняла голову, дунула на волосы и сказала:

— А все-таки ты дурак, Тимка.

Почему она так сказала, Тимка не понял.

Наконец в классе стало почти сухо. Но Тимка все тер и тер пол, уж очень ему не хотелось идти в учительскую.

— Хочешь, пойду с тобой?— спросила Галя.— Скажу, что ты нечаянно. Хочешь?

— Не больно-то я боюсь,— сказал Тимка. Хотя и это он сказал от дурости. Интересно было бы посмотреть на человека, который не боялся Марины Николаевны.

— Не хочешь, как хочешь.— Галя пожала плечами и ушла.

Тимка не пошел в учительскую. Он топтался по классу и думал. Лучше бы он не думал, а пошел сразу. Но он как раз, когда не надо, стал думать и размышлять. «Может быть, не ходить?— думал Тимка.— Вдруг Марина Николаевна забудет про него? Мало ли у нее забот, у Марины Николаевны? И тетради проверять, а там ошибок, наверное, сто штук. И другие всякие заботы. Что ей помнить о каком-то Тимке Пугачеве, который опрокинул какое-то ведро? Она сначала, конечно, рассердилась — грязная вода на чистую стену. Времени вон сколько прошло. Она и забыла. Что же я, как дурак, пойду? Не пойду и все. А если вспомнит? И спросит?» Тимке стало неуютно. Действительно, что тогда делать? Тогда будет еще хуже. Но он уже не мог отказаться от этой мечты. Очень уж удобно и спокойно было думать, что учительница забыла про все. Ему так хотелось в это поверить, что он почти поверил. Чтобы уничтожить последние сомнения, поразмышлял еще немного: «Если вспомнит и спросит, скажу, что забыл. Забыл и все. Мог же человек в конце концов забыть? У каждого забот вон сколько. Уроков задают ужас как много. Двойку за стих получил, надо исправлять. И еще в хор записали. Не хотел, учительница пения сказала: в обязательном порядке. Не может человек обо всем помнить, что-нибудь может забыть». Подбадривая себя, Тимка совсем уже добрался до раздевалки, уже стал надевать пальто. И в это время услышал голос Марины Николаевны:

— Так, Пугачев.

Она стояла на лестнице и держала под мышкой пачку тетрадей. Синее платье бросало отсвет на волосы, и они казались голубыми. Девчонки в классе говорили однажды, что у Марины Николаевны красивая седина. Тимка ни к селу, ни к городу вспомнил об этом. Он молчал, и она молчала. Но в это молчание, как всегда, уместилось то, что могло быть сказано.

— Ладно, иди,— сказала Марина Николаевна и стала подниматься по лестнице. Тимка не успел сказать, что он забыл, что он думал, может быть, она забыла. Марина Николаевна ушла, а он поплелся домой.

Мама и папа были дома, потому что была суббота. И пахло горячими оладьями. Тимка сел

за стол. Он намазывал толстенький оладышек сливовым вареньем, сгибал корытцем, чтобы варенье не стекало, а потом отправлял в рот. Папа сказал:

— Полы вымыл, наработался. Вот что значит физический труд.

Мама сказала:

— Школьную форму теперь придется нести в химчистку, и ботинки промокли, хотя на улице мороз, ничего не понимаю.

Тимка промолчал. Он взял яблоко и улегся на тахту. Он смотрел телевизор, а думал о том, как все плохо получилось и что теперь будет.

Тут вошел папа, на нем был новый серый костюм и новый галстук в вишневую клетку. Папа сел рядом с Тимкиными ногами на тахту и спросил:

— Ты, Тимка, чего лежишь? Вставай, собирайся, форма одежды парадная.

Вошла мама в новом сером платье с серебряными бусами. Тимке очень нравились эти бусы и мамины духи, они пахли прохладой и праздником.

— Вставай, вставай,— заторопила Тимку мама,— я тебе в той комнате все приготовила, только, пожалуйста, вымой шею.

Мама постояла перед зеркалом, Тимка стал медленно сползать с тахты. А сам спросил:

— Куда мы? В гости? К кому? К бабушке?

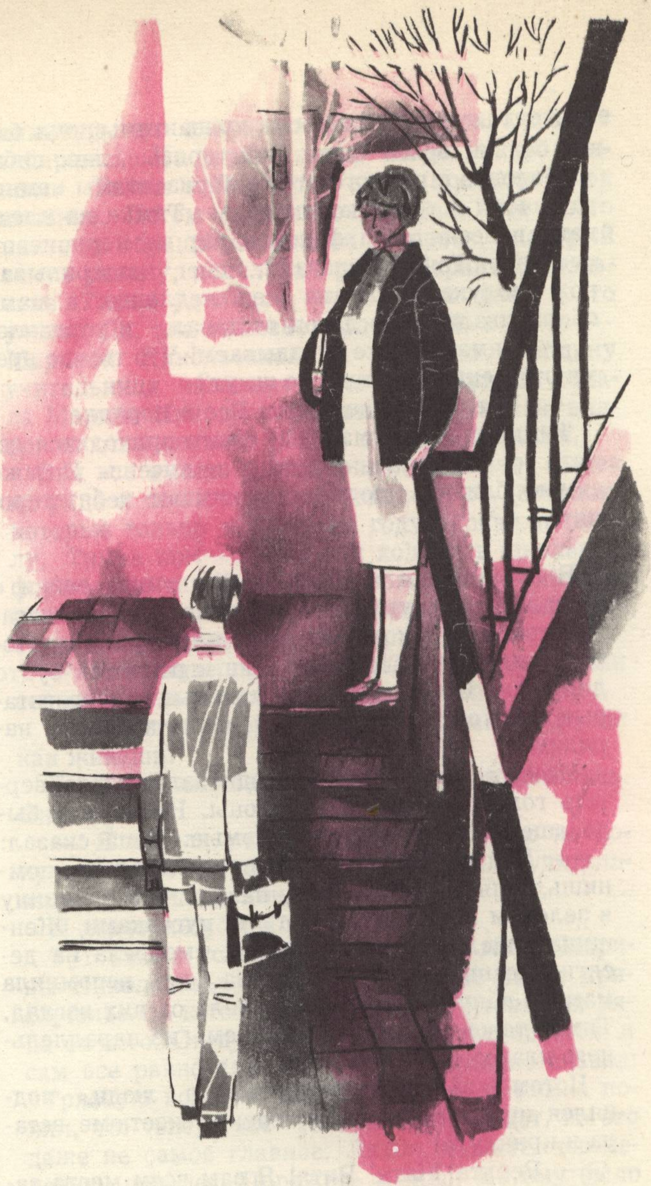
— Ты что? — Папа уставился на Тимку веселыми, но чуть обиженными глазами. Значит, про то, что Тимка забыл, человеку внимательному полагалось помнить.

— Мы опаздываем в школу,— объяснила мама и засмеялась.— Как в далекие-далекие времена — опаздываем в школу.

И тут только Тимка вспомнил — вечер встречи. Ну, конечно, об этом мама и папа говорили и неделю назад и вчера. На дверях школы висит красивое объявление: «В субботу вечер встречи наших выпускников». Про этот вечер даже по радио говорили в передаче объявлений. И Марина Николаевна на днях сказала:

— В субботу вечер встречи. Придут выпускники, спросят, как вы учитесь, как боретесь за честь своей школы.

Остальное Марина Николаевна не сказала. Но получилось, что прежние ученики гораздо лучше боролись за честь школы, а теперь вот школа досталась таким людям, как, например, Тимка Пугачев, которые получают двойку за стих и не хотят петь в хоре. Школе не повезло. И Тимке, честно говоря, тоже не очень-то повезло. У других ребят мамы и папы кончили совсем другие школы, даже в других городах. У Гали мама вообще не кончала школы, она училась в музыкальном училище для одаренных детей. Галя сама рассказывала. И только Тимкины мама и папа были выпускниками той самой седьмой школы, где учился теперь Тимка, где преподавала Марина Николаевна. Обо всем этом Тимка думал, а сам натягивал белый свитер, который связала бабушка. Свитер мягкий и теплый, но сегодня Тимка лучше бы не надевал этого нарядного свитера. Лучше бы ему

— Так, Пугачев,— услышал он голос Марины Николаевны.

остаться дома и не ходить в школу и не попадаться на глаза Марине Николаевне.

— Чего я пойду? — попробовал он сказать безразлично.— Я же не выпускник седьмой школы. Меня и не пустят. Там написано — вечер выпускников. Я сам читал.

— До выпускника тебе, Тимофей Сергеевич, вон как далеко,— сказала мама и широко развела руками. Получился целый километр от Тимкиного четвертого класса до выпускника.

Папа добавил:

— Ты пойдешь с нами в качестве нашего сына. Мы хотим познакомить тебя со своими старыми одноклассниками. Законная гордость.— И папа весело подмигнул.

Тимка натянул выглаженные брюки, стрелки на штанах торчали, как железные. Да, сегодня мама и папа узнают много нового и интересного, как говорят в передачах для детей. Грязная вода на чистую стенку...

Они шли по улице, Тимка в середине, а мама и папа по краям. Папа нес туфли, заверну-

тые в газету. Мама несла хризантемы, они были белые, белее снега, и кудрявые, как собака-болонка с шестого этажа. Хризантемы немного озябли в тонком целлофане. Тимке на плечо папа повесил свой фотоаппарат на коричневом ремешке. Так они шагали, снег поскрипывал под каблуками. Тимка шел медленно, а мама оборачивалась, когда он отставал, и торопила:

— Тима! Мы же опаздываем! Что ты все время отстаешь? Ботинки не жмут?

— Нет, мама, не жмут. Все в порядке.

Тимка шел и думал, как часто приходится делать то, что делать совсем и не хочешь. И даже самые близкие люди не понимают тебя, торопят.

В школе играла музыка. Десятиклассники с длинными, аккуратно подстриженными волосами стояли на школьной сцене и наигрывали что-то ритмичное, негромкое. Они играли как будто для себя. Блестели темно-красные электрогитары, даже старый школьный рояль казался нарядным.

Мама остановилась посреди зала, стала вертеть головой в разные стороны. Но народу было еще мало, и все незнакомые. Папа сказал:

— Вон та девочка — из параллельного, помнишь, Оля? — И показал на полную женщину в зеленом костюме с золотыми пуговками. Женщина сидела на стуле у окна, смотрела на десятиклассников, наверное, она не вспомнила маму и папу, равнодушно отвела от них взгляд. Тимка тоже не дружил ни с кем из параллельного класса.

Потом в зал стали входить еще люди, поднялся шум. Женщина в зеленом костюме встала и крикнула:

— Ребята! Катя! Витя! Я вам всем места заняла.

И к ней подошли женщина, совсем седая, и двое мужчин в темных костюмах, один лысый, а другой кудрявый. Кудрявый Тимке больше понравился.

Из разных углов неслись теперь громкие слова, смех. А одна женщина с орденом плакала, отвернувшись к окну. И у всех были цветы. И еще все, кто приходил, говорили одно и то же: «Как летит время!»

— Олечка! Сережка! — крикнул смуглый военный и пошел к ним. А папа и мама, забыв про Тимку, бросились к нему. Тимка рассмотрел погоны — две звезды. Подполковник. «Вот какие у нас-то выпускники, не то что у других», — подумал Тимка и подошел поближе. Они все обнимались, хохотали и говорили: «Как бежит время». А потом подполковник увидел Тимку и сказал:

— Я тебя знаю, ты Тимка.

Тимке стало очень приятно, он даже почти забыл про Марину Николаевну.

Мама сказала:

— Это тот самый Тимофей Сергеевич, мы тебе писали про него на твой дальний-дальний восток. Только тогда он, этот Тимофей Сергеевич, был вот такой. — И мама показала ладошками не больше полметра. Таким маленьким, кстати, Тимка никогда и не был. Он родился высоким — пятьдесят три сантиметра. Ему бабушка рассказывала.

У подполковника было загорелое лицо, раньше Тимка никогда не видел зимой загорелых людей. Голос у подполковника был низкий.

— Привет тебе, Тимофей Сергеевич, — прогудел подполковник.

«Главное, ребята, сердцем не стареть», — запели в углу. Десятиклассник в синих джинсах с белыми коленками махнул по-дирижерски рукой, и оркестр заиграл эту песню громко, немного танцевально, но всем понравилось — люди заулыбались, потом недружно, но громко запели все вместе — и параллельные классы и те, кто учился гораздо раньше. Все пели, и Тимка с ними пел, громко-громко, никого не стеснялся.

Одна женщина, седая, с яркими синими глазами, влезла на стул и дирижировала хором. А когда песня кончилась, все опять сели лицом к сцене, но на сцену не смотрели, а разговаривали. Пожилой человек с орденами на черном пиджаке оказался рядом с Тимкой. Он рассказывал о чем-то молодой женщине, а она слушала его, мяла в руках букет гвоздик и кивала. Тимка прислушался.

— У нас в этой самой школе до войны был планерный кружок, — говорил человек с орденами. — Да, да, не модельный — планерный, старшие ребята построили настоящий планер и летали на нем. А нас, пятиклассников, физик Иван Иванович Капусто и близко не подпускал. Мы и так и сяк — нет. Но я настырный был, напросился тянуть резину. Вы когда-нибудь видели планер? Нет? Он как из рогатки в воздух вылетает. Только эта рогатка огромная, резина толстая, тугая, очень трудно ее тянуть. Я тянул несколько лет, потому что мечтал летать. Я рассудил своей головой так: увидит Иван Иванович Капусто, как я стараюсь, как я эту резину тяну, и поймет: вот кому надо доверить штурвал и небо.

Молодая женщина сначала слушала стоя, теперь она села рядом с этим человеком, положила на колени цветы и слушала очень внимательно. Тимке было видно сбоку, что она не из вежливости слушает, а сочувствует этому человеку, который несколько лет тянул резину, а его все не пускали в небо. Она спросила:

— Ну и как? Дождались в конце концов?

Человек с орденами вздохнул:

— Вот уже совсем добрался я до планера, перешел в девятый

Десятиклассники стояли на сцене и негромко наигрывали что-то ритмичное.

класс. Физик Иван Иванович Капусто сказал: «Завтра полетишь».

Я всю ночь не спал, все хотел, чтобы скорее пришло завтра. Мне было шестнадцать лет. А назавтра, в воскресенье, началась война. Иван Иванович Капусто ушел на фронт. Ребята из десятого все ушли, а я через год попал в партизаны. Многие не вернулись.

Он замолчал. Тимка сам не заметил, как положил руку ему на рукав. И так посидели они молча.

Тут в зале все задвигались, захлопали. И Тимка увидел, что входят учителя. Нина Павловна, директор, шла впереди. Какая-то она была на себя не похожая, с высокой прической и торжественным лицом. Хотя в руке, как всегда, держала связку ключей. В зале уже было много народу, слышнее всех раздавались голоса прошлогодних десятиклассников. Они держались вместе, громко говорили, поглядывали на взрослых. Они еще были почти школьники, и это все-таки была их школа, а не тех, кто учился совсем давно.

Тимка смотрел на дверь. Математичка Клавдия Михайловна, спина у нее прямая, лицо суровое, а сама как раз добрая. И рядом с ней Марина Николаевна. И, конечно, Марина Николаевна сразу их заметила и пошла прямо к ним. В зале зашумели, стали приветствовать учителей. Учителя пошли не на сцену, где был красным накрыт длинный стол, а к своим ученикам. И трясли друг друга за руки, целовались. Марина Николаевна подошла, папа встал, как в классе, и сказал:

— Здравствуйте, Марина Николаевна.

И мама стала подниматься и подполковник. Марина Николаевна сказала им:

— Садитесь. — И почему-то засмеялась. И они все тоже засмеялись. Марина Николаевна посмотрела на Тимку и ничего не сказала. Это была ее опасная пауза: «Ты, Тима, конечно, понимаешь, что виноват кругом. И я молчать не собираюсь. Но скажу тогда, когда найду нужным». Тимка стоял, край стула врезался под коленки. Потом он потихоньку сел. На него никто не обращал внимания. Человек, который тянул резину, поцеловал руку Марине Николаевне. Тимка удивился — неужели она и его учила? Да, она называет его Сашей, а он ее — Мариной Николаевной. А молодую женщину учительница называет Наташей. Наташа отдала Марине Николаевне цветы и смутилась, видно, не отвыкла еще робеть перед учителями.

Они все вместе разговаривали, Тимка вылез из ряда и сел в стороне, недалеко от девчонок, которые только в прошлом году окончили школу. Тимка помнил, как они ходили в школьной форме, вон та, Таня, была вожатой, принимала их в пионеры. Повязывала Тимке красный галстук. Таня тоже его узнала.

— Как живешь, Тимофей? — Глаза у Тани серые, светлые, голос совсем детский.

— Ничего живу, — ответил Тимка, — а ты как живешь?

Девчонки засмеялись. Но Таня не засмеялась. Она сказала:

— Я хотела учиться на артистку, но не получилось. А так все ничего. Вон наша учительница идет, ты извини, Тимка.

И девчонки убежали.

Тут Тимка услышал сквозь шум голос Марины Николаевны. Потому что он все равно прислушивался к тому, о чем говорят через три ряда от него. Он думал, что не прислушивается, а сам все равно слушал. Голос отчетливо сказал: «Грязную воду на чистую стену». И Тимка понял, что теперь все. Теперь ему попадет, но это даже не самое главное. Ладно, бывает, что человеку попадет. Пережить можно. Но ему было жалко маму и папу, у них теперь испорчено настроение: они ждали этого праздника, они гордились Тимкой и даже немного хвалились Тимкой перед подполковником. Тимка же видел, что хвалились. Ты, мол, подполковник, это хорошо. А мы не подполковники, зато у нас замечательный сын. А что теперь? Грязную воду на чистую стенку...

Тимка решил подойти поближе: чего же прятаться, все равно уж. Он стал пробираться по ряду, кто-то сказал:

— Что ты, мальчик, все ходишь туда-сюда?

Но Тимка не ответил. Он вытянул шею и слушал, что говорит Марина Николаевна. Опять эта фраза: «Грязную воду на чистую стену». Потом что-то сказал папа негромко, Тимка не расслышал. Когда он сел близко, то человек в орденах смеялся, и Марина Николаевна сказала:

— Помню, конечно, помню, Саша. Ты дежурил, погоди, с кем же ты дежурил? С Машей Путилиной, верно? И ты стал прыгать и скакать, показывая Машеньке свою удаль. Так?

Человек с орденами виновато молчал. Марина Николаевна сделала паузу и продолжала:

— Опрокинул ведро, устроил потоп и испортил чистую стенку.

Человек с орденами кивнул. Потом сказал:

— Ох и рассердились вы на меня тогда, Марина Николаевна!

— Конечно. — Марина Николаевна прищурилась, глаза стали сердитыми, как сегодня днем. — Но ты помнишь, что было потом? Ты принес назавтра ведро с краской, где ты ее взял, уж не знаю. И аккуратнейшим образом закрасил стену.

— У завхоза взял, — сказал человек с орденами. — И красил, как миленький.

— И Маша Путилина, если память мне не изменяет, тебе помогала, — лукаво добавила Марина Николаевна.

Все стали смеяться, и Тимка смеялся. Ему было радостно, что этот человек, герой, весь в орденах, а тоже когда-то, как и он, Тимка, — грязную воду на чистую стену.

Когда они перестали смеяться, мама спросила:

— Скажите, а где теперь Маша Путилина? Та самая, из-за которой все это случилось?

— Да, где она теперь, эта прекрасная Маша? — спросил папа. И все смотрели на человека с орденами и ждали. А он вздохнул и сказал:

— Не смогла прийти. Сидит с нашим внуком. Замечательный, между прочим, внук. Умен необыкновенно. На ногах и на руках перевязочки. Богатырь.

И все радостно закивали, а Марина Николаевна сказала:

— Как бежит время!

И тут, когда Тимка совсем отвлекся, мама взяла и спросила:

— Марина Николаевна, а как дела у нашего Тимофея?

Марина Николаевна пристально посмотрела на Тимку. Тимка напрягся: сейчас скажет. Он даже глаза хотел закрыть, но не смог: таращился на Марину Николаевну. Сейчас скажет. И сразу мама перестанет улыбаться, и серебряные бусы перестанут блестеть. Папа, когда расстраивается, становится усталым.

Марина Николаевна долго-долго смотрела на Тимку, ему показалось, что пауза длилась час, а может быть, и два. На самом деле она была гораздо короче, но все равно длинная. Наконец Марина Николаевна сказала:

— Мне жаловаться не на что. Правда, Тима?

Тимка быстро-быстро закивал. Мама погладила его по волосам, папа посмотрел немного вопросительно, но Марина Николаевна больше ничего не добавила. Тимка подумал, что это очень даже замечательная манера — делать большие паузы. А что это все время без передышки говорят, говорят.

— Ты что притих, Тимофей Сергеевич? — спросил подполковник. Он наклонился к Тимке, брови у него были светлые и лицо загорелое. И Тимка догадался, что это он у себя на пограничной заставе на ветру и на холоде стал таким смуглым: служба у него — в любую суровую погоду. — Чего ты такой скромный?

— Я не притих, — сказал Тимка весело, — я задумался.

— О чем же?

— Как бежит время.

Он так и не понял, над чем они все захохотали. Мама даже слезы вытирала и приговаривала:

— Тимка, у меня из-за тебя ресницы потекут!

Потом начался концерт. Десятиклассники играли на своих электрогитарах. Девочки из хореографического кружка танцевали танец маленьких лебедей. Было очень красиво, хотя платья у балерин были марлевые. Еще выступали ребята из хора, они пели без Тимки, и от этого у них получалось ничуть не хуже. А под конец все опять запели: «Главное, ребята, сердцем не стареть». Тимка пел вместе со всеми, подполковник пел, и Марина Николаевна, и человек в орденах.

А за окнами был синий зимний вечер. И мигал светофор на углу. Вожатая Таня спросила:

— А танцы будут?

— Конечно, будут, — ответил подполковник и закружил по узкому проходу Марину Николаевну. Девчонки и мальчишки стали выносить из зала стулья. Взрослые им помогали. Тимка тоже схватил стул в обнимку и потащил в коридор. Хотя танцевать еще не умел. ★

Владимир ДАНЬКО

Качели

Все лето
Качели
Качались
И пели,
И мы
На качелях
На небо
Летели.

Настали
Осенние дни,
Качели
Остались
Одни.

Лежат
На качелях
Два желтых
Листка,
И ветер
Качели
Качает
Слегка.

Рисунок Н. ВАСИЛЕВСКОЙ.

Раим ФАРХАДИ

Тишина

Не видна
И не слышна
Рядом
Прячется она.
У деревьев,
За кустами
И на озере лесном,
Вечерами
Вместе с нами
Осторожно
Входит в дом...
Кто она?
Зверек пушистый.
Лист умытый
золотистый.
Неба краешек.
Луна.
Чудо-птица:
Тишина.

А. АВАКЯН,
доктор географических наук,
заведующий сектором водохранилищ
Института водных проблем АН СССР

ГДЕ ВЗЯТЬ ВОДУ?

«Вода... Ее берут из крана».
(Из школьного сочинения).

Кто-то сказал: «Земля — это мокрый шар во влажной оболочке». И действительно, воды на Земле полтора миллиарда кубических километров. Но почти вся она—в Мировом океане. Пресной воды немного. Всего два процента. Да еще три четверти этой воды законсервировано в ледниках. Вот и получается—капелька на... «мокром» шаре.

Но и эта «капелька» распределена неравномерно. На севере, где места суровые и малообжитые, текут огромные, полноводные реки, а южнее, где живет много людей, где сосредоточена промышленность, рек почти нет.

Сколько же нужно человеку воды? Может быть, того, что есть, вполне хватит? Посчитаем.

Чтобы выплавить только одну тонну чугуна, нужно сто тридцать кубических метров воды. Для одной тонны меди еще больше — пятьсот кубометров. А синтетический каучук, из которого делают шины для автомобилей? Целых две тысячи семьсот кубометров воды нужно, чтобы получить тонну каучука. Только одну тонну! Как же много нужно воды, чтобы обеспечить все автомобили в стране шинами.

Твоя семья, если ты живешь в большом городе, забирает из водопровода тысячу, а иногда и две тысячи литров воды в день.

Но дело не только в том, что люди забирают из рек много воды. Люди, к великому сожалению, загрязняют воду.

Кто и когда видел горящую реку? Оказывается, видели. Река Кайахога в Соединенных Штатах Америки запылала от избытка горючих отходов, которые сливали в реку.

Есть очень печальные цифры. Например, каждый кубический метр отходов, попавших в реку, загрязнит десять, а иногда и сто — триста кубометров чистой речной воды.

Что же делать? Население земного шара стремительно растет, промышленность развивается. Вода нужна, необходима.

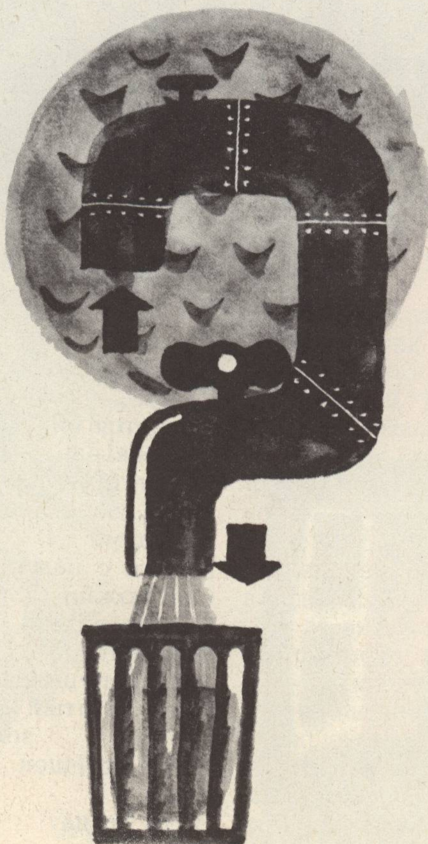
Люди создают водохранилища. Первое крупное водохранилище появилось в Египте за три тысячи лет до нашей эры. Сейчас на земном шаре построено более 10 тысяч водохранилищ. Это огромные искусственные моря, которые накапливают воду. Площадь водного зеркала всех водохранилищ земного шара равна по величине семи таким морям, как Аральское. Пройдет три — пять десятилетий, и на всех реках построят водохранилища. Но воды все равно не будет хватать.

И ученые думают над тем, где взять воду.

В Советском Союзе и Америке ученые разработали проект, по которому вода огромных северных рек будет переброшена на юг. Например, водой Печоры, вероятно, будет пользоваться Донбасс.

Не исключено, что из Гренландии и Антарктиды к побережью пустынь суда потянут на буксире огромные глыбы льда — айсберги.

Гидрогеологи открыли во многих местах земного шара подземные моря. Их пресную воду можно использовать. К сожалению,

запас воды в них ограничен и очень медленно восполняется.

Ученые пробуют и дождь вызывать по своему велению. Но искусственный дождь стоит пока очень дорого.

Морской воды на земле неограниченные запасы. И сейчас уже работают установки, которые опресняют воду. Есть даже опреснительные фабрики. Восемьсот таких фабрик во всем мире дают один миллион двести тысяч тонн пресной воды в сутки. В городе Шевченко на Мангышлаке работает первый в истории атомный опреснитель воды. Он дал воду нефтяным приискам и городу.

Вот сколько усилий тратят люди, чтобы добыть воду! «Добыть», как уголь или нефть. Ту самую, которая, торопясь, бежит из крана...

Каждый год наше государство тратит сотни миллионов рублей, чтобы доставить воду по каналам и трубам в город. Посмотри на рисунок. От реки до дома у воды тоже путь непростой и небыстрый.

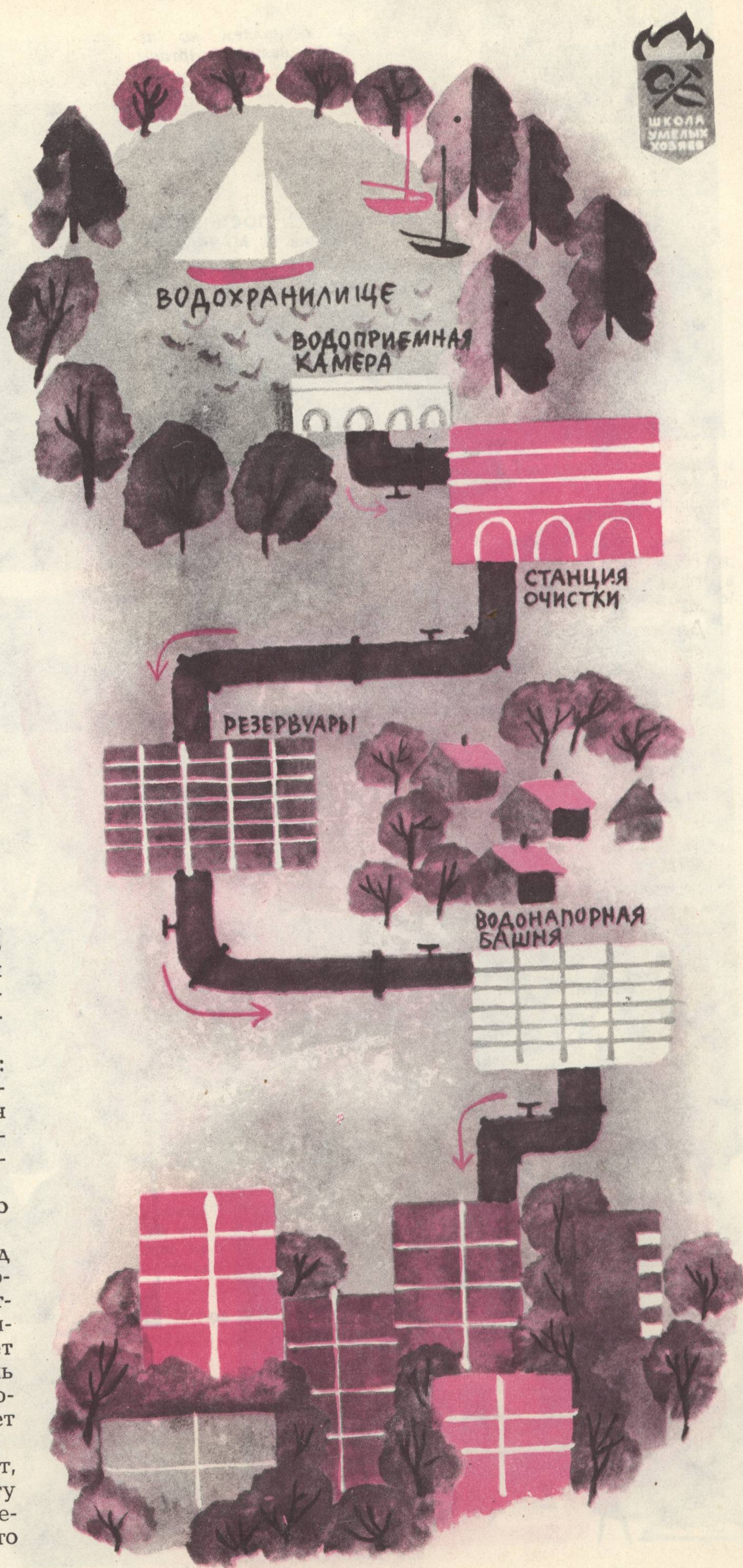
Без воды не обходится ни одно живое существо на Земле. Ни растение, ни животное. Как же мы должны ее беречь, эту обычную воду!

Ты, наверное, спросишь: как мне беречь воду? Просто закрывать вовремя кран. Следить, чтобы нигде в доме не растрачивалась по капелькам вода.

Чтоб ты понял, как это важно, вот тебе задача.

В день большой город расходует четыре с половиной миллиона кубометров воды. Десять процентов этой воды пропадает зря. В городе почти восемь миллионов жителей. Сколько же воды расходует зря каждый человек?

Когда получишь ответ, подумай над тем, как эту воду можно было бы сберечь. И напиши нам, что ты для этого делаешь.

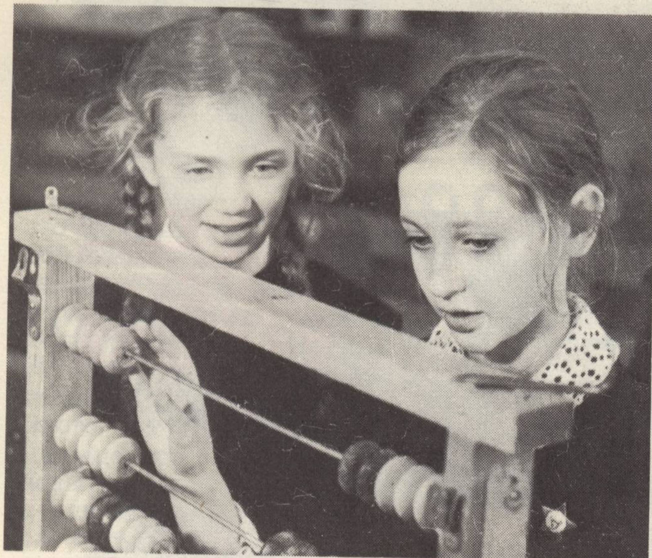

Мы приходим в школу маленькими, а уходим большими... Что происходит за это время? Мы учимся и работаем. Шагаем маршрутами «В страну знаний» и «Пионерстрой». Год от года растем..

В первом классе мы осваиваем «высшую» математику...

...и оставляем на асфальте великие картины, которые, как дежурный с доски, стирает дождь

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.
Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

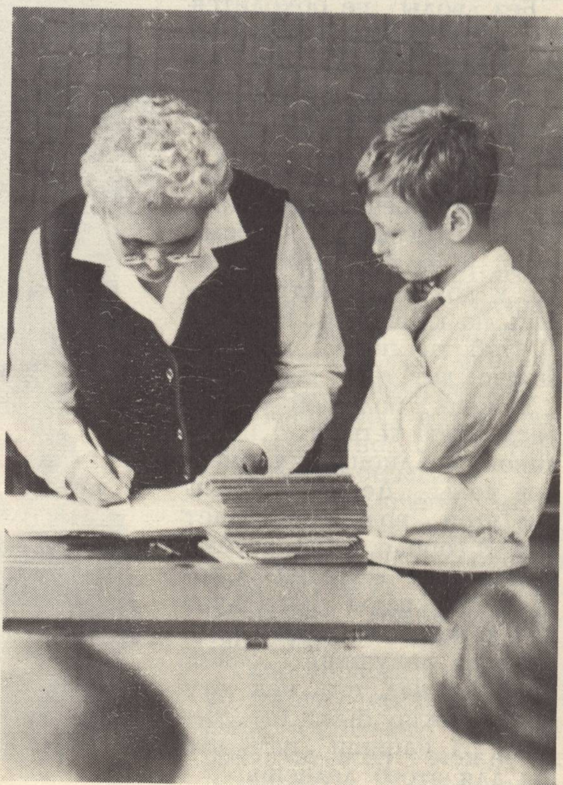

ДЕСЯТЬ СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Мы еще помним песенки и игры, которые разучивали в детском саду...

...но уже знаем, что такое Дневник и Оценка.

Наши идеи, наши расчеты и руки, которые выполнят задуманное, тоже наши. Мастер-универсал появляется в школьной мастерской.

Мы узнаём, как появляются книги и газеты... Вот они, тяжелые металлические буковки шрифта.

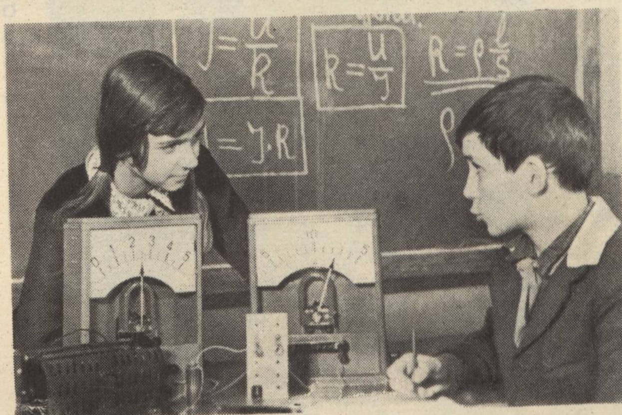
Нельзя сажать деревья и хмуриться, а то яблоки вырастут кислые. Но в нашем саду яблочки будут что надо!

Мистер Ом! Вы уважаемый человек, но мы все-таки проверим ваш закон, а вдруг...

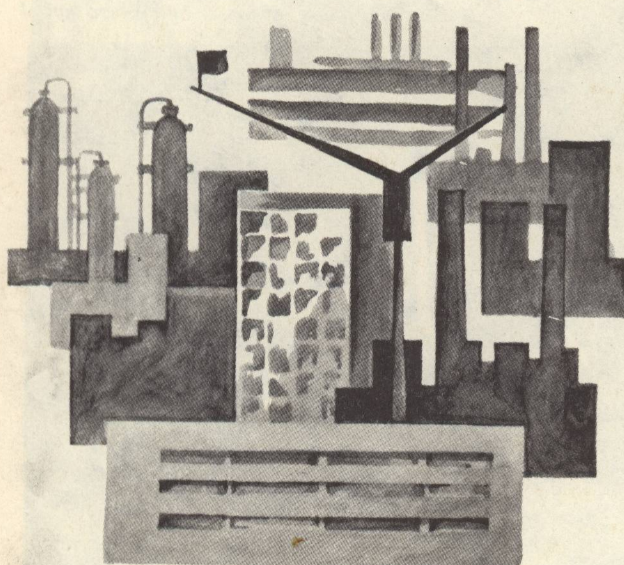

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ДРУЗЕЙ ИЗ ГДР

Новый микрорайон города Дрездена.

Германской Демократической Республике двадцать пять лет. Четверть века — срок небольшой, если речь идет о государстве, но ГДР и за это время добилась больших успехов. Она прочно вошла в десяток крупных индустриальных держав мира.

Металлургия, машиностроение, точная механика, химия — вот ведущие отрасли промышленности республики.

«Чудо на Одере» — так называют металлургический комбинат «Ост» в Айзенхюттенштадте.

В этом году справил свое десятилетие нефтеперерабатывающий завод в Шведте. Сырье — нефть он получает из Советского Союза по нефтепроводу «Дружба».

В городе Белен скоро построят огромный химический комбинат, который тоже будет перерабатывать нефть из нашей страны. Строить его помогают Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия.

И ГДР, в свою очередь, помогает социалистическим странам, членам СЭВа. Так, например, в ГДР делают детали автомобиля «Жигули» для нашего Волжского автозавода в Тольятти. А ГДР получает от нас уже готовые автомашины.

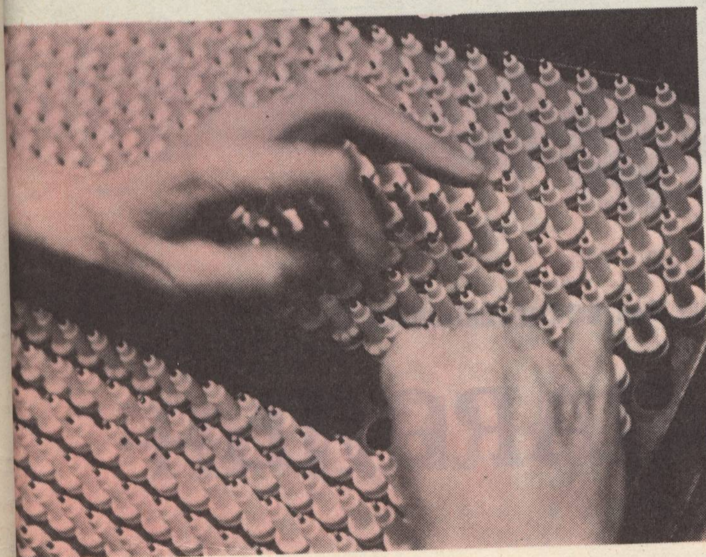
Если ты занимаешься фотографией, ты знаешь, какую прекрасную фотопленку и реактивы выпускает фабрика в Вольфене. А сколько радости доставляют нашим малышам игрушки и различные конструкторы из ГДР. В городе игрушек — Зоннеберге — каждый день «рождается» шесть тысяч кукол.

Фотографии Ю. КРИВОНОСОВА и А. СТРИЖКОВА.

Эта фотография сделана на фабрике игрушек в Зонneберге. Скоро эти голыши отправятся в далекое путешествиг. в нашу страну, Чехословакию, Венгрию, Болгарию...

На заводах в Зоннеберге выпускают свечи зажигания для машин «Жигули» и автомобильную «косметику».

Рисунки А. АЛЕКСЕЕВА.

Город Клингенталь славится своими музыкальными инструментами. В Потсдаме, под Берлином, создаются «музыкальные великаны» — органы. Многие из них установлены в концертных залах Москвы, Горького, Вильнюса, Алма-Аты...

ГДР — двадцать пять лет. В честь этого праздника немецкие трудящиеся соревнуются в том, чтобы «от каждой марки, каждого часа рабочего времени, каждого грамма материала получить наибольший полезный эффект». Социалистическое соревнование сделает страну развитой промышленности и сельского хозяйства, страну с высоким уровнем жизни, страну, выступающую за мир и дружбу между всеми народами нашей планеты еще сильнее, народ ее будет жить еще лучше.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ—

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Старая Линда в этот вечер едва успевала открывать дверь на звонки. К ее квартиранткам сестрам Невзоровым собирались гости.

Линда не может пожаловаться на барышень: приветливые, чистехи и, по мнению финки, не очень-то легкомысленные, хотя обе хохотушки, любят попеть и потанцевать. Но больше сидят за книгами. Курсистски ведь. Обе учатся на Бестужевских курсах, что поблизости, на десятой линии Васильевского острова. Курсистки, а не курят, и все их подруги некурящие, и нестриженные, у каждой косы ниже пояса — значит, благонадежные. А то жил у Линды квартирант, приходили к нему стриженые ба-

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

НАДЕЖДА

Недаром околоточный околачивался возле двора.

рышни и молодые люди в косоворотках, все курили, о чем-то спорили, от Линды таились, двери комнаты от нее запирали. Однажды ночью явилась полиция и забрала квартиранта. Линду допрашивали. Но что она могла сказать?

У сестер Невзоровых тоже часто собираются молодые люди. А почему бы им и не собираться? Зина и Соня одна краше другой, завидные невесты. Линда мало знает по-русски, пятьшесть слов, и ее квартирантки заучили десятка два финских слов. Вполне достаточно, чтобы договориться обо всем.

— Терве, терве, Надья! — приветствует Линда очередную гостью. «Надья» — подруга Зины. Тоже красивая, улыбчивая, пушистая коса мягкой кошкой свернулась на спине. Правда, Надья не такая бойкая, как Зина и Соня, но тоже любит петь. Чаще всех здесь бывает «Хлебушка», так, к восторгу Зины, называет финка

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

студента в зеленой тужурке. Линду не проведешь, влюблен этот «Хлебушка» в Зину. И сегодня пришел один из первых. А сейчас поет. Поет для Зины. Красивый молодой человек: высокий лоб, ласковый взгляд, приятный голос. Зина, веселая, с искрометными глазами, понимает свою власть над этим студентом и, чего греха таить, тоже влюблена в него. Ну и с богом! «Хорошая пара», — думает Линда.

— Олка хювя, ракаста Линда, отстака ойкен пальон[1] бублики, калачи, сайки, — просит хозяйку Зина и дает ей деньги. Финка понятливо кивает головой: много гостей, надо много булок.

На пороге Линда столкнулась с новыми гостями. Один, узколицый, со светлой бородкой клинышком, одет как барин с Невского: в котелке, белоснежный высокий накрахмаленный воротничок подчеркивает смуглость щек, в руках стек. Второй — большой, широкоплечий, с круглой бородкой, в темных очках.

Линда шла по двору и раздумывала: где она видела этого барина в котелке? К сестрам Невзоровым он не приходил. Где же она его встречала? А может, показалось старой, что знаком ей этот барин. Вот еще идут двое. Этих Линда знает: Петр и Поля. Петр в зеленой студенческой тужурке, Поля — с Бестужевских курсов, крупная, сероглазая, ласковая. Всегда сует Линде какой-нибудь леденец или фигурный пряник. Линда улыбается им как старым знакомым.

...Зина хлопочет у стола. Петр Запорожец вернулся с каникул из «ридной Украины», привез деревенские гостинцы: розовое сало, мед и огромную, как блюдо, головку подсолнечника с черными спелыми семечками. Зина устраивает подсолнух посередине стола.

Кажется, все в сборе. Со всеми уже Надя успела подружиться. Степан Иванович Радченко — руководитель кружка, степенный, немногословный, единственный отец семейства в кружке. Его жена Любовь Николаевна — ровесница Нади, а уже мать двоих детей, успевшая познакомиться с тюрьмой; Василий Старков — подтянутый, непроницаемый, казалось, навсегда застегнутый на все пуговицы, и только гитара в его руках выдает романтический настрой души. Суховатый, неразлучный с книгой Герман Красин. Немного неуклюжий, милый и красивый, во всем бескомпромиссный, фанатически предан делу революции Петр Запорожец. Деятельная, душевная и веселая Аполлинария, или попросту Поля Якубова. Мечтатель и поэт Глебушка Кржижановский, которого немыслимо представить отдельно от Зины Невзоровой, щедро наделенной умом, привлекательностью, живостью характера. Ее младшая сестра Соня писаная красавица, только бледность лица выдает ее болезненное состояние после недавно перенесенной холеры.

А вот у окна примостились трое, к которым у Нади особое расположение, это замечательные самородки, люди нового мира, рабочие-интеллигенты: слесарь Иван Бабушкин, токарь Сергей Фунтиков. Оба Надины ученики, оба с Семянниковского завода. Третий Василий Шелгунов, рабочий Обуховского завода.

Иван Васильевич одет как заправский щеголь, играет сложенными лайковыми перчатками, «конспиративными» перчатками, как он их называет. Они скрывают руки рабочего со вздутыми жилами, с крепкими, как броня, мозолями.

Сергей Иванович выделяется своей богатырской фигурой — настоящий Илья Муромец. Это он нес на похоронах Николая Васильевича Шелгунова венок от рабочих, высоко подняв его, как знамя.

Однофамилец писателя Василий Шелгунов самый старший в кружке. Ему уже двадцать восемь лет, а темные очки, которые он постоянно носит, делают его еще старше.

— Кого же еще ждут? Кого нет? — оглядывает еще раз Надя кружковцев. Нет Саши Малченко, студента-технолога, его-то, наверно, и ждут.

Раздался звонок в дверь.

— Это они пришли. — Зина побежала открывать дверь и вернулась в сопровождении Малченко и еще двух молодых незнакомых Наде людей.

— Вот наши новые члены кружка — волгари, — торжественно представил Саша собравшимся своих спутников. — Михаил Сильвин. Новгородец. Лет от роду восемнадцать.

— Почти девятнадцать, — поспешил поправить его юноша с широко раскрытыми мальчишескими глазами. По-мальчишески торчали в разные стороны и его подстриженные «ежиком» волосы, еле заметная щеточка усов пробивалась над верхней губой.

— Прошу прощения, — засмеялся Саша, — скоро Мише пойдет двадцатый. Он кончил Нижегородскую гимназию, успел быть членом тайного гимназического кружка толстовцев, разочаровался в них и два года занимался в марксистском кружке. Сейчас студент первого курса юридического факультета Петербургского университета.

Миша стоял пунцовый от смущения.

— Что вы успели одолеть из марксистской литературы? — строго, как на экзамене, спросил Степан Иванович.

— «Развитие социализма от утопии к науке» — сочинение Энгельса, первый том «Капитала» — сочинение Маркса, «Манифест Коммунистической партии» — Маркса и Энгельса, — скороговоркой выпалил Сильвин.

— Вполне прилично для гимназиста, — заметил Радченко.

— Я студент, — запальчиво подчеркнул свою взрослость Миша.

— Да я не в обиду, в поощрение вам сказал. Кто вас может рекомендовать?

Зина встала, откинула черную косу за спину.

— Я и сестра Соня хорошо знаем Михаила Александровича и за верность его делу рабочего класса ручаемся.

[1] Пожалуйста, дорогая Линда, купите побольше (по-фински).

— Да, да, — подтвердила Соня, — мы горячо рекомендуем принять в кружок и Мишу Сильвина и Толю Ванеева, как подготовленных марксистов и верных товарищей.

Анатолий Ванеев был на три года старше своего друга. Он несколько лет работал писцом у нотариуса, вечером ходил на занятия марксистского кружка, а по ночам занимался самообразованием. Сдал экстерном за реальное училище. В Петербурге держал экзамены сразу в два института — Горный и Технологический — и в оба был принят.

Ванеев располагал к себе всем своим видом. Среднего роста, худощавый, он был нетороплив в движениях, не спешил с ответами, серые глаза, опушенные густыми ресницами, смотрели доверчиво и приветливо.

— Я хотел бы вашего совета, товарищи, какой институт мне выбрать?

— А вы сами определили для себя — кем хотите быть? — спросил Радченко.

— Вполне. Решил быть революционером, а в институт иду, чтобы стать инженером и быть ближе к рабочему классу.

— Конечно, в Техноложку надо идти, а не в Горный. Безусловно в Технологический. Только там есть настоящие марксисты. Только туда! — раздались дружные возгласы.

Ванеев улыбнулся. Ослепительно-белые зубы высветили его болезненный цвет лица. Видно, бессонные ночи, проведенные за книгами, подорвали здоровье юноши.

— Спасибо, товарищи, я так и сделаю.

— Знакомы ли вы с основами конспиративной работы? — не унимался Радченко.

Да, Ванеев умел соорудить гектограф, изготовить бомбу, смастерить тайники для хранения нелегальной литературы, знал тюремную азбуку.

— Неплохо, неплохо, — с довольным видом урчал в усы Радченко. — И последний вопрос: где вы поселились?

— Мы с Мишей сняли комнату на Десятой Мещанской улице у одной немки, которая ни слова не понимает по-русски.

— Хорошее пополнение, — заметил Шелгунов. — Предлагаю принять в члены кружка.

— Принять! Принять!

— Принимаем, — согласился Радченко.

Взволнованные и счастливые Ванеев и Сильвин втиснулись на диванчик. Анатолий вытирал платком вспотевший лоб.

— Сегодня у нас организационное собрание после летних каникул, — продолжал вести заседание Радченко.

— Давно пора за дело приниматься, — отозвался Бабушкин, — у рабочего класса каникул нет. Мы тут без вас зубрили «Капитал».

— Я совсем запутался со своими учениками, — добавил Шелгунов.

— Мы возобновим работу в кружках. — Радченко обвел глазами присутствующих. — Нас одиннадцать человек, значит, будет одиннадцать кружков по пять-шесть человек в каждом.

— Почему одиннадцать? — возмутилась Зина. — Нас здесь шестнадцать.

— Женщины не в счет, — отрезал Радченко.

Девушки запротестовали. Где же равноправие?

— Я настаиваю, чтобы мне дали рабочий кружок, — тихо, но твердо заявила Надя.

Степан Иванович развел руками.

— Во-первых, у нас нет готовых рабочих кружков...

— Я подберу сама из своих учеников, — прервала его Крупская.

— А во-вторых, появление учительниц в рабочих поселках будет грубым нарушением конспирации, вы провалите кружки.

Соня Невзорова предложила выход.

— Мы переоденемся работницами.

Все рассмеялись.

— А красоту вашу куда спрячете? — спросил Фунтиков.

Бабушкин помахал в воздухе своими перчатками.

— Главное — руки. Я, чтобы быть похожим на барина, надеваю перчатки, а вы в перчатках, что ли, к рабочим пойдете? Ваше дело вечерне-воскресная школа. В ней вы делаете настоящее дело. По себе знаю. Вот, к примеру, наша учительница Надежда Константиновна. Она ни разу не произнесла «марксизм», «стачка», «революционное движение», а рабочие в ее классе хорошо разбираются, как наживаются капиталисты на нашем труде, почему царь заодно с богатеями, как объединяются рабочие в борьбе за свои права в других странах. Каждый из нас спасибочко говорит Константиновне.

— Что правда, то правда, — подтвердил Фунтиков. — Когда Надежда Константиновна лекцию по географии читает, тут только умей слушать да на ус наматывай.

— Хватит, хватит, — отмахивалась Надежда Константиновна. — Школа не может решать революционных задач, а Маркс говорит о революционной организации рабочего класса.

— Мы к этому придем, нужно время. Передовые рабочие должны овладеть марксизмом. Терпение и еще раз терпение, — внушал Радченко.

И тут-то терпение в кружке взорвалось. Все заговорили разом.

Молодые люди пришли в этот кружок по зову совести, готовые на любые жертвы, никто из них не думал о собственной карьере, все они были чисты в своих помыслах и бескорыстны, как только может быть бескорыстна честная юность, каждый из них раз и навсегда определил цель своей жизни — служение рабочему классу. И каждый понимал свою ответственность за дело освобождения рабочего класса от нищеты, угнетения, несправедливости. Но для этого нужна организация, большая, сплоченная. Как ее создать? В Петербурге действовало всего полтора десятка глубоко законспирированных кружков. Нужно единство действий этих

кружков. Как это сделать? Нужна газета. Как ее создать? Нужно, чтобы идеи Маркса стали достоянием передовой части рабочего класса. Как это осуществить?

Загорелся спор горячий, страстный, заинтересованный. Надя снова вспомнила слова отца: «Мне стыдно, что так медленно живу я». И это чувство владело всеми.

В самый разгар спора в дверь постучала хозяйка. Принесла бублики.

— Киитоксиа пальон[1], — поблагодарила Зина и сунула корзинку куда-то в угол. Было не до бубликов.

Линда пошла к себе. Уселась за вязанье и думала. Нет, не для гулянки собрались эти молодые люди. Не поют, не танцуют. И недаром околоточный околачивается возле двора. Спросил Линду: «Что это за гости у тебя?», — приоткрыл салфетку в корзине: «Хорошие калачи». И барин тот вовсе не барин, в котелке его Линда не признала, а когда передавала Зине корзину, увидела, что это слесарь с Семянниковского завода Иван Бабушкин. С ним в мастерской работал муж Линды Аксель. Иван был на похоронах Акселя.

Три года как овдовела Линда. Маленький сын умер, не дожив до года. Одна теперь Линда. Сдает комнату, вяжет добротные чулки и шарфы на продажу.

Тревожно что-то на душе у Линды. Отложила вязанье, вышла во двор. Околоточный стоял под окном квартиранток и глядел в щель неплотно задернутой занавески. Линда неслышно повернула обратно. Постучалась в дверь, поманила пальцем Кржижановского, что сидел поближе.

— Хлебушка, надо танцевать, петь надо. Полиси ходит. Полиси окно смотрит.

Глеб обнял за плечи женщину.

— Будут песни рова Линда. Самую красивую песню спою для вас.

Линда улыбается. Зазвенели струны гитары, и Хлебушка запел. Хорошо поет, песня нежная, жалобная. А вот и девушки затянули. Когда люди поют, тогда полицейским делать нечего.

Линда сидит, вяжет чулок, слушает песни, вспоминает свою молодость. Линда тоже любила петь и танцевать. На танцах и Акселя встретила. Вместе пели грустные песни Финляндии, негромкие, суровые. Линда играла на кантеле, Аксель — на берестяной трубе-туохиторви. Теперь Линда не поет. Иногда читает священное писание на финском языке. Русский царь запретил печатать другие книги на ее родном языке. А по-русски Линда не умеет. Вот и остались воспоминания, бесконечный чулок на спицах и священное писание.

Кончили петь. Стали расходиться. Иван, как видно, узнал хозяйку, поклонился ей, хотел что-то сказать, но надвинул котелок на самые глаза и поспешил уйти.

Нет, не для гулянки собирается молодежь у сестер Невзоровых.

---

[1] Большое спасибо (по-фински).

РЯБИНА ОБЫКНОВЕННАЯ

— Борис Андреевич, поздравляю! Вы очень понравились моим новым ученикам. «Профессор, а говорит совсем понятно». Это ли не лучшая похвала?

Надя застала профессора за работой: он вычерчивал схему кровообращения.

— Очень рад, очень рад. — Борис Андреевич отложил в сторону перо.

— В прошлом году после ваших лекций половина учеников перестала ходить на урок закона божьего, — продолжала Надя, — а вчера один ученик никак не мог успокоиться оттого, что он состоит весь из клеточек.

— Я сам многому научился за эти два года. И никогда не готовился так тщательно к лекциям, как готовлюсь сейчас для вашей воскресной школы. Бьюсь над каждым словом. Мы привыкли к научным штампам, к латыни. Когда я вижу, с какой жадностью слушают меня рабочие, я благословляю свою судьбу. Чувствую себя нужным, чувствую себя полезным. Спасибо, Надюша, что тормошили меня, старика. Располагайте мною. Я весь к вашим услугам.

Надя крепко обняла профессора.

— Замечательные человеки, вы, Борис Андреевич, и мама. Ей-богу! Я так счастлива, что теперь мы с мамой подружились, понимаем друг друга с полуслова.

— Елизавета Васильевна редкой души человек, — уважительно отозвался профессор, — и любит вас без памяти.

— А вы чем-то сегодня взволнованы?

— Очень взволнован, очень, Надюша. Посмотрите, какие шедевры приготовлены для вашего подвижного музея.

— Черепа? Я за ними и пришла.

— Черепа я уже упаковал. Нет, обратите внимание на это. — Профессор подвел Надю к столу, загроможденному листами картона.

Это был гербарий.

Каждый гербарный лист — произведение искусства. Вот мхи — серые, зеленые, бурые, красноватые, вот полевые цветы, не потерявшие своих красок, — кусочек луга, яркого, словно освещенного солнцем. Черемуха... Лесной орех... Рябина.

— Откуда эти сокровища?

— Гербарий сделали узники Шлиссельбурга.

— Узники Шлиссельбурга? — Надя вздрогнула.

Шлиссельбург. Это слово заставляло содрогаться сердце. Крепость на Ореховом острове у Ладожского озера. Всего шестьдесят верст от Петербурга. Крепость-тюрьма, в которую заточали самых опасных для царизма людей,

народовольцев, революционеров. Тюрьма, о которой в народе слагались страшные легенды. Тюрьма, куда не проникали никакие вести с воли, где не разрешалось ни свиданий, ни переписки.

Борис Андреевич прикрыл ладонью глаза.

— Вам, Надюша, я могу рассказать. Мой однокашник по Московскому университету работает там врачом. В Шлиссельбурге сорок заключенных. Из них две женщины — Вера Фигнер и Людмила Волькенштейн. Была третья — Софья Гинзбург, но выдержала только тридцать восемь дней. Не вынесла мертвящей тишины и одиночества. Покончила с собой. Там в заключении один из моих учеников, Иосиф Лукашевич. Вместе с другим моим учеником, Александром Ульяновым, был приговорен к смертной казни. Потом казнь ему заменили пожизненным заключением в крепости...

Надя сидела, сцепив пальцы на колене. Ей представилась серая крепостная стена и на ее фоне рябина — единственное дерево на тюремном дворе. В белую майскую ночь 1887 года под рябиной был сооружен черный помост с тремя виселицами. На заре сюда привели Александра Ульянова и его четырех товарищей. Александра казнили последним. Он ждал своей очереди, а над ним шелестела молодыми листьями рябина, украшенная белыми зонтиками цветов, тихо шелестела и посыпала черные кудри Александра золотистой пыльцой. А сейчас, в этот зимний день, с голых, словно обуглившихся ветвей свисают кроваво-красные гроздья ягод, горьких и терпких. И на гербарном листе среди листьев и цветов, как капли крови, ягоды рябины.

Надя слушала профессора, слезы застилали ей глаза.

Борис Андреевич шагал по комнате, заложив руки за спину.

— Я тоже плакал, — признался он. — Люди, обреченные на медленную и мучительную смерть, думают о живых, хотят быть полезными людям даже там, за пределами жизни...

Надя вытерла слезы.

— Борис Андреевич! Если можете, передайте через вашего доктора: мы сделаем все, чтобы они увидели свободу. Я верю в это. Мы ответственны и перед мертвыми и перед живыми. Разве вся Россия сейчас не Шлиссельбург? Разве вы, насильственно оторванный от науки, не узник?

— Нет, Надюша, теперь я не чувствую себя узником. Каждый четверг, когда я читаю лекции для наших рабочих, превращается для меня в воскресенье, в праздник.

...Надя явилась в музей, нагруженная папками, картонками. Музей занимал пока одну комнату в библиотеке Николая Александровича Рубакина. Но учительницы воскресных школ мечтали о большом передвижном музее, музее, где экспонаты не лежали бы праздно на полках, а путешествовали бы по вечерним рабочим классам, профессиональным училищам, народным школам.

— Вы, Надюша, как верблюд, всегда чем-нибудь нагружены, — встретила ее Лидия Михайловна Книпович и стала помогать распаковывать свертки.

— Какая прелесть, этот гербарий, настоящая живопись! А мхи похожи на мозаику. Но на листах нет этикеток, не указано время и место сбора. Это — большое упущение. — Лидия Михайловна любила во всем точность. — Кто составлял его?

— Гербарий цветов делала Вера Фигнер, коллекции минералов — Николай Александрович Морозов. Эту карту развития растительного и животного мира на земле рисовал Иосиф Лукашевич. И обратите внимание на расцветку. Черная краска — это копоть с тюремной лампы, синюю он соскоблил с полоски на стене, а красная — кровь Лукашевича.

Лидия Михайловна дрожащими руками вынула из ридикюля папиросу и закурила.

— Шлиссельбуржцы? Возможно ли это? — Книпович благоговейно перекладывала гербарные листы... — С каким изяществом все это сделано! Сделано в каменном мешке. Вы понимаете, Надя, что это за люди.

— Я преклоняюсь перед ними.

— Преклоняться мало. Надо продолжать их дело.

Лидия Михайловна взяла еще одну папиросу, прикурила ее от первой и, нервно попыхивая, отошла к окну.

Была она худощава, одевалась с подчеркнутой строгостью, русые волосы гладко зачесаны назад и закручены в тугой узел на затылке. Во взгляде серых глаз — огонь подвижничества и твердая воля. Женственными были только мягко очерченные губы, да редкая улыбка вдруг добрым светом освещала лицо.

Лидия Михайловна, казалось, ждала ответа.

Надя молчала.

Книпович внимательно посмотрела на Надю, склонившуюся над гербарием.

— Я человек решительного действия. А вы, по-видимому, другого склада. Поначалу вы показались мне просто хрупкой, застенчивой барышней. Потом я увидела целеустремленного человека, когда вы сражались за право преподавать в мужских классах. Каждый день вы приходите, нагруженная книгами. Тихая и незаметная, вы перевернули всю школу. Заставили Варгунина и Аврамова превратить литературные четверги в лекции по географии, а на самом деле в лекции по марксизму. Ваши ученики установили очередь для посещения уроков закона божьего, чтобы отбывать эту повинность. Во всех классах к рождеству остается половина учеников, а ваш класс не редеет. На ваши лекции приезжают рабочие с других концов Петербурга, с Путиловского завода. В половине десятого вечера занятия в школе кончаются, а в вашем классе до одиннадцати горит свет, и ученики уходят через черный ход. Все ваши ученики мечтают быть второгодниками, чтобы остаться в вашем классе...

— Вы меня в чем-то обвиняете? — недоумевающе спросила Надя.

— Нет. Я восхищаюсь вами и сожалею, что вы не в рядах народовольцев, но вы ведь тяготеете к марксизму?

— Почему «но»? — спросила Надя.

— Потому что быть марксистом сейчас модно. Во всех политических салонах, в студенческих кружках читают Маркса, изучают Маркса. Что ж, это безопасно, за это не сажают в тюрьму, не ссылают на каторгу. «Капитал» Маркса разрешен цензурой. Вам надо идти с теми, кто продолжает дело Софьи Перовской, Андрея Желябова, Веры Фигнер...

— Нет, — спокойно ответила Надя, прямо глядя в глаза Лидии Михайловны. — Я очень долго искала заветную дверь, потеряла много времени, набила себе шишек, стучалась не в те двери, и, наконец, нашла ее.

— Боитесь жертвовать жизнью?

— Я не люблю слов «жертвенность», «жертва». Я просто решила отдать все свои знания, всю себя делу рабочего класса, его освобождению. Очень хочу дожить до того дня, когда восставший пролетариат сметет власть экспроприаторов. И буду всячески содействовать приближению этого часа. И вы, Лидия Михайловна, доживете до этого. Вы, человек отважный и высоконравственный, неизбежно придете в ряды марксистов.

Книпович рассмеялась жестковатым смехом.

— Я на тринадцать лет старше вас. Разубедить меня невозможно. Я верю в полезность и необходимость того, что я делаю.

— Но вы, Лидия Михайловна, сами того не желая, подрываете веру рабочих в свои силы. Вы по-прежнему надеетесь на крестьянина, верите в сильную личность, героя, который один способен повести за собой народ. Я верю в рабочий класс, верю в организацию.

— Каждый волен защищать свои убеждения, — пожала плечами Книпович, — но я понимаю, что террористки из вас не получится.

— Не получится, — холодно согласилась Надя. — Хотя именно подвиг и судьба Софьи Перовской заставили меня по-настоящему задуматься о цели жизни. Но разве можно одиночными выстрелами поразить самодержавие, дать народу свободу?

— Увы, мой друг. Книга всегда остается книгой, это не бомба, не метательный снаряд. «Капитал» Маркса никому не угрожает.

— «Капитал» сильнее бомбы. Это стали понимать и царские чиновники. Цензура спохватилась и запретила печатать сочинения Карла Маркса.

Лидия Михайловна резко оборвала разговор.

— Давайте займемся делом, будем заполнять карточки на поступившие экспонаты. — Книпович придавила недокуренную папиросу о дно большой раковины. — Диктуйте, я буду записывать.

Надя вынула из картонки два черепа.

— Череп интеллигентной женщины начала девятнадцатого века. Поступил из частной коллекции. — Надя провела рукой по гладкой черепной коробке. — Профессор говорит, что она была хороша собой. А что она оставила людям?

— Не отвлекайтесь. Дальше.

— Гербарий. — Надя взяла в руки гербарный лист. — Рябина обыкновенная... Сорбус аукупариа... Листья сложные, непарноперистые. Цветки белые... Плоды шарообразные, ярко-красные... Рябина обыкновенная, — задумчиво повторила Надя.

ДИРИЖЕР

В этот февральский морозный день по улицам плыл запах жареного теста. В каждом доме пекли блины. Пекли в ресторанах, трактирах, кабаках и прямо на улицах — на жаровнях. Казалось, даже снег, обильно сыпавшийся на землю, пахнет блинами.

Древний славянский праздник проводов зимы. Веселый, пестрый, шумный праздник Ярилы — языческого бога солнца, плодородия и любви. И сами блины — эмблема солнца — круглые, золотистые, горячие.

Справлялся этот праздник и в доме инженера Роберта Эдуардовича Классона.

К подъезду двухэтажного дома на Большой Охте подкатывали извозчики: к Классону собирались гости.

Аполлинария Якубова с Зиной Невзоровой хлопотали на кухне. Поля энергично уминала тесто, которое пузырилось и пыталось убежать из дежи. Плита раскалилась докрасна. Зина раскладывала на блюда закуски. Мужчины собрались в кабинете Роберта Эдуардовича, курили, переговаривались, просматривали свежие французские и немецкие журналы.

Дверь Наде открыла Зина, раскрасневшаяся у плиты.

— Куда же ты запропастилась? Классон отпустил прислугу и блины поручил нам. Вот она, женская доля.

— Трудно сегодня пробираться по улицам, — оправдывалась Надя, — то ряженые улицу запрудят, то толпа вокруг медведя соберется. А ученый волгарь пришел? — шепотом спросила она.

— Нет еще. С минуты на минуту ждем его и Мишу Сильвина. Ты займешься сейчас сервировкой стола, все, что надо, найдешь в буфете, Поля будет печь блины, а я подавать. — Зина взмахнула салфеткой, зажала ее под мышкой и побежала на кухню.

— Чур, блины буду печь я, — раздался в передней густой голос Колмыковой. — Насчет теста я мастер, — заявила она, входя в кабинет вместе с хозяином и здороваясь с гостями. — Да, да. Сам Лев Николаевич признал. Он как-то проездом заглянул ко мне в Харькове. Я в то вре-

мя Сократом увлекалась, писала о нем книгу. Послала рукопись на суд Толстому. Ждала его приговора. Пришел он ко мне, я его пирогами собственной выпечки потчевала. Лев Николаевич ел с удовольствием, а я со страхом ждала, не скажет ли он что про моего Сократа. Поел Толстой, присел на диванчик, поднял на меня свои голубые глазки и так прямо мне говорит: «Вы, Александра Михайловна, талант!» У меня руки похолодели, ноги обмякли. Я даже к стене прислонилась, чтобы не упасть. Стою не дышу, ушам своим не верю. Лев Николаевич повторяет: «Талант, истинный талант, дорогая Александра Михайловна, я таких пирогов отродясь не едал. А вот что касается вашего Сократа, я его прочитал и должен вам сказать...» Что уж он дальше говорил, не помню. Будто меня из кипятка в ледяную прорубь сунули...

Девушки смеялись до слез. Мужчины вежливо улыбались. Петр Струве покачал рыжей шевелюрой — придумает же мать, — прищурился сквозь золотое пенсне и, покрутив пешкой над шахматной доской, подставил ее под удар. Герман Красин углубился в расчеты, взвешивая, что кроется за этим жертвоприношением партнера.

Надя расставляла тарелки, когда в комнату вошел Сильвин с незнакомым молодым человеком. «Ученый волгарь», догадалась Надя, но что же в нем примечательного? Такой, как все.

— Вы здесь со всеми знакомы, Владимир Ильич, — сказал Сильвин, — а впрочем, нет. Вот разрешите представить нашу Надежду, веру и всеобщую любовь.

— Как, сразу три имени? — Гость протянул руку.

— Надежда Крупская... Надежда Константиновна... — строго отрекомендовалась Надя.

— Очень приятно. Владимир Ильич Ульянов, — назвал себя гость.

Здороваясь со Струве, Ульянов с любопытством глянул на шахматную доску, увидел замешательство Красина.

— Интересная ситуация. Но я бы на такую приманку не пошел и жертву не принял.

— Не желаете ли доказать это на деле? — язвительно, с тоном превосходства спросил Струве.

— Попытаюсь. Разрешите? — обратился Ульянов к Герману.

Красин охотно уступил свое место.

Надя, перетирая тарелки и бесшумно ставя их на стол, наблюдала за новым гостем... Мужчины окружили шахматный столик.

Ульянов еще раз обежал глазами расстановку фигур, откинулся назад, на секунду замер и затем каким-то неуловимым движением передвинул фигуру. Струве запустил пальцы в рыжие кудри, впился глазами в шахматную доску. Передвинул свою фигуру. Надя слышала смех — молодой, звонкий, торжествующий.

«Как хорошо он смеется, весь смеется», — отметила она.

— А не угодно ли вам принять теперь и от меня сию посильную жертву?

Большие уши Струве зарделись.

Наступило молчание.

Надя замерла. Вот они сидят друг против друга. Струве — ярко-рыжий, веснушчатый, взлохмаченный, вид неряшливый, а напротив — его противник, пышущий чистотой, здоровьем, с яркими карими глазами, над которыми возвышается точеный купол лба.

— Жертвы не принимаю, — сказал наконец Струве, — победу будем считать за вами. И нам пора начинать.

— Весьма ценное признание, — ответил Владимир Ильич, вставая со стула.

Надя с облегчением вздохнула. Ей почему-то очень хотелось, чтобы выиграл он, Ульянов, умеющий так хорошо смеяться.

Степан Иванович Радченко пригласил мужчин к столу.

— А наши дамы? — поинтересовался Ульянов.

— Пекут блины, — ответил Радченко, — потом присоединятся. Итак, здесь собрались представители марксистских кружков Петербурга...

— Разрешите уточнить, — перебил его Струве, — собрались марксисты разных направлений.

— Как это разных направлений? — спросил Бабушкин. — Мы, рабочие, считаем, что марксисты — это единый, сжатый кулак.

Сидевший поодаль за ломберным столиком барственного вида человек, играя золотыми брелоками на жилете, заметил:

— Может быть, Петр Бернгардович хотел сказать, что собрались марксисты, рабочие и интеллигенты.

— Вот вы куда гнете! — Шелгунов нервно поправил темные очки на носу. — Хотите марксистов по разным полочкам разложить. Марксисты — рабочие, марксисты — интеллигенты и среди них тоже разноцветные. Это чего ж мы с вами добьемся?

Надя стояла у дверей столовой с поварешкой в руках. Ей не нравилось такое начало. Не доброе оно. Она видела, что и Ульянову и всем ее друзьям это не по душе.

— Я уточняю, — прорвался сквозь общий шум голос Струве. — Я примыкаю к марксизму по некоторым основным вопросам, но буквой и кодексом этой доктрины себя не связываю. Я свободный человек!

— Гм... гм... свободный от революционного марксизма, — четко и раздельно произнес Ульянов.

— О, вы ортодокс. Я имел удовольствие читать вашу работу «По поводу так называемого вопроса о рынках». Любопытная работа. Кстати, в ней досталось нашему уважаемому Герману Красину, которого вы только что изволили выручить за шахматной доской.

— И я читал ваши «Критические заметки об экономическом развитии России». Вы пытаетесь «обезвредить» марксизм для царского правительства, для буржуазии. Я примыкаю к мар-

Ульянов обежал глазами расстановку фигур и каким-то неуловимым движением передвинул фигуру.

ксизму по всем его положениям и готовлюсь дать вам ответ.

— Р-р-революционного содержания? — с вызовом спросил Струве.

— Безусловно. Мы должны готовить рабочий класс к революционной борьбе.

— Совершенно верно! — поддержал Ульянова Радченко. — И мы будем это делать, созда-

вая строго законспирированные рабочие кружки.

— Сколько таких кружков в Петербурге? — спросил Ульянов.

— Пятнадцать — двадцать, по пять-шесть человек в каждом, — ответил Радченко.

— И, заметьте, сотня начинающих рабочих-марксистов на пятьсот фабрик и заводов, — вставил Струве, — о каком революционном движении может идти речь? Россия не Европа.

— Мало! — согласился Ульянов. — Но надо полагаться не на одни только кружки.

— Что же вы предлагаете? — спросил обеспокоенный Радченко.

— Нам нужна еще широкая массовая агитация. Мы должны научиться говорить с тысячами рабочих.

— Как? Кто же разрешит? — послышались голоса.

— Разрешения спрашивать не будем. Будем выпускать листки, распространять их среди рабочих. Будем откликаться на каждое событие фабричной и заводской жизни, разъяснять рабочим их задачи, объединять их на решительные действия.

— Не согласен, — решительно возразил Радченко. — Мы поставим под удар кружки. Выпускать листки — значит объявить о нашем существовании. Мы должны действовать конспиративно, оберегать кружки от провала.

— Надо объединиться с народниками, — раздался чей-то голос.

— Народники выступают против социал-демократов, мы должны их разоблачить, расчистить путь для марксизма, — ответил Ульянов.

— Прежде всего надо обучить рабочих грамоте, не с народниками надо воевать, а идти в комитеты грамотности, — раздался голос барина с брелоками.

Ульянов забарабанил пальцами по столу.

— Мне помнится, что покойный Николай Васильевич Шелгунов в свое время подсчитал: для того, чтобы население России могло стать поголовно грамотным, потребуется сто двадцать лет, для того, чтобы все получили среднее образование, нужно пятнадцать тысяч лет. Вы мыслите тесячелетиями. А мы должны подвести рабочий класс к победе за пятнадцать — двадцать лет. Совершит это наше поколение.

— Вы, стало быть, против обучения рабочих грамоте? — спросил Классон.

— Отнюдь нет! Но мы сейчас говорим о создании революционной организации рабочего класса, и подменять ее комитетом грамотности нельзя. Вечерние рабочие школы нужны. Они будут нашим резервом. Насколько я осведомлен, наши доблестные соратницы не только обучают рабочих грамоте, но и подводят их к пониманию марксизма.

Надя понимала, что Ульянов распахивает новые, невиданные горизонты. Новизна и смелость его суждений покорили не одну ее: Запорожец, Кржижановский, Старков весело переглядывались — каково?

— Так до чего же мы договорились? — спросил растерявшийся Радченко.

— Просто каждый высказал свою точку зрения, — ответил Ульянов. — Но я думаю, что те, кто выступал здесь против массовой агитации, в конечном счете поймут ее необходимость, а вот кто вместо революционной организации пролетариата предлагает работу в комитетах грамотности или, того хуже, отрицает революционную сущность марксизма, очевидно, пойдут своей, не нашей дорогой. Я, к сожалению, спешу. Не последний раз встречаемся, — вдруг улыбнулся Ульянов.

Девушки спохватились: на кухне корежились, горели на раскаленных сковородках блины, на столе остались нетронутые горки блинов.

— Не удались блины, не удались, — сокрушался Роберт Эдуардович после ухода Ульянова.

Споры взорвались с новой силой. Старков, Ванеев, Кржижановский, Запорожец, Шелгунов, Сильвин безоговорочно поддерживали Ульянова. Бабушкин выразил опасение, что массовая агитация разрушит кружки. Девушки горячо выступали за Ульянова. Кипятился больше всех Струве, считавшийся в студенческой среде Петербурга знатоком учения Маркса.

— Петруша, Петруша, не петушись, — успокаивала своего приемного сына Александра Михайловна. — Прав-то он, Ульянов, а не ты, и большинство поддерживает его, а не тебя.

— Кто его поддерживает? Волгари, земляки — Ванеев, Сильвин, Малченко, сестры Невзоровы... Волга решила впадать в Неву, но ведь она впадает в Каспийское море.

— Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ! — бросил ему Ванеев.

Запорожец, до сих пор молчавший, помотал большой кудлатой головой и широко распахнул руки.

— Друзья! У нас сегодня большой праздник. Я не волгарь, но за Ульяновым пойду в огонь и в воду: он знает, как надо служить рабочему классу. У нас же с вами нет цели выше.

— Он знает, чего он хочет, — отозвался о своем госте Классон.

— Ульянов знает, что хочет рабочий класс, — поправляя темные очки на носу, восхищенно произнес Шелгунов. — И ты, Ваня, насчет агитации неправ, Ульянов великое дело задумал.

Бабушкин был смущен.

— Но вот Степан Иванович тоже не согласился с ним. Начнем эту самую агитацию и загубим кружки.

Кржижановский сидел, обхватив голову руками, а потом словно очнулся.

— До чего же он хорош и ясен, этот Ульянов! Он сказал новое, свежее слово, до которого мы сами не могли додуматься. Я не боюсь высоких слов — он гениален, этот замечательный волжанин. Мы тут пиликали каждый на своей скрипочке, он пришел, послушал, кто во что горазд. У нас теперь будет слаженный оркестр, товарищи. У нас есть дирижер!

ГРОЗА

Надежда Константиновна и Владимир Ильич вышли от Книпович последними.

Только что состоялся большой и обстоятельный разговор Владимира Ильича с учительницами-марксистками Смоленских классов. Разговор продолжался несколько часов. Учительницы поняли, какое большое значение придает Владимир Ильич их работе в школе, что он видит в них не обычных просветительниц, а боевых товарищей. Никто из марксистов-интеллигентов не был так тесно связан с рабочими, как

учительницы вечерне-воскресной школы. Они знали положение на каждом заводе и фабрике на всем огромном Шлиссельбургском тракте, знали своих учеников, умели среди них отбирать таланты и выверять их готовность к революционной работе. Ульянов подробно расспрашивал девушек, вникал во все детали их работы, деликатно и вместе с тем убедительно поправлял их и так сумел очаровать своим тактом, доверием и пониманием их дела, что даже скупая на выражение эмоций Лидия Михайловна в конце концов воскликнула:

— Да что говорить! Надежда Константиновна долго и настойчиво совращала меня на путь марксизма, а вы, Владимир Ильич, окончательно доконали. Честное слово! Теперь я с вами.

Владимир Ильич шел молча, все еще под впечатлением этой встречи изредка покачивал головой, улыбался.

— Замечательные девушки, бесценные помощницы, — искренне вырвалось у него. — Мне просто везет. Я вырос в окружении чудесных, необыкновенных женщин — это моя мама, сестры. А теперь вы.

Надя не поняла, кого под словом «вы» он подразумевает. Видимо, учительниц, с которыми только что беседовал.

Шли по Французской набережной, потом по мостику через Фонтанку. В купах зелени Летнего сада белели мраморные фигуры. Было тепло и солнечно. С Невы дул прохладный ветерок.

— Здесь я часто гулял с Олей, — с горькой нежностью произнес Владимир Ильич. — Мы выросли с ней вместе, она была моей подругой, любимой сестрой. Удивительная девушка! Трудолюбивая, целеустремленная. Я у нее многому научился, хотя она моложе меня на полтора года. И сейчас она была бы вместе с нами.

Сердце Нади сжимала боль.

От Зины Невзоровой она знала, что Оля Ульянова училась на Бестужевских курсах, поражала и подруг и преподавателей глубокими знаниями. Умерла от брюшного тифа три года назад.

— А мне здесь все напоминает отца, — призналась Надя. — Уже много лет прошло, а я до сих пор помню, где какие стихи он мне читал, о чем мы говорили с ним, о чем мечтали. Он знал наизусть множество стихов Пушкина, Лермонтова, Мицкевича и особенно любил Некрасова.

— Подумайте! Я тоже воспитан на Некрасове и тоже обязан этим отцу.

И как-то так случилось, что Надя стала рассказывать о своем отце. Перед Ульяновым возникал не только благородный образ революционера-демократа Крупского, но и раскрывалась сама Надежда Константиновна с ее неутоми-

— Здесь я часто гулял с Олей,— с горькой нежностью произнес Владимир Ильич.

мым поиском цели жизни, душевной чистотой и горячей верой.

— Пойдемте в Александровский сад, посидим, — предложил Владимир Ильич.

Пыльная, горячая мостовая, цоканье копыт, окрики извозчиков, людской говор остались позади. Их встретила прохлада, гомон птиц.

Владимир Ильич остановился и прислушался.

— Слышите, щегол поет. А вон черный дрозд — словно на флейте играет.

Надя смущенно пожала плечами.

— Я горожанка. Очень люблю птичьи голоса, но совсем не различаю птиц. Разве только кукушку от жаворонка да соловья от грача.

— А я с детства хорошо знаю птиц. Мама учила, а потом дружба с деревенскими ребятишками. У нас всегда была какая-нибудь живность — собака, кошка, голуби, даже была лечебница для подбитых птиц, брошенных котят. Однажды мне подáрили щегла... — Владимир Ильич вдруг замолчал и остановился. Они вышли к крутому берегу ручья. На другой стороне густые заросли высоких деревьев. Надя с тревогой смотрела на побледневшее лицо Владимира Ильича.

— Что с вами, Владимир Ильич?

— Смотрите... вот... видите? — показал он рукой.

Ветер распахнул деревья, и возникло круглое, как цирк, красное каменное здание, а над ним золоченый шпиль.

— Петропавловская крепость, — сказал Владимир Ильич, овладев собой. — Я никогда не видел ее с этой стороны. Этот шпиль возник так неожиданно.

Надя знала: в этой крепости был заключен его брат — Александр Ульянов. Здесь ему был объявлен приговор. Отсюда везли его на казнь в Шлиссельбург.

...Рябина обыкновенная... Пыльца ее цветов сыпалась на черные кудри Александра. Он стоял у эшафота и ждал...

Надя молчала. Боялась неловким словом ранить Владимира Ильича. Его боль становилась ее болью.

Сильный порыв ветра взвихрил на дорожках пыль, взъерошил кустарники и устремился вверх.

— Нам угрожает дождь. Глядите, какая темная туча наползает! — Владимир Ильич осмотрелся вокруг. — Вон там есть убежище, беседка.

Бежали навстречу ветру.

И вдруг все притихло. Насторожилось. Умолкли птицы. В парке стало сумеречно.

В круглой старой беседке пахло пылью, пол был устлан прошлогодними бурыми листьями. Вспугнутая птица билась под потолком, потом улетела прочь.

И снова налетел ветер, неистово обрывал ветви, выворачивал наизнанку листья, пригибал вершины деревьев, словно расчищал дорогу туче, которая, урча и пострелывая далекими молниями, медленно надвигалась на парк. По крыше застучали тяжелые капли дождя. Молния длинным зигзагом вспорола тучу. Грохнул гром, и на беседку как бы обрушился каменный шквал.

— Это град, град! — кричал на ухо Наде Владимир Ильич. Он взял ее за руку.

Ярко вспыхивали зеленым огнем листья при свете молнии. Не успевал заглохнуть раскат грома, как снова небо над головой с треском раскалывалось. Сверкающие льдинки прыгали по дорожкам, заскакивали в беседку. Силуэты деревьев едва просматривались сквозь матовую стену дождя и града. По дорожкам бурлили мутные потоки, взлохмаченные ветром.

— Великолепное зрелище! — Услышала Надя сквозь гром и грохот восторженный голос Ульянова. И вдруг он запел сильно и страстно:

— Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым в первых рядах...

Надя смотрела на озарявшееся вспышками молний лицо юноши, и он открылся ей еще одной прекрасной своей стороной. Его голос, мужественный, чистый, вплетался в огромный оркестр стихии.

— Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым в первых рядах...

Надя поняла, что тоже поет. Буйный восторг охватил ее. Ей казалось, что это они сами зажигают на небе молнии, это его голос перекликается с громом. И Надя пела.

Гроза прекратилась внезапно. Вдали устало перекатывался гром, молнии иссякли. Шумливо бежали желтые ручьи по дорожкам. Осколками хрусталя лежал на ступеньках беседки град. Промытая трава полегла на полянах зелеными космами. Стало необычно тихо. Прорвалось ослепительное солнце. И, словно подхватив последние звуки песни, на все лады запели птицы.

Надя стояла, потрясенная величием сил природы, песней, с таким торжеством прозвучавшей под аккомпанемент града и грома.

— Как хорошо и как сильно все в природе. Звуки, краски, запахи! — тихо, умиротворенно сказал Влидимир Ильич.

Надя высвободила свою руку.

— Вы не осуждаете мое буйное поведение? — спросил он серьезно.

— Нас никто не слышал. Разве птицы?

— Вы тоже пели.

— Кажется, пела. Не петь было нельзя!

— Не петь было нельзя, — согласился Владимир Ильич.

Парк затянуло голубым маревом, в лужах отражались опрокинутые деревья.

Набежали мальчишки и, закатав штаны, с наслаждением месили босыми ногами лужи.

Было тихо.

Только Нева не могла успокоиться и тяжело плескалась о крутые гранитные берега.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В СЛЕДУЮЩЕМ

НОМЕРЕ

Миразиз АГЗАМ

Мальчик с задумчивыми глазами

Мальчик с задумчивыми глазами!
Худенький мальчик, цыпленку под стать,
Видно, тебе силачом не бывать,
Мальчик с задумчивыми глазами.

Что ж, не бывать—так чего горевать!
Лишь говорил бы своими словами,
Умные книжки любил бы читать,
Мальчик с задумчивыми глазами.

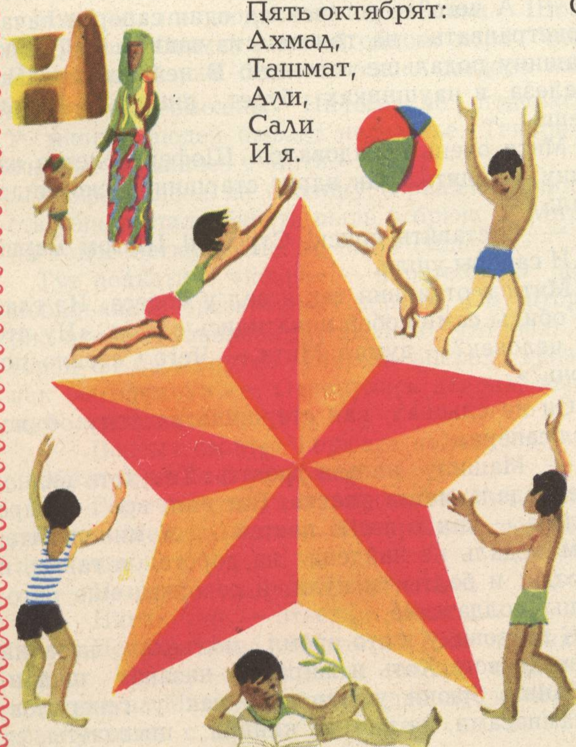
Лишь бы не знал ты ни горя, ни лжи,
Лишь бы ты верил, что правда —
за нами,
Лишь бы ты жил, не жалея души,
Мальчик с задумчивыми глазами.

Мальчик с задумчивыми глазами,
Храбрость и ловкость—джигита удел,
Разве не ловок ты, разве не смел,
Мальчик с задумчивыми глазами?

Перевел с узбекского Ю. КУШАК.

Рисунки Т. ГНИСЮК.

Звездочка

Мы—звездочка,
Мы—пять лучей,
Мы — верные друзья.
Пять октябрят:
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я.

За дело взялись
Пять лопат—
И вскопана земля:
Сажают сад
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я.

Нередко нас
Благодарят
За помощь, говоря:
Мол, молодцы
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я.

Зато любой драчун
Не рад
Нас встретить—и не зря!
Уж тут как тут
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я.

...Чинара. Вечер.
Синий чад.
Сидим—одна семья,
И варим плов—
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я.

Ахмад положит плов
Али,
Тамшат положит плов
Сали,
Сали косу[1] протянет
Мне—
И пусто станет
В казане.

Уже в домах
Огни горят
Стихает махалля[2].
Идем домой—
Ахмад,
Ташмат,
Али,
Сали
И я...

[1] коса — чаша для еды.
[2] махалля — жилой квартал.

А. МИТЯЕВ

МЕДАЛЬ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Тысячи колес и тысячи солдатских ног истерли сухую землю на дороге в мелкую пыль. Пылью было покрыто все вокруг: и трава, и кусты, и даже кузнечики.

Рядовой Митя Корнев ехал в грузовике рядом с шофером. Кабина у них была щелястая, брезентовая: на железные тогда не хватало металла, — и пыль в ней стояла, что называется, столбом. Митя мечтал, как доберутся они до своего дивизиона, как вытрясут гимнастерки, умоются водой.

Ехать оставалось немного. Но вдруг спереди хлопнуло, грузовик осел, словно охромел. Спустило колесо.

Надо было поддомкрачивать машину, колесо снимать, вытаскивать из покрышки дырявую камеру, вставлять целую, накачивать, снова прикручивать колесо.

Минут за тридцать шофер и Митя сделали что нужно. Проверили другие колеса. Можно было ехать. И тут Митя увидел: у него на гимнастерке висит только ленточка от медали, сама медаль — серебряный кружок с красной надписью «За отвагу» — потерялась.

— Я медаль обронил, — сказал Митя.

— Как обронил? — удивился шофер. — Когда? Где?

— Наверно, когда колесо чинили...

— Найдем, — сказал шофер — Он встал у колеса на колени, запустил руки в горячую пыль по самые локти и принялся шарить, будто в темноте. У другого колеса склонился Митя.

— Чего, славяне, ищете? Не деньги ли? Найду — половина мне!

Рядом с грузовиком остановилась повозка. Ездовой, не дождавшись ответа, спрыгнул. Со стороны могло показаться, что в дорогу ударил снаряд — такой столб пыли поднялся вокруг него.

— Медаль потерялась, — признался Митя.

— Какая?

— «За отвагу».

— Дело серьезное, — сказал ездовой. — Он бросил в повозку кнут и тоже стал разгребать пыль.

Искали втроем, пока не засигналила полуторка. Повозка мешала ей проехать. В кузове полуторки на госпитальных матрасах сидели санитарки. Чтобы не запылить волосы, они убрали их под пилотки и были похожи на мальчиков.

— Братишки! Что это вы, как куры, роетесь? — ехидно спросила маленькая санитарка, а подружки засмеялись.

Ездовой поднялся от колеса. Отводя лошадь, объяснил:

— Этот вот медаль потерял.

— Ну? — охнули санитарки хором.

Когда полуторка тронулась, маленькая санитарка обидно крикнула Мите:

— Эх ты! Тебя к нам в госпиталь на лечение надо!

Уехала полуторка. Уехал ездовой на лошади. Какое-то время Митя и шофер были одни. Но дорога на то и дорога, чтобы шли по ней и ехали. С грузовиком поравнялись саперы. Начальником у них был пожилой старшина с носом красным, как свеколка.

— Гайку потеряли? — спросил участливо старшина. — Ничего, без одной доедете.

— Гайку бы ладно, — ответил шофер, — медаль...

— Ну и растяпы! — рассердился старшина. — Учить вас некому!

— Может, миноискателем поищете? — попросил Митя.

— А чего? — согласился один сапер и начал пристраивать на голове наушники. — Только машину подальше отгоните. В ней вон сколько железа, в наушниках будет пищать — оглохнешь.

Митя очень обрадовался. Шофер полез в кабину заводить. Как вдруг старшина скомандовал:

— Отставить поиск! Стройся! Шагом марш!

И саперы ушли.

Митя в отчаянии так и сел у колеса. Из глаз от обиды сами собой покатились слезы. «Ну что за человек? — думал Митя. — Чего стоило помочь?»

Он не слышал, как старшина на ходу объяснял саперам:

— Машину нельзя трогать. Так хоть видно, где медаль могла упасть. Вот они, все четыре колеса — как в песне поется... А миноискателем медаль не найдешь: на дороге и гайки, и гвозди, и болты, и пули, и осколки, еще пуговицы солдатские...

К грузовику в это время подъехал казачий разведвзвод. Хоть и жара, на казаках шапки-кубанки, брюки у рядовых, как у генералов, с лампасами, на ремнях клинки, пистолеты, за

спиной автоматы. И у каждого разведчика полна грудь орденов и медалей. Блестят! — казакам пыль не пыль.

Всадники приостановили коней. Один наклонился с седла к Мите:

— Что пригорюнился? Кто обидел? Мы его живо клинками изрубим.

Мите стало стыдно объяснять. Да ведь люди спрашивают.

— Медаль обронил. Вот уже час ищем...

— Козлов! — крикнули из середины взвода. — У тебя медалей полно. Дай им одну. А не то они тут зимовать будут.

— Не дам, — сказал казак серьезно. — Свою не уберегли, чужую подавно посеют.

Казаки тронули коней. Взвод окутался пылью, как облаком. И с этим облаком исчез за поворотом.

Подъехал повар на полевой кухне. Из трубы сочился дымок. В котле за железной стенкой пыхтела и ухала каша. Повар был молодой, Митин ровесник.

— Да я бы, — говорил он, — если бы получил медаль, берег бы... После войны пойдешь по улице с медалью — всякий скажет: «Этот не трусил перед фашистами». Да мне награду получить негде. Я все время с кашей да щами. Хоть бы какой гитлеровец на кухню напоролся... А ты, — утешал он Митю, — не горюй. Еще получишь. И даже орден. У вас, артиллеристов, есть где получить. Ты уж извини, что не помогаю искать. Мне роту кормить надо. Я бы и вам кашки положил, да нельзя в такой пыли котел открыть...

— Чего там, — сказал Митя, тронутый участием, и крепко пожал повару на прощание руку.

— Все! — сказал Митя, когда кухня уехала. — Больше не могу. Не найти.

Митя сел на подножку грузовика. Шофер сел рядом. Они думали об одном: пора ехать. В дивизионе уже беспокоятся. А медаль найти просто невозможно. Ничего не поделаешь. У многих людей бывает несчастье. Теперь несчастье случилось у Мити.

Шофер пошел на обочину, сорвал колючий кустарник и стал обивать пыль с брюк. У Мити и на такое легкое дело не было силы.

Тут подкатил «козел» — коротенький автомобильчик с брезентовым верхом. Он затормозил около грузовика, да так лихо, что пыль, которой он был окутан, улетела вперед, «козел» как бы обманул ее. Откинулась дверца, выглянул лейтенант:

— Почему стоите? Горючее кончилось?

Митя вскочил с подножки:

— Горючее есть, товарищ лейтенант. Сейчас поедем. Медаль искали. Потерялась, когда колесо чинили.

— Нашли? — спросил лейтенант.

— Никак нет, — ответил Митя.

— Искать снова. И найти! Даю пятнадцать минут сроку. — Лейтенант очень строго посмотрел на Митю, захлопнул дверцу, и «козел», рванувшись с места, умчался.

— Искать снова. И найти! Даю пятнадцать минут сроку.

— Разве поискать еще? — неуверенно сказал Митя шоферу.

— Ищем пятнадцать минут, — согласился шофер, — как велел лейтенант.

И они снова принялись прощупывать пыль у колес. Пыль была такая сухая, такая легкая, что текла между пальцами. В щепотку взять ее было невозможно. В горсти она ничего не весила, горсть была словно пустой. И вдруг Мите показалось, что в руке есть что-то тяжелое. Он медленно разжал пальцы, песок сбежал с ладони, а на ладони, на самой ее середине, лежал серебряный кружок с красными буквами.

— Нашел! Нашел! Нашел! — закричал Митя и принялся наподдавать пыль сапогами.

— Да стой ты! — обрадовался шофер. — Ну-ка покажи!

Они долго разглядывали медаль. Как в тот день, когда ее вручили рядовому Корневу за отвагу при отражении фашистских танков.

Валентин БЕРЕСТОВ

Лермонтов в 1941 году

Во дни торжеств и бед народных...
М. Ю. Лермонтов

Я «Три пальмы» твои, честолюбьем болея,
Все твердил и на школьном дворе и в саду.
Я мечтал, что на конкурсе всех одолею
И прочту их в Москве на твоем юбилее[1],
И поеду в Артек в сорок первом году.

Юбилей приближался, как праздник
народный.
И меня обучал педагог превосходный,
Театрал, почитаемый в нашей семье,
Что по-разному скажется слово «холодный»,
Если дело о пепле идет иль ручье.

Красовались в гусарских мундирах портреты,
И все чаще тебя поминали газеты,
Шел тираж к юбилею написанных книг.
Словно пробуя голос, писали поэты
Про тебя и чуть-чуть про себя же самих.

Но, как некогда жизнь твоя, резким ударом
Был оборван твой праздник... И все же страна
Перед бурей тебя вспоминала недаром.
И гусаром шагнул ты, а не юбиляром
Прямо в пекло, когда запылала война.

---

[1] 15 июля 1941 года исполнилось сто лет со дня смерти поэта.

Рисунок Б. ГУРЕВИЧА.

Конструкторская мысль не знает границ. Не просто воплотить ее в жизнь...

...Но сварить борщ так, чтобы целый отряд добавки попросил! Еще неизвестно, что сложнее.

ДЕСЯТЬ СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Ах, если бы все мальчики были девочками... Какие бы были тогда тетради аккуратные!

Рисунки А. БОРИСОВА.

Олег ТИХОМИРОВ

Командира боевого не забыть никогда...

Мандат на имя Голикова

«Гайдар и сам был таким, как герои его книг, — смелым, честным и добрым. А в бою он не знал страха».

Оля **БИКБУЛАТОВА**, г. Стерлитамак, школа № 5, 5-й класс «В».

В октябре 1971 года в «Литературной газете» появилась маленькая заметка, в которой говорилось, что в Башкирскую республику 10 сентября 1921 года направлялся для окончательной ликвидации контрреволюционных банд А. П. Гайдар (Голиков)...

Журналист Евгений Фролович Леднев, работавший в газете «Стерлитамакский рабочий», прочитав это сообщение, заинтересовался: не приезжал ли Гайдар в Стерлитамак? В то время Стерлитамак был столицей Башкирии.

Вместе с Ледневым стерлитамакские тимуровцы стали узнавать, бывал ли Гайдар в их городе.

Сначала нашли мандат на имя Голикова — его подписал начальник частей особого назначения Опарин.

«Настоящий мандат выдан командиру 3-го отдельного коммунистического батальона особого назначения тов. Голикову Аркадию Петровичу в том, что ему поручается формирование батальона и учет коммунистов обоего пола в возрасте от 17-ти до 60-ти лет для зачисления в отряд особого назначения...

Всем военным и гражданским учреждениям и партийным организациям предлагается оказывать тов. Голикову всевозможное содействие в деле возложенных на него задач, имеющих боевой характер...»

Батальон, которым командовал Голиков, стоял в Белорецке, а штаб частей особого назначения находился в Стерлитамаке, и Голиков несколько раз приезжал в Стерлитамак к Опарину.

Опариных в городе живет немало. Но оказалось, что Никита Степанович Опарин, начальник ЧОН, далеко от Стерлитамака — в Воскресенске, под Москвой.

Никита Степанович в письме тимуровцам подробно описал улицу, на которой находился штаб, объяснил, как найти этот дом. Пионеры и журналист Леднев сфотографировали несколько старых домов, стоявших примерно на том месте, которое называл бывший начальник ЧОН, и послали снимки Н. С. Опарину. На одном из снимков он опознал штаб.

30 июня 1973 года в Стерлитамаке открыли бронзовую мемориальную доску Аркадию Петровичу Гайдару.

На торжество приехали сын писателя Тимур Гайдар, боевой соратник Н. С. Опарин и друг детства А. М. Гольдин.

В штабе «Гайдаровец»

«Прочитав книги А. П. Гайдара, становишься лучше и самой хочется делать доброе».

Ира **ФЕДОРОВА**, г. Стерлитамак, школа № 10, 7-й класс «Г».

Своему городскому пионерскому штабу стерлитамакские ребята дали новое название — «Гайдаровец». В штабе «Гайдаровец» сейчас 64 человека — по два пионера от каждой школы. Девиз штаба: «Делу Гайдара, клятве Тимура будем верны до конца!» Эмблема — красная звезда с расходящимися от нее лучами (такие

звезды рисовал А. Гайдар на страницах своих рукописей). Есть у штаба и своя песня «Башкирский комбат»:

...Он вечно в строю пионерских отрядов,
В сердцах у советских ребят —
Любимый писатель, наш старший вожатый,
Наш юный башкирский комбат.
Поднимайтесь, тимуровцы!
Новый день,
Новый день настает.
По широким проспектам и улицам
Нас Аркадий Гайдар поведет.

В Стерлитамаке в каждом пионерском отряде созданы тимуровские команды. В школах работают штабы Тимура. Зоркие разведчики в своих зонах пионерского действия стараются вовремя разузнать и увидеть, где, кому, какая нужна помощь. Штаб создает музей Гайдара. Я побывал в нем, о некоторых его экспонатах расскажу.

Вот одно из писем. Оно из Москвы, от Тимура Гайдара.

«...Мне особенно понравилось то, что вы уверенно берете дело в свои руки, не ждете, что кто-то придет и все за вас устроит, организует — стоит только попросить. Ведь вы знаете, что Аркадий Гайдар очень уважал ребят, крепко верил в их способность самостоятельно, умно и ответственно вершить большие дела...

Разве понял бы и одобрил бы вас Аркадий Гайдар, если бы узнал, что всю вашу молодую энергию вы направили лишь на то, чтобы собрать материалы лично о нем, но не ведете одновременно работу по увековечению памяти ваших земляков, которые учились в тех же школах, что и вы, ходили по улицам вашего города и которые храбро и честно отдали свои жизни за наше с вами счастье...»

Вот несколько строк из путевого дневника стерлитамакцев:

«Целый год ждали мы этого дня. И вот 20 июля отправились на Украину, по партизанской тропе Аркадия Гайдара...

Дом, где помещался штаб ЧОН. Здесь бывал Гайдар.

Теплоход «Тургенев» привез нас по Днепру в город Канев. В центре Канева стоит оригинальное сооружение из стекла и бетона — библиотека-музей А. П. Гайдара. Она построена на средства пионеров и школьников всей страны...

Мы подробно познакомились с экспозициями, встречались с работниками музея, работали с картотекой — нашли много ценных для нас адресов.

Прямо из музея мы пошли к могиле Гайдара, и никто из нас не мог унять волнения...

Вот перед нами село Леплява. Мы читали о нем в книге Бориса Камова «Партизанской тропой Гайдара». С нами идет экскурсовод Таня Сытник. Хату Степанцов в селе знают все: в ней собирались партизаны, здесь часто бывал Гайдар. Отсюда он ушел в последний бой и не вернулся. Афанасия Федоровна Степанец, связная партизанского отряда, выходит к нам. Это о ней, о ее матери «бабе Усте», о ее детях, муже хотел написать Гайдар книгу...

Входим в хату, и наступает мертвая тишина. Кажется, будто Гайдар куда-то вышел ненадолго и сейчас вернется. Затаив дыхание, слушаем рассказ Афанасии Федоровны... Потом об Аркадии Петровиче нам рассказывала вдова командира партизанского отряда Акулина Филипповна Ильяшенко. Наш приход взволновал ее. Она вспоминает, как помогал ей и ее семье Гайдар после гибели мужа (он был расстрелян фашистами). Мы чувствуем, она заново переживает то страшное время, и слезы не дают ей говорить.

...Идем на место гибели Гайдара. Железнодорожная насыпь. Будка путевого обходчика... Солнце еще не село. Пушистые ели склонили свои головы. На холме — обелиск... «26 октября 1941 года на этом месте в бою с немецко-фашистскими оккупантами погиб писатель-воин Аркадий Петрович Гайдар», — высечены на нем слова. А с другой стороны стихи:

Любимых детских книг творец
И верный друг ребят,
Он жил, как должен жить боец.
И умер, как солдат.

«Мы клянемся тебе, товарищ Гайдар, быть достойными гражданами нашей Родины!» — отдавая пионерский салют, мысленно произнес каждый из нас. Мы прощались с Гайдаром...»

В этом году в весенние каникулы стерлитамакцы приезжали на слет московских тимуровцев. Они подружились с москвичами еще в Артеке, на I Всесоюзном тимуровском слете.

Здесь, в Москве, они познакомились с женой писателя Дорой Матвеевной Гайдар. Ребята слушали воспоминания людей, знавших Гайдара, все записывали в свои блокноты, а когда настала пора прощаться, Дора Матвеевна подарила им много фотографий и почтовый конверт, в котором Гайдар прислал ей письмо с фронта. Съездили ребята и в подмосковный город Воскресенск, к Никите Степановичу Опарину, давнему своему знакомому.

Помни героев

«Идет по дороге человек: спешит на работу. Размахивая портфелем, бежит школьник: скоро начнется урок. Идут люди и не знают, что рядом с ними тимуровцы, их верные друзья и помощники».

Альфия **РАХИМОВА**, г. Стерлитамак, школа № 9, 5-й класс «А».

В дверь к Насыровым постучали.

Порог переступил почтальон, протянул письмо.

— Откуда? — спросила Гальсифа, но сразу же сама прочитала обратный адрес: «Из Стерлитамака...»

Гальсифа стала читать и вдруг всплеснула руками.

— Мама... — больше она ничего не могла произнести в первый момент.

Потом две женщины — Гальсифа и ее восьмидесятилетняя мать Анна Федоровна — несколько раз перечитывали письмо.

Тимуровцы стерлитамакской школы № 6 сообщали Насыровым, что ездили в белорусский город Пинск и нашли там братскую могилу, в которой похоронен Набиюлла Насыров. Они писали о том, как чтят в Пинске память Набиюллы, рассказывали, что видели бронекатер, на котором он сражался.

Только из этого письма мать и сестра Набиюллы Насырова узнали о его геройской гибели. Из села Чапаево, Челябинской области, в Стерлитамак ушло ответное письмо: «Мы не находим слов благодарности вам, дорогие наши ребятки и классный руководитель Зоя Васильевна, что посетили могилу нашего сына и брата и не забыли нас, сестру и престарелую мать. Мы считали, что Набиюлла без вести пропал...» С тех пор тимуровцы и Насыровы переписываются. Ребята отправили в село Чапаево землю с братской могилы, фотографию места, где Набиюлла захоронен, и книгу Э. Корпачева «Юнга с бронекатера».

В этой документальной повести рассказано о ленинградском мальчике Олеге Ольховском, который воевал в составе Днепровской флотилии и погиб в июле 1944 года, освобождая город Пинск. Старшим другом Олега был Набиюлла Насыров...

Эту книгу в Чапаеве читали всем селом, а потом передали в сельскую школу...

Сейчас пионерские отряды Стерлитамака включились в операцию «Салют, Победа!». В город, по неполным пока данным, не вернулось с войны около трех тысяч воинов. Стерлитамакцы хотят узнать их имена, где и когда погибли

солдаты, достать, если можно, их фотографии и внести все это в особую книгу. Около двух с половиной тысяч имен ребята уже узнали.

Пришла на почту женщина

«Я люблю Гайдара за то, что он ввел в жизнь таких героев, которые и поныне живут с нами».

Наташа **ЧЕРКАССКАЯ**, г. Стерлитамак, школа № 15, 7-й класс «Б».

Знаете, сколько поздравительных открыток и телеграмм поступает на почту перед праздниками? Много и много тысяч. Со всех концов страны. В штабе «Гайдаровец» решили: давайте поможем почте.

В 18-м отделении связи работали тимуровцы из школ № 15 и № 28. Сортировали письма и открытки. Разносили телеграммы по домам. Больше всех — пятиклассница Ира Алексеева — тридцать две телеграммы!

Четыреста пятьдесят телеграмм разнесли за один день. Дело это непростое. Бывает, дом не сразу найдешь, квартира в телеграмме перепутана. Иной раз принесешь телеграмму, а дома никого нет. Значит, нужно сюда еще прийти. По нескольку раз иногда приходилось наведываться в некоторые квартиры. Зато как приятно вручить поздравительную телеграмму! Приятно увидеть в ответ улыбку.

Соня Боязитова заметила, что на почту вошла женщина, которая чем-то очень расстроена. Женщина быстро заполнила бланк и протянула его вместе с деньгами кому-то из очереди, сама тут же ушла. Стали принимать эту телеграмму: смотрят — не указан город, куда нужно ее отправить. И обратного адреса нет. А текст тревожный: «Тяжело заболел ребенок...»

Соня побежала вслед за женщиной. Еле-еле догнала. Записала все как нужно. И телеграмму тут же отправили.

Строки из донесений

«Растет тимуровцев число
Не по годам — по дням.
У миллионов на груди
Горит сейчас звезда.
Ее прекрасный алый свет
Наш освещает путь,
Зовет на подвиг боевой,
На поиск и на труд!»

Женя **ВАХРУШЕВ**, г. Стерлитамак, комиссар штаба «Гайдаровец».

Пионерский штаб «Гайдаровец»... Здесь рождаются все операции: интересные, сложные, прекрасные... Некоторые из них продолжаются не один год (например, операция «Памятник» — ребята зарабатывают деньги на строительство памятника Гайдару), другие, скажем, только весной (операция «Вешние воды» — это значит тимуровцы убирают тающий снег, копают канавы, чтобы не скапливалась во дворах вода)... Бывают и такие операции, которые сегодня начались и сегодня кончились.

Обо всем, что сделано, тимуровцы сообщают штабу.

Школа № 2: «Пионеры 4-го класса «А» ходили в понедельник в детский сад «Соловушка», очистили территорию от снега, залили каток, сшили зимнюю одежду куклам.

Ребята из класса «Г» помогали воспитателям убирать раскладушки, раздевать и одевать детей, накрывать на столы, играть с малышами, а во дворе делали для них горки».

Школа № 83: «День 19 января в нашей школе объявили «Днем добрых дел». В этот день ученики младших классов собрали 870 книг для подшефных сельских школ на станциях Кабаково и Тозларово.

В детском саду № 46 показали кукольный спектакль «Дед Мороз». Отремонтировали книги в библиотеке Дома культуры железнодорожников. Для рабочих СМУ-185 дали концерт. В детской больнице расчистили дорожки от снега. Убрали в подъездах, помыли панели, сожгли мусор, сделали горки. Помогали инвалидам войны и труда».

Закончить рассказ о тимуровцах Стерлитамака мне хочется строками из стихотворения Жени Вахрушева.

«И четким шагом боевым
Мы по стране идем.
И рапорт о делах своих
Тебе, Гайдар, сдаем!»

Зря обижаем хамелеона

Про человека, который ради своей выгоды меняет мнение, презрительно говорят: хамелеон! И все из-за того, что эта безобидная ящерица умеет менять свою окраску: в траве она зеленая, на песке становится желтой, а на стволе дерева — коричневой.

Маскироваться, меняя свою окраску, умеют и рыбы, и раки, и насекомые. Но люди заметили эту способность раньше всего именно у этой ящерицы. Заметили-то давно, еще в древности, но прошло много веков, пока поняли, как это происходит. Разгадать, почему хамелеон меняет свой цвет, помог микроскоп.

Среди клеток, из которых состоят все организмы, есть и такие, что заведуют окраской. Цвет перьев, кожи и отдельных частей тела зависит от этих клеток. В них находятся зерна красящих веществ — пигментов. Поэтому и клетки эти называют пигментными, или хроматофорами, что в переводе с греческого означает «краску несущие».

В одних хроматофорах много пигмента, в других — мало. Ясно, когда его больше, то окраска более яркая. Но дело не только в количестве пигмента. Важно еще, как он расположен в клетке: разбросан ли по всему хроматофору, находится во всех его разветвлениях, или собран в середине клетки. Пигментные зерна могут перемещаться по хроматофору. Мало того, и сами хроматофоры могут то спускаться в глубь кожи — и тогда кожа бледнеет, то приближаться к ее поверхности — и кожа становится более яркой.

Но ведь у хамелеона меняется не только яркость окраски кожи, но и сам цвет. Как же это происходит? Ну, тут уж нетрудно догадаться, что в хроматофорах у хамелеона есть пигментные зерна разных цветов. Сидит хамелеон в траве — хроматофоры с зеленым пигментом поднимаются на поверхность кожи, а с пигментами других цветов — лежат в глубине. Взобрался хамелеон на ствол — в глубину кожи начинают спускаться клетки с зеленым пигментом, а к поверхности устремятся хроматофоры с коричневым красящим веществом.

А вот насекомое палочник меняет цвет при изменении температуры. При температуре воздуха 15° палочник черного цвета, чуть потеплело — и он светлеет и при 25° становится зеленым. В чем здесь дело? Какая польза палочнику становиться более светлым, когда теплеет? Да такая же, как нам от светлой одежды в жару: в ней не так жарко — она ведь меньше поглощает солнечной энергии, чем темная.

Особое влияние на хроматофоры у разных животных оказывает свет. Под влиянием света животное может не просто светлеть или темнеть. Изменения окраски бывают очень сложными. Некоторые раки приспосабливаются не только к разным цветам, но даже и к их оттенкам. Существуют крабы, которые на черном фоне — черные, на белом — белые, на красном — красные, на желтом — желтые.

Каким же образом свет вызывает изменения в окраске животного?

Если хамелеону или камбале залепить глаза воском, то они перестают изменять свой цвет. То же происходит при повреждении у них зрительного нерва. Значит, свет через глаза действует на нервную систему и только через нее уже на хроматофоры. От мозга к хроматофорам идут нервы. По ним поступают сигналы: «Изменить форму и расположение хроматофор». После такой команды на коже камбалы появляется рисунок, который увидела рыба: на песчаном дне она одноцветная, на галечном — «рябая». Ученые в таких случаях говорят: «Рисунок соответствует зрительному образу».

Выходит, зря мы обижаем хамелеона. Ничего плохого в его поведении нет и в помине.

М. АСПИЗ

Александр КРЕСТИНСКИЙ

«...изнемогал от счастья бытия»

Эта строчка из стихов, вынесенная мною в заголовок, может показаться тебе непонятной. Но не торопись переворачивать страницу. Давай поговорим.

Зачем людям стихи?

В самом деле, зачем?..

Если бы я спросил тебя, зачем людям телескоп, ты ответил бы, не задумываясь: чтобы постигать тайны Вселенной.

А поэзия?

Предположим, ты равнодушен к стихам. Привык к обычной школьной зубриловке: отбарабанил у доски и наглухо забыл...

Но вот однажды случайно ты открыл книгу и прочел в ней:

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят
батальоны,
Там елки, как пики, как
выстрелы — клены,
Их корни, как шкворни[1], сучки,
как стропила,
Их ветры ласкают, им светят
светила...

Ты ничего еще не понял, не успел понять, но уже остановлен мощным потоком слов, остановлен картиной странной, почти нереальной и в то же время — ты это почувствовал—точной, необычайно точной! Что-то грандиозное надвинулось на тебя и медленно, торжественно разворачивается, давая себя разглядеть. Этот лес, он ошеломил тебя, он непривычный, не такой, как в обыденной жизни. Его нельзя понимать буквально, иначе чепуха получится, нелепость. Ну, в самом деле, что, настоящее серебро в лесу лежит? Нет, конечно. А это: «Как выстрелы — клены»? Ерунда какая-то, если буквально!

Ты споришь сам с собой, отталкиваешь непонятный ряд слов, но они уже захватили, околдовали тебя. И ты удивленно произносишь сначала про себя, потом вслух, потом опять про себя: «Их корни, как шкворни... Их корни, как шкворни...», прислушиваясь к почти осязаемому скрежету слов. Слова трутся друг о друга и скрипят, как стволы деревьев под ветром...

Ты учишь уроки, гуляешь, играешь с товарищами и, кажется, совсем забыл про стихи, но вот вечером, перед сном, тебя снова огорошивает: «Как выстрелы — клены...»

Почему как выстрелы?..

Ты закрываешь глаза, и тут с необычайной резкостью в темноте вспыхивает образ: рыжий клен! Красный! Оранжевый!.. Вот так же—нет, еще ярче!—вспыхнул он однажды перед глазами поэта, вошедшего в лес. Вспыхнул как выстрел.

Ты счастлив открытием и, счастливый, засыпаешь.

Утром новая мысль будит тебя: так вот откуда в стихах это удивительное чувство движения! Стихотворение построено так, словно мы вместе с поэтом медленно подымаем голову от росистой травы, от выпирающих из-под земли корней — к стволам, ветвям, вершинам... И выше — к небу. И еще выше — в космос. «Их ветры ласкают, им светят светила...»

И тебя уже тянет прочесть стихи до конца.

Там дятлы, качаясь на дубе
сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав...

Ты ловишь себя на том, что тебе вовсе не хочется все объяснять, разбирать *каждое* слово, *каждую* строку. Ты попал под обаяние музыки стиха. Музыки торжественной, даже грозной. Ты словно стоишь посреди утреннего леса, ты пристыл к земле, не в силах шагу ступить, завороженный перестуком дятлов...

Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист...

Слова вибрируют, дрожат, сверкают, как вибрирует, дрожит, сверкает утренний лес.

И птицы, одетые в светлые
шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и
мигая...

Поразительно, сколько может вместить один кубик стиха, одно четверостишие! И необычайно точный образ птиц, одетых «в светлые шлемы». И торжественно-печальный образ некой «забытой поэмы», началом которой когда-то бредил поэт. И образ девочки, то ли увиденной в реальном лесу, то ли из той же забытой поэмы... И еще что-то смутное, неназванное, волнующее. Как беззвучное движение губ.

[1] Шкворень — связь, скрепа, стержень («Толковый словарь» В. Даля).

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

Поэт повторяет в конце первые две строки не просто как живописец, обрамляющий свою картину. Нет, значение этих строк большее—зов, призыв звучит в них, желание делиться с людьми найденной и названной красотой.

Потом, через много лет, когда ты станешь опытным читателем, знатоком стихов и узнаешь многих поэтов, ты поймешь, что суть поэзии в ее неповторимости. Другой поэт скажет про лес совершенно по-иному, но с той же пронзительной точностью: «Был полон лес мерцаньем кропотливым, как под щипцами у часовщика...»

Неповторимость. Единственность. Непревзойденность каждого всеми.

Поэты, как космонавты, не отрывают нас от земли, а подымают над нею, чтобы мы еще ярче и полнее увидели ее величие и красоту.

И другое ты поймешь: невозможно любить всех поэтов подряд. Кто-то из них станет тебе ближе других, потому что ты найдешь в нем родственную душу.

Стихотворение, которое мы сейчас прочли с тобой, принадлежит перу большого советского поэта Николая Алексеевича Заболоцкого. Это был поэт с душой ребенка. Поэт, восторженно влюбленный во все сущее —от малой травинки до таинственной звезды. Он «изнемогал от счастья бытия», от радости быть на земле, мыслить, любить, созерцать, работать... Казалось, он сам сотворил этот мир из куска глины и всю жизнь не переставал удивляться тому, что вышло из рук его...

Я не сразу открыл для себя поэзию Заболоцкого, счастлив, что открыл, и теперь мне хочется, чтоб другие полюбили ее.

Есть среди школьных учебников книга под названием «Хрестоматия». Я с радостью узнал, что с этого года стихи Н. А. Заболоцкого будут включены в школьную программу. И тогда я представил себе, что выбираю для «Хрестоматии» стихи Заболоцкого. Долго листал сборники его стихов. Наконец, выбрал.

Одобришь ли ты мой выбор?

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

* * *

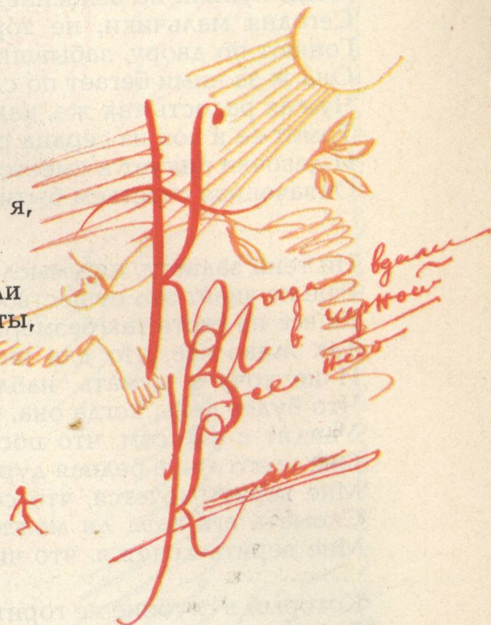
Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычней простое растенье,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появленье
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листы,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

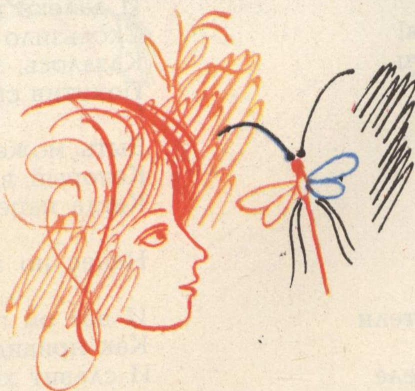
Одинокий дуб

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

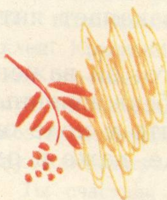
Рисунки П. БАГИНА.

Некрасивая девочка

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши,
И нечем ей прельстить воображенье,—
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что́ есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Не позволяй душе лениться

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Воздушное путешествие

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.

Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнездился между нив.

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

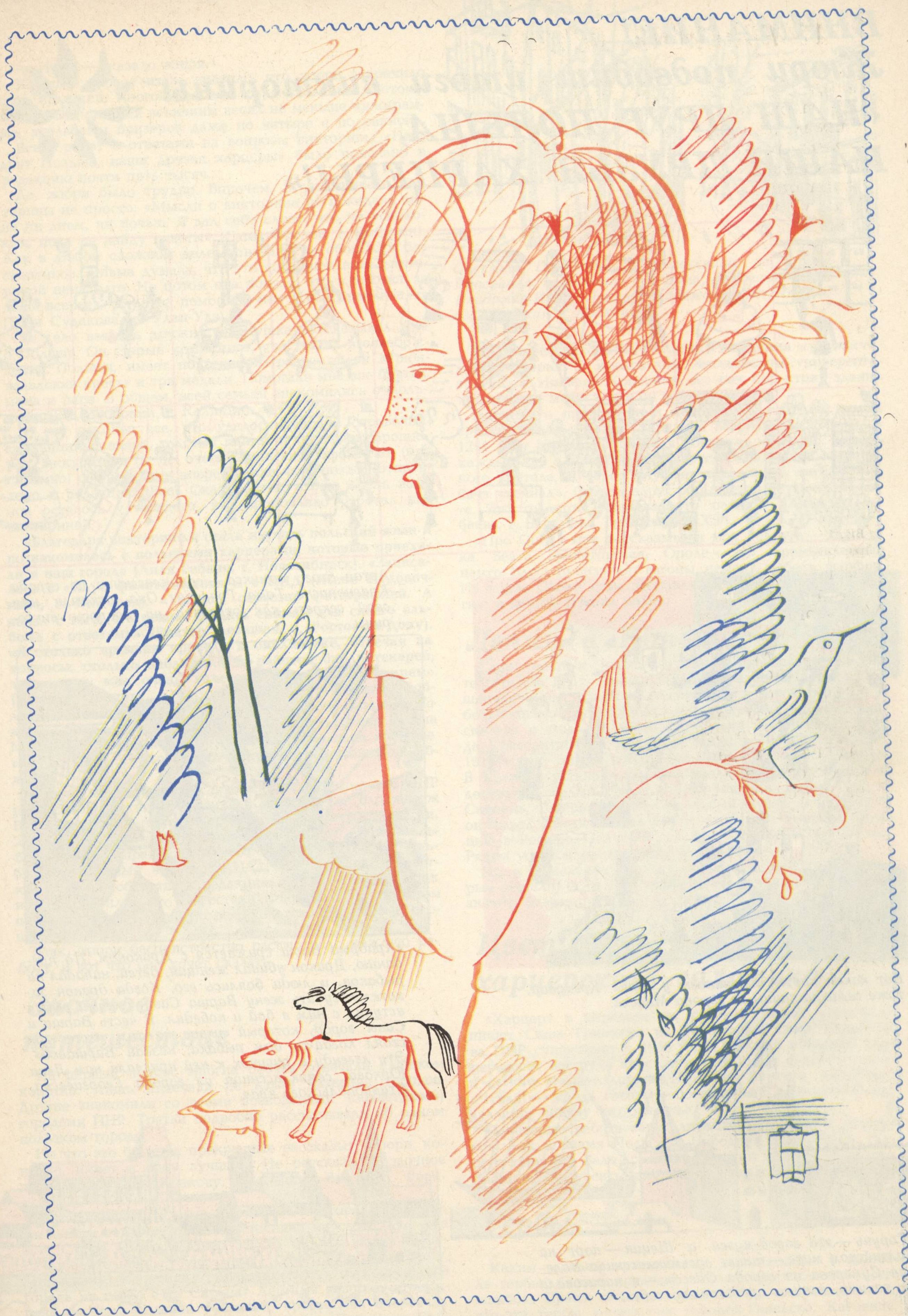
Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блистательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.

И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.

И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.

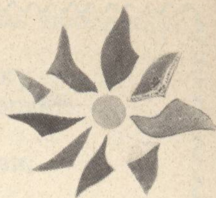
Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

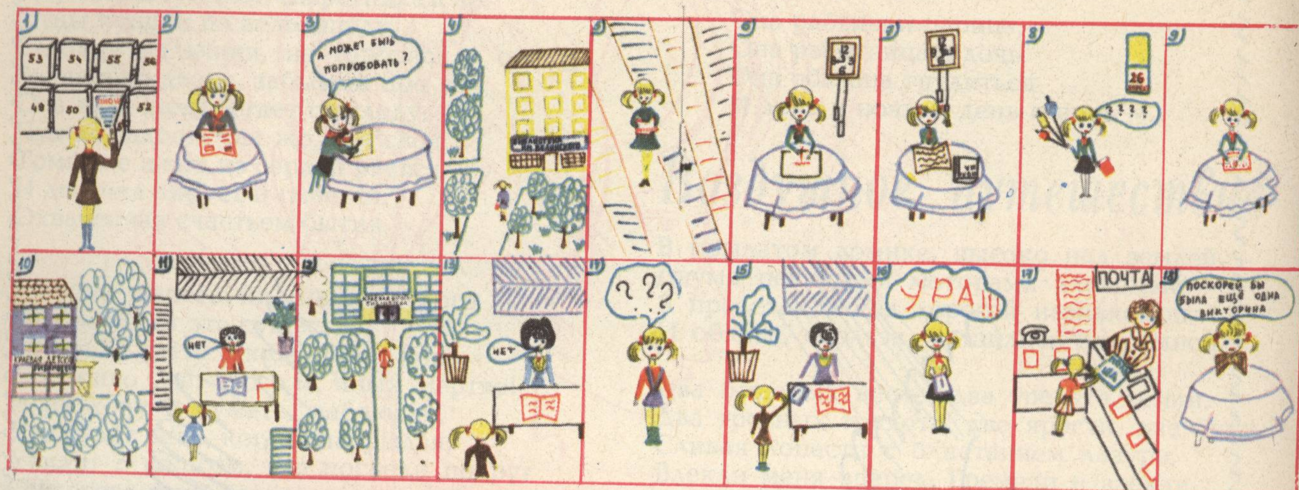
И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.

ВНИМАНИЕ!

Жюри подводит итоги викторины «НАШ ДРУГ ПОЛЬША, НАШИ ДРУЗЬЯ ХАРЦЕРЫ!»

Автор этого комикса — семиклассница из города Красноярска Тома Гочачко. Она открыла нам свой секрет: как отвечала на вопросы викторины.

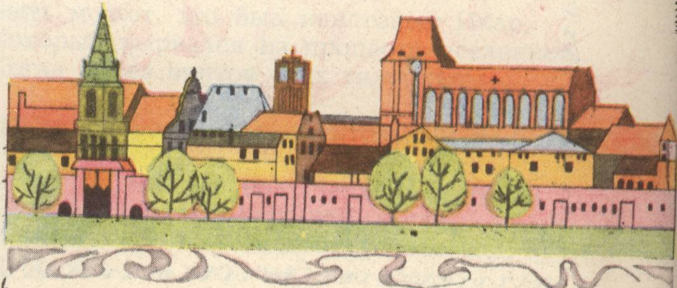

Вот какая карта получилась у Лены Креховой, тоже семиклассницы из города Минска.

«Храбрый Варш сражается с Драконом. По преданию, Дракон убивал женщин, детей, нападал на рыбаков, и люди боялись его. Когда дракон захотел погубить жену Варша Саву, смелый рыбак вступил с ним в бой и победил. В честь Варша и Савы город, который вырос на том месте, где стоял когда-то дом рыбака, назван Варшавой». Эту легенду и рисунок к ней прислала нам Лена Юркова, семиклассница из города Георгиевска, Ставропольского края.

«Торунь — это город-музей, а Щецин — порт на Балтийском море,— пишет восьмиклассница Валерия Сумерова из города Одессы,— я нарисовала их такими, какими представляю себе».

— Итак, — сказало жюри.

Хорошее слово «итак» значило, что жюри закончило свой нелегкий, многонедельный труд. Нелегкий, потому что альбом средней величины весил не меньше килограмма, а альбомы призеров даже по четыре с половиной...

Всего работ с ответами на вопросы викторины «Наш друг Польша, наши друзья харцеры» было прислано в редакцию почти пять тысяч.

Да, жюри было трудно. Впрочем, и участникам викторины не просто. «Мысли о викторине не покидали меня ни днем, ни ночью. Я дал себе слово, что не успокоюсь, пока не найду ответы» (Саша Фролов, г. Рыбинск). Как в любом сложном деле, поначалу не обошлось без скептиков. «Мама думала, что это воодушевление викториной ненадолго. Но потом она поняла, что я взялась за дело всерьез, и даже помогала мне и потораплипала» (Таня Судакова, г. Улан-Удэ).

За дело взялись дружно. «Дедушка рассказывал мне о Польше. Он старый коммунист, участвовал в освобождении Польши, имеет польские награды: орден «Грюнвальдский крест» и три медали. Помогали мне все братья, мама и папа. В общем, всей семьей знакомились с Польшей» (Володя Кокин, г. Калинин).

И вот наконец все, что удалось найти в справочниках, энциклопедиях, толстых книгах и тоненьких брошюрах, аккуратно (и не очень) записано, эффектно (или скромно) оформлено и вовремя (или чуть позже) отправлено в редакцию. Все? Оказывается, что-то очень важное осталось у каждого, кто кропотливо работал над викториной.

«Благодаря викторине я стала изучать польский язык и познакомилась с польскими харцерами, которые приехали в наш город» (Лиля Ребане, г. Новосибирск). «Записалась в «Клуб филателистов» и в КИД (Женя Пудовочкина, г. Белгород). «Увлекся серьезно фотографией. А начал с того, что решил сделать снимки для своего альбома с ответами» (Виктор Левашов, г. Ростов-на-Дону). «Я столько времени провела в библиотеке, отвечая на вопросы, столько наблюдала за работой библиотекарей, что теперь мне очень хочется стать библиотекарем» (Наташа Толстова, г. Катав-Ивановск, Челябинской области). «Никогда раньше не интересовался поэзией. Но когда, готовясь к викторине, начал читать стихи Адама Мицкевича, зачитался ими и теперь без поэзии жить не могу» (Саша Гундоров, С. Окулово, Горьковской области).

Помочь жюри приехали представители посольства ПНР в Москве советники Евгений Костшева, и Влодзимеж Восковский, и 1-й секретарь посольства Петр Ковальски. Жюри пришлось на время прервать работу: лучшие альбомы ребят отправились на выставку в посольство. Альбом, присланный членами КИДа «Глобус» из г. Шостки, Сумской области, в редакцию не вернулся. Он так всем понравился, что его оставили в посольстве, а потом передадут в Общество польско-советской дружбы в Варшаве.

Итак, жюри беспристрастно рассмотрело каждую работу, и вот что оно хочет сказать.

Заочное путешествие

На первый вопрос многие ребята отвечали слишком коротко. Лишь отмечали на карте названия городов. Другие знакомили со всеми воеводскими (областными) городами ПНР. Третьи подробно рассказывали об одном польском городе.

Но что это были за прекрасные рассказы! (Жюри, конечно, имеет в виду лучшие). Не рассказы, а заочное путешествие по Кракову, Гданьску, Варшаве, Вроцлаву...

«Вы спрашиваете, чем знаменит этот город? Варшава знаменита тем, что она единственная на свете. Где еще есть Старо Място и Ново Място со скульптурой Ники-победительницы, костелами, памятниками Шопену, Мицкевичу, Копернику, Дзержинскому? У какого еще города на гербе есть Сирена? Легенды говорят, что Сирена не была опасной русалкой, просто она очаровала князя — строителя Варшавы...» (Руфина Шабалина, Болшево, Московская обл.).

Светлана Егорычева, семиклассница из города Ярославля, нарисовала два дома, в которых жили Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская в Кракове.

«В Кракове находится Польская Академия художеств, консерватория. В краковском Ягеллонском университете учился Николай Коперник. До сих пор стоит здание «Коллегиум майус», где он слушал лекции.

Когда-то о приближении неприятеля жителей города предупреждал страж с вершины Мариацкого собора. В 1241 году стрела неприятеля оборвала мелодию. Теперь каждый час в Кракове отворяются окна башни Мариацкого костела, и город слушает тревожный сигнал трубача «хейнал». Сигнал вдруг обрывается на высокой ноте. Это традиция Кракова, это память» (Лиля Адельбаева, г. Бугульма, Татарская АССР).

«Про Ополе мне рассказывала моя подруга — харцерка Беата Грахатовская. Ополе — это промышленный центр. Здесь производят вагоны, цемент, мебель, фарфор. Из порта Ополе суда отправляются в Голландию, Бельгию и другие страны мира».

Ленин в Польше

Какие места в Польше связаны с пребыванием и деятельностью В. И. Ленина? Юля Копылова и Лариса Гершанович (пос. Старая Купавна, Московской области) и большинство других ребят очень подробно и хорошо рассказали о том, что Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская жили в Польше в 1912—1914 годах. Зимой в Кракове, летом в Белом Дунайце. В Кракове установлены мемориальные доски. В горной деревушке Белый Дунаец В. И. Ленин жил в доме Тересы Скупень, теперь там мемориальный музей. В Поронино он бывал ежедневно на почте, отправлял корреспонденцию в Россию. Сейчас здесь тоже музей В. И. Ленина. Рядом установлен памятник.

Но, к сожалению, в ответах были и ошибки. Некоторые решили: если есть музей В. И. Ленина и в Варшаве, значит, Владимир Ильич жил там.

Цвет харцерского галстука

«Харцер» в переводе на русский значит «герой»,— пишет Саша Гринякин из Волгограда. Союз харцерства ПНР существует с 1956 года. Каждый польский харцер носит на груди крест, который имеет форму старого и самого высшего ордена Польши Виртути милитари. «Чувай!»— «Будь готов!»— боевой клич харцеров. Слово «аллерт» значит «готовность».

Некоторые ребята запутались, говоря о цвете галстуков. Как и знамя Польской Народной Республики, галстук харцеров бело-красный. Харцеры разных воеводств имеют право носить галстуки разных цветов.

Гербы

Каким городам принадлежат нарисованные в журнале гербы? Самый трудный вопрос. Здесь больше всего ошибок. Правы оказались те ребята, которые сказали, что это гербы воеводских городов Гданьска, Катовице, Кошалина.

Клятва на Красной площади

«Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих, крестьян всего мира, буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича». 23 мая 1924 года большевик Феликс Кон произносит на Красной площади слова пионерской клятвы, и все участники первого пионерского парада повторяют вслед за ним эти слова. Подробно об этом написали пионеры шестого «А» класса школы села Городище, Оренбургской области, и многие другие ребята.

Кстати, ребят из села Городище и других ребят, живущих в селе, жюри решило отметить особым призом. Натолкнуло жюри на эту мысль письмо Лены Чесноковой из Череповца: «Я думаю, что особыми наградами надо отметить деревенских ребят. Ведь в Москве или Киеве есть огромные библиотеки, а в деревне нужную книжку не так-то просто найти...»

«Фромборк 1001»

Восемь лет польские харцеры проводили операцию «Фромборк 1001». Каждый год приезжали во Фромборк харцеры восстанавливать разрушенный во время войны город, в котором тридцать лет жил Николай Коперник. Сажали деревья, возводили новые дома, восстанавливали старые, прокладывали водопровод, строили пекарню. А те, кто не мог приехать, зарабатывали «коперники» — монеты в десять злотых с изображением Коперника — и перечисляли их в фонд города.

Орден Улыбки

«Это орден, которым награждают добрых людей»,— считают Света Таланкина и Ира Смольникова из г. Орджоникидзе. Первыми кавалерами ордена были профессор Дега, известный хирург, вернувший жизнь и здоровье многим детям, писатель Януш Пшимановский, автор сценария многосерийного телефильма «Четыре танкиста и собака», боцман Эдвин Пастерный, который привозит школьникам из дальних плаваний коллекции растений и животных, шофер из города Ярослава Станислав Пухальский, который всегда останавливает машину, чтобы подвезти ребят туда, куда они спешат. У нас в стране этим орденом награжден народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Сергей Владимирович Образцов, который возглавляет Московский государственный театр кукол.

Музыка Фридерика Шопена

Ребята из шестого «Б» класса специнтерната № 9 города Воронежа, прежде чем ответить на восьмой вопрос викторины, прочитали несколько книг о Шопене, провели в классе беседу, слушали пластинки с записями его произведений.

Многие участники викторины учатся в музыкальных школах и сами исполняют произведения Шопена.

«Сколько истинной поэзии, страсти, размаха, музыкальных образов в этюдах Шопена! — пишет Вика Кочетова из г. Калинина.— Его вальсы привлекают поэтичностью, мелодическим богатством. Да и во всем что создал Шопен,—неистощимый клад мелодий. Множество то веселых, то грустных картинок польской жизни нарисовал Шопен в мазурках, балладах и скерцо—драматически напряженных, полных романтической тревожности, порывистости. В музыке Шопена раскрываются богатство и сложность духовного мира человека. Вот почему она дорога, понятна, интересна музыкантам и любителям. Каждый находит в ней бесконечно много близкого для себя».

Новая Гута

«Символом братского сотрудничества стало строительство металлургического комбината в Новой Гуте. Более десятка советских проектных бюро создавали проекты комбината и города. Документация, оборудование, техническая помощь — вот вклад Советской страны. Плюс обучение кадров: почти 1 200 польских металлургов учились в Запорожье, Кривом Роге, Жданове, Череповце.

Комбинат в Новой Гуте стал флагманом польской индустрии». Так написали нам члены кружка «За мир и дружбу» из города Ростова-на-Дону.

От Мицкевича до Лема

Если попробовать перечислить имена всех польских писателей, любимых советскими ребятами, понадобится очень много страниц. Из классиков польской литературы, судя по письмам, больше всего любят Генриха Сенкевича и Адама Мицкевича. Из современных писателей большой популярностью пользуются фантаст Станислав Лем и Януш Пшимановский. О Януше Корчаке, о его книгах и его трагической судьбе ребята говорят с особой любовью.

Трудные марки

Первый конверт посвящен 20-летию создания Народного Войска Польского. Рассказать о втором конверте— задача более трудная. Одни говорили, что он посвящен космосу, другие — Николаю Копернику. Оба ответа неправильны. Серия из восьми марок и конверта посвящена международному году спокойного Солнца.

О друзьях

Половина всех участников викторины имеет друзей в Польше. Остальные мечтают о друге в Польше. Благодаря рассказам ребят жюри познакомилось с очень многими польскими ребятами.

«Барбара участвует во всех школьных спортивных соревнованиях и иногда побеждает. Она занимается бегом и прыжками в длину. Барбара живет в деревне. Она ухаживает за жеребенком по имени Мацек» (Олеся Садовникова, ст. Бутово, Московской области).

«В одном своем письме ва рассказывала мне, как она отмечала свой день рождения. Какой это был замечательный день рождения! Ева очень жалела, что меня не было рядом. А еще Ева очень красивая. У нее большие-большие голубые глаза. Я нарисовала ее портрет» (Ира Толстова, г. Воскресенск).

«Я уже давно мечтаю переписываться с польским мальчиком. Мне даже один раз предлагали адрес. Но я подумал: а вдруг он не знает русского языка? Поэтому я стал учить польский. Уже год учу. Конечно, это не то, что в школе, некому ошибки исправлять, за произношением последить. Но думаю, что скоро я смогу взять лист бумаги и написать по-польски: «Здравствуй, дорогой друг!» (Олег Морквенас, г. Красноярск).

«Дорогие польские харцеры и зухи! Поздравляем всех вас с тридцатилетием вашей Народной Республики. Мы тоже отмечаем ваш праздник в пионерских отрядах и дружинах, потому что День возрождения Польши — праздник не только польского народа, но и всех советских людей»,— написала в своем письме Лиля Ребане из г. Новосибирска.

Победителей у викторины много. Сто человек! Их имена мы печатаем.

ПРИЗЕРЫ ВИКТОРИНЫ

Главный приз присужден Саше Гринякину из Волгограда. В составе делегации Волгоградской области он участвовал в VI Всесоюзном пионерском слете и жил в Артеке вместе с польскими харцерами.

Саша ГРИНЯКИН, 7-й класс, г. Волгоград. **Юля КОПЫЛОВА** и **Лариса ГЕРШАНОВИЧ**, 14 лет, г. Старая Купавна. **Лилия АДЕЛЬБАЕВА**, г. Бугульма. **Софья АНДРЕЕВА**, г. Москва. **Лена БАРКОВА**, г. Димитровоград. **Андрей ВОЕВОДИН**, пгт. Капустин Яр, Астраханской обл. **Наташа ВОРОНИНА**, 5-й кл., г. Уфа. **Вероника ВРУБЛЕВСКАЯ**, г. Люберцы. **ГАЗИЕМОВА Л.**, **ЯГОДИНЦЕВА Л.**, **ВАРЛАМОВА Г.**, г. Калининград. **Лариса ГАГАНЕНКО**, г. Киев. **Галя ГЛАДИЩУК**, г. Ленинград. **Лариса ГОМОРОВА**, г. Жуковский. **Ира ГРАНОВСКАЯ**, г. Киев. **Нина ГРУДИНА**, г. Асбест. **Саша ГУНДОРОВ**, село Окулово, Горьковской обл. **Оля ДАВЫДОВА** и **Наташа МЕНЬШИКОВА**, г. Горький. **Света ЕГОРЫЧЕВА**, 8-й кл., г. Ярославль. **Галя ЖИГОЦКАЯ**, ст. Коноша, Архангельской обл. **Лена ЖУКОВА**, г. Запорожье. **Валерия ЗАВАЛИХИНА**, г. Ульяновск. **Валера ЗАРУБИН**, г. Железнодорожный. **Валентина ЗАХАРЕВИЧ**, **Марина ЗАЙЦЕВА**, 7-й кл., г. Петродворец. **Люда ЗВЯГИНЦЕВА**, г. Ленинград. **Света ИНГОВАТОВА**, г. Благовещенск. **Галина КАДОМСКАЯ**, г. Минск. **Вика КОЧЕТОВА**, 5-й кл., г. Калинин. **Ваня КРЫЛОВ**, г. Петрозаводск. **Виктор ЛЕВАШОВ**, г. Ростов-на-Дону. **Лена ЛОБКОВА**, г. Грозный. **Владимир ЛИСОВ**, г. Кривой Рог. **Борис ЛИС**, г. Киев. **Оксана ЛЕВИЦКАЯ**, село Ковыльное, Крымская обл. **Лена МАКСИМЕНКО**, 6-й кл., г. Ухта. **Лариса МАЙН**, 7-й кл., г. Челябинск. **Олег МОРКВЕНАС**, г. Красноярск. **Ирина МОЧАЛОВА**, г. Челябинск. **Алексей НАБОЙЧЕНКО**, г. Москва. **Светлана НАТАЛИЧ**, г. Чита. **Жанна ОБУХОВА**, 6-й кл., г. Миасс, Челябинская обл. **Лена ОФИЦЕРОВА**, 6-й кл., Затон им. Жданова, Горьковская обл. **Люда ПИНЧУК**, г. Кострома. **Инна ПАРХОМОВА** и **Ира ТАТАРЧУК**, г. Киев. **Галя ПОНОМАРЕВА**, г. Алексин. **Лена РАБИНОВИЧ**, г. Куйбышев. **Маша РОДИНА**, г. Владимир. **Оля РЫЖОВА**, г. Куйбышев. **Оля САДОВНИКОВА**, ст. Бутово, Московская обл. **Оля СЕРЕБРЯКОВА**, г. Барнаул. **Георгий СИВАКОВ**, 7-й кл., г. Абакан. **Андрей СЛУЖАЕВ**, г. Стрый. **Валера СТАРОДУБЦЕВ**, г. Братск. **Таня СТЕПАНОВА**, г. Пермь. **Валерия СУМЕРОВА**, г. Одесса. **Таня СУДАКОВА**, г. Улан-Удэ. **Лена СУТЯГИНА**, г. Горький. **Люда СЫРОВА**, г. Краснодон. **Наташа ТОЛПЕКИНА**, г. Волгоград. **Таня ФИЛИППОВА**, г. Касан. **Света ФОМИНА**, г. Полтава. **Лена ФРОЛОВА**, г. Свердловск. **Ярослав ХАРИТОНЧИК**, г. Москва. **Руфина ШАБАЛИНА**, ст. Болшево, Московской обл. **Инна ЭЙЗЕНБАУМ**, г. Кустанай. **Лена ЮРКОВА**, г. Георгиевск. **Оля ДМИТРИЕВА**, г. Тула.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ

Награждены грамотами Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, КИД «Глобус», г. Шостка. КИД «Глобус», г. Гвардейск. Пионерская дружина школы № 63 им. В. И. Ленина, г. Баку. КИД «Планета», г. Инта. Пионеры 6-го кл. «А», село Городище, Оренбургской обл. Пионерский актив 1-й детской библиотеки, г. Даугавпилс. КИД «Глобус», средняя школа № 26, г. Харьков. КИД «Товарищ», Черневская средняя школа, Московской обл. Отряд им. Зои Космодемьянской, средняя школа № 23, 5-й кл. «В», г. Нижний Тагил. IV звено пионерского отряда им. Володи Дубинина, средняя школа № 3, г. Алексин. Кружок «Луч» при детской библиотеке им. С. Я. Маршака, г. Шумерля. Кружок «За мир и дружбу», г. Ростов-на-Дону. Пионеры 6-го кл. «Б» школы -интерната № 9, г. Воронеж. КИД школы № 4, г. Лысково. Пионеры 5-го кл. «А» средней школы № 1, г. Алма-Ата. Группа учащихся 5-го кл. «В», средней школы № 9, г. Раменское.

Еще жюри отмечает хорошую работу таких ребят, как **Саша БАБЕНКО**, г. Новосибирск. **Света БОЛОТСКИХ**, г. Нерефа. **Наташа ВЕСЕЛОВА**, г. Москва. **Тома ГОЧАЧКО**, г. Красноярск, **Таня ДЮКОВА**, г. Таллин. **Таня ИЛЬИНА**, г. Ленинск-Кузнецкий. **Таня КАДУШКО**, г. Печора. **Тоня КОВАЛЬ** и **Саша АРХАНГОРОДСКАЯ**, село Глинное, Марийской АССР. **Наташа КОСТИНА**, г. Москва. **Лена КРЕХОВА**, г. Минск. **Лена КУРБАНОВА**, г. Махачкала. **Таня ЛИТОВЕЦКАЯ**, г. Николаев. **Нина ЛОШАЦКАЯ**, г. Ковель. **Дима МАМОНТОВ**, жилгородок аэропорта «Домодедово». **Таня РАЙХМАН**, г. Улан-Удэ. **Ирина СМОЛЬНИКОВА** и **Света ТАЛАНКИНА**, г. Орджоникидзе. **Коля ЩЕРБАКОВ**, г. Иваново. **Ольга ЕФИМОВА**, г. Комсомольск-на-Амуре.

Работы сельских ребят будут отмечены особо!

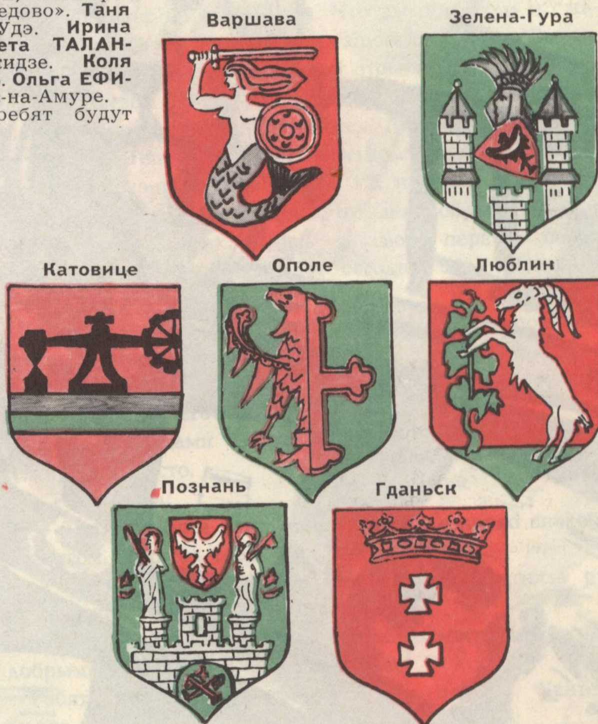
5

Светлана Егорычева подробно рассказала о жизни и работе Феликса Яковлевича Кона.

Надя Бизюкова и Ира Елисеева из города Владимира прислали нам куклу, которой сами сшили харцерскую форму.

Жюри понравилось, как гербы польских городов нарисовал семиклассник Дима Мамонтов из городка аэропорта «Домодедово».

Вероника Врублевская, шестиклассница из города Люберцы, Московской области, нарисовала комбинат имени В. И. Ленина в Новой Гуте.

Это эмблема села Ленино, где Войско Польское прославило себя в бою.

Самое яркое событие лета

У меня есть лев

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 7.

Рисунки С. ОСТРОВА.

На цирковой конюшне обнаружили пропажу. Дрессировщик Тофик стоял у пустой клетки. Он не кричал. Он говорил тихо:

— Я понимаю, когда в автобусе залезают в карман и вытаскивают кошелек с тремя рублями мелочью... У меня на даче стащили старый самовар в форме паровоза... Понравился паровоз... Но если начинают воровать львов! Из государственного учреждения... Я не понимаю.

Он говорил тихо, и только глаза, его маленькие черные глаза, смотрящие из-под завитков каракулевой шапки, были налиты обидой. Рядом с ним стоял Самед — правая рука Тофика.

— Судить надо! — закричал Самед.— Всю охрану под суд!

Он был горячим парнем.

— Не кричи,— сказала подошедшая Патимат.— Когда ты кричишь, хочется украсть еще одного льва. Разве лев был твой?

— Он был цирковой! — крикнул Самед.

— Он был свободный лев. За него никто не платил денег. Он не привык жить в клетке.

— Он был никакой лев,— тихо сказал Тофик,— дрянь, а не лев. Я бы сделал из него льва... У нас в цирке ни одного пальто не пропало с вешалки...

— В 1911 году,— сказал подошедший Брагам,— из батумского цирка ушел слон. Сам ушел. Порвал цепь... Обратно его привел мальчик. Понравился слону мальчик, и он пошел за ним.

— Будем ждать мальчика,— сказал Тофик.— Если не поможет милиция, будем ждать мальчика. Но не исключено, что лев съест этого мальчика.

Он изо всех сил хлопнул железной дверью пустой клетки и пошел прочь.

Когда появился лев, класс отхлынул назад. Первые парты были пусты. Стол учителя превратился в баррикаду, закрывавшую проход между вторым и третьим рядами парт. Сам учитель затерялся среди ребят. Все молчали. Все были бледны. Кто-то тихо всхлипывал.

На доске четко выделялись слова: «Самое яркое событие этого лета». Теперь они как бы означали не тему сочинения, а то, что сейчас происходило в классе. Яркое? А может быть, драматическое?

Перед доской стоял лев. Большой, рыжий, с темными конопушками на лбу. Он вел этот урок — урок доверия и мужества. Рядом с ним, как вызванный к доске, застыл Рад.

Лев зевнул — по классу прокатился ропот.

Рад положил на гриву льва руку и сказал:

— Успокойтесь. Он никого не тронет. Это необычный лев. У него нет на сердце зла. Что вы притихли и сжались? Разве на вас когда-нибудь бросались львы. Вы читали об этом? Но вы читали об этом в старых книгах. А новые книги про львов еще не написаны. Подождите, их напишут. Времена меняются. Люди слишком много убивали. Теперь они спохватились. Недавно в казанском зоопарке родились львята. Их продали в Африку, в Африке не хватает львов. Этот лев добрый. Не бойтесь, ребята! Севрик, садись за свою первую парту. Ведь ты храбрый парень! Ты сегодня спал рядом со львом.

Кто-то тихо, опасливо засмеялся. И тогда поднялся бледный рыжий Севрик и сказал:

— Я действительно спал со львом. Очень крепко спал. Я — ни-ничего!

С этими словами Севрик прошел к первой парте и сел на свое место.

А Рад сказал:

— Таня, отними руки от лица. Ты же давно знакома с Кингом. Я писал тебе.

— Ты писал...— пробормотала девочка и отняла руки от лица.

— Возвращайтесь на свои места... Смотрите, какими добрыми глазами лев смотрит на вас!

Ребята по одному потянулись к партам. Учитель молча занял свое место у окна.

— Рад,— сказал он,— ты нас крепко напугал. Ты бы предупредил нас, Рад.

— Я не думал, что он придет. Он пришел по следу.

— Самое яркое событие! — сказал кто-то на задней парте.

— Если все начнут приводить в школу львов...— сказал еще кто-то.

— Пока что никто в мире не приводил. Только Рад,— ответили ему.

— Да здравствует Рад и его лев! — воскликнул Севрик.

Брагам был маленький сморщенный старичок. Он ходил с палочкой. И трудно было себе представить его прыгающим, делающим двойное сальто. Но когда-то он был знаменитым «человеком-пружиной» и совершал отчаянные прыжки под куполом цирка. После неудачного прыжка сломал ногу. Лопнула пружина, не стало знаменитого циркового прыгуна. Но зато появились мальчики Брагама, его ученики. Одни мальчики вырастали, становились взрослыми акробатами, на смену им при-

ходили другие. Старый Брагам учил их своему искусству. Он поддерживал священный огонь, не давал ему погаснуть. Так он перехитрил сломанную ногу.

— Вы слышали, дети мои,— говорил он на манеже своим мальчикам,— что у нас в цирке льва стибрили. Головокружительно!

Глаза старика светились мальчишеским озорством.

— Не может быть,— удивлялся Гоша.— Льва? Из цирка? Не может быть! Аттракцион!

— Пойди и посмотри пустую клетку,— сердился старик, обиженный тем, что ему не верят.— Кстати, почитай приказ директора о халатности охраны.

— Кто же этого льва... сти-брил? — спросил Малыш.

— Это и есть главная загадка. Кому понадобился лев? Мне предложите льва — даром не возьму.

В пустом физкультурном зале собрались трое. Военрук, одетый в старую, порядком поношенную форму с орденскими колодками, Рад и Кинг. Кинг лежал на спортивном мате, положив тяжелую голову на лапы. Рад стоял возле него. А военрук, заложив руки за спину, расхаживал в некотором отдалении.

— Вам не страшно? — спросил Рад.

— Мне некого страшиться,— ответил военрук.— Работа у меня такая. Требует бесстрашия... Тут один умник кобру принес и выпустил...

— Лопух,— сказал Рад.

— Лопух,— согласился военрук.— Ловить пришлось мне. Змея заползла к малышам в первый класс... Это твой лев?

— Мой,— ответил Рад.

— И что ты с ним думаешь делать?

— Не знаю,— признался юноша.

— Завел льва и не знаешь, что с ним делать?

— Я не заводил, я спасал его...

— От кого же ты его спасал? — Военрук перестал ходить и уставился на необыкновенного гостя, который лежал с закрытыми глазами. Разговор Рада и военрука не мешал льву дремать.

— От всех,— сказал Рад.

— Разве все его враги? — Военрук медленно приблизился ко льву.

— Все считают его врагом. А когда тебя считают врагом, опасно жить на свете.

— Опасно,— согласился военрук.— Ты уведи его из школы, пока не началась переменка и пока дело не дошло до милиции. У тебя есть куда его спрятать?

— Есть,— ответил Рад,— я спрячу. Я хорошо спрячу льва. А вы действительно смелый.

— Льва не испугался? — усмехнулся военрук.

— Нет. Все поняли по-человечески. Для этого тоже нужна смелость.

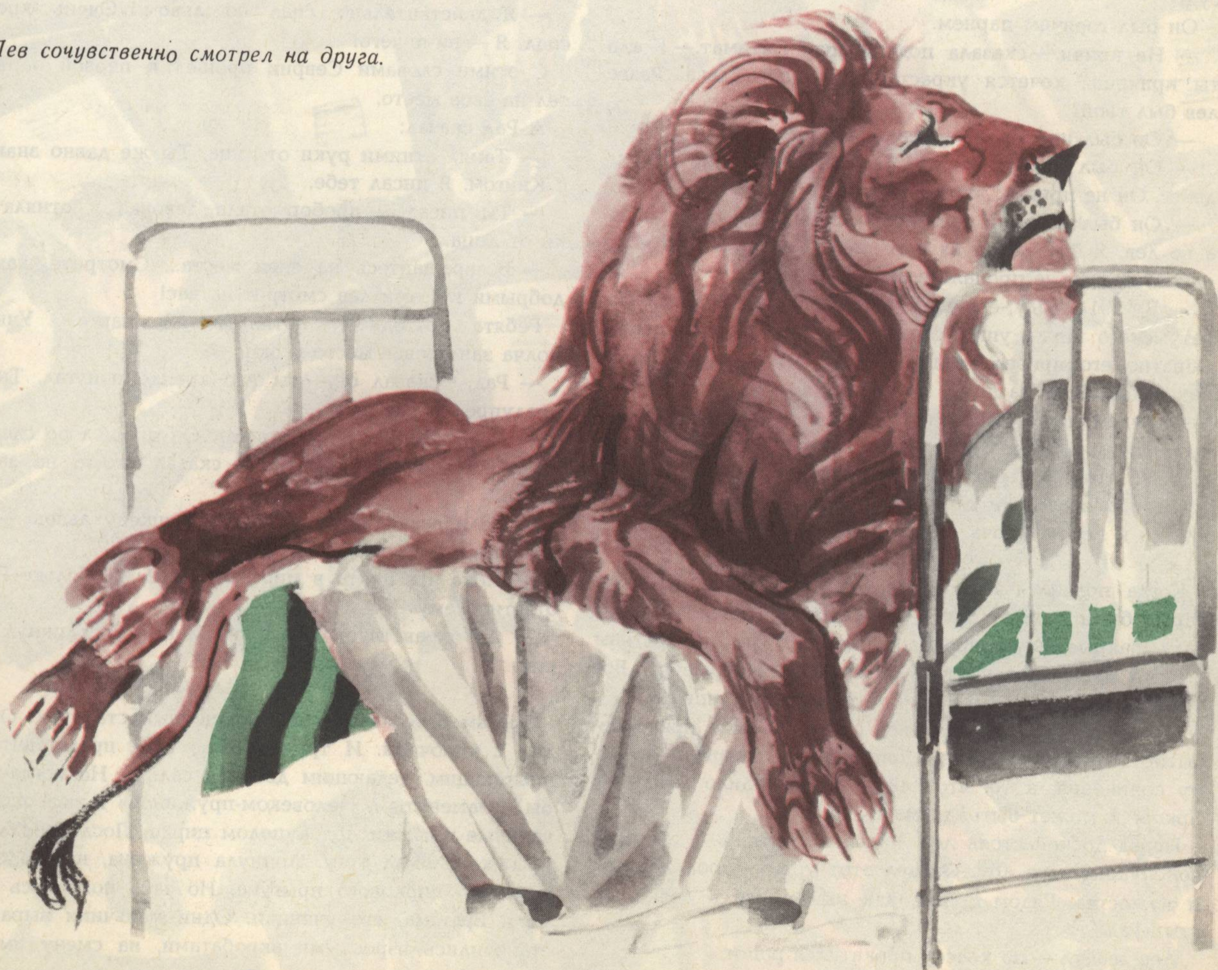
Рад позвал Кинга, и они зашагали вдоль шведской стенки. А военрук стоял и смотрел им вслед.

По городу пронесся слух: из цирка пропал лев. В учреждениях, на улицах, на автобусных остановках пошли «львиные» разговоры:

— Он сам сбежал или его похитили?

— Куда он делся?

Лев сочувственно смотрел на друга.

— Притаился где-нибудь в городе или убежал в лес...

— Говорят, одна старушка видела его.

— Говорят, он съел одну старушку. А одного парня повалил на спину.

— Растерзал?!

— Нет... Напугал он его здорово.

— Говорят, он забрел в школу. Ходил по коридорам, заглядывал в классы. Но никого не тронул.

То, что лев никого не тронул, внушало людям недоверие. Не может огромный кровожадный лев, очутившись на свободе, никого не тронуть. Не выдумал ли кто-нибудь этого льва? Может быть, никакого льва не было? Но какая-то старуха видела его...

В школу позвонили из милиции. Звонили во все школы, позвонили и в ту, где учился Рад.

— Лев? У нас в школе? Был.

— Был?! Что же вы молчите? Где он теперь?

— Ушел.

С милицией разговаривала маленькая, хрупкая женщина в синем халате, та самая школьная нянечка, или по-иному «технический работник», которая первая увидела Кинга в школе.

— Как так: сам пришел, сам ушел? — сердились в милиции.

— Сам пришел, сам ушел,— подтвердила старушка.— Вернее ушел он не один, а с каким-то парнем.

— Какой парень? Фамилия?

— Кто его знает? Школа большая. Тысяча ребят.

— Может быть, выдумываете про льва, мамаша? — недоверчиво спросили в милиции.

— Стара я, чтобы выдумывать,— обиделась нянечка.— Своими глазами видела. Это же счастье, увидеть рядом живого доброго льва.

— Счастье...— вздохнули в милиции и повесили трубку.

А женщина в синем халате все держала в руках трубку и уже не для милиции, а для себя говорила:

— Это же счастье, увидеть рядом живого доброго льва.

Рад и лев сидели на койке. Оба были задумчивы. Что делать? Лев сочувственно смотрел на друга.

— Ничего не получилось со школой, Кинг,— говорил Рад, глядя перед собой.— Живой уголок — это лягушки, кролики, щеглы. Для тебя мал уголок. Может быть, когда-нибудь, через много-много лет в школьных живых уголках будут жить львы. Такие, как ты. И когда на уроке будут проходить животный мир, в класс будет приходить лев. И будет сидеть у доски, как ты сегодня...

Кто-то кинул в окно камешек. Рад встал и подошел к окну. И лев вместе с ним подошел, поставил передние лапы на подоконник. Перед окном на зеленой траве скверика стояли цирковые мальчики. Они улыбались и махали руками.

— В цирке переполох. Лев сбежал.

— Хорошо, что он ничей,— сказал Унтерман.— Ни за кем не числится.

— Но в милицию заявили,— добавил Гоша.

И тут к окну подошел Малыш. В руках у него был огромный пакет.

— Эй, Рад! Держи! Обед Кингу!

— Спасибо, ребята! — Рад принял пакет и тут же передал угощение Кингу. Лев с аппетитом принялся за еду. Время было обеденное.

— Дом с башенкой цел? — спросил Рад Малыша.

— Цел! Цел!

— Придется поселить там Кинга. Нет для него места в школе.

— Поселим,— сказал с готовностью Гоша,— почему бы не поселить. Тебе привет от осветителя. Это он мясо достал.

— Спасибо,— сказал Рад.— Если бы не вы, я бы пропал.

В городе настал школьный час: улицы, переулки, площади и перекрестки принадлежали ребятам, идущим в школу. Шли первоклассники с заспанными лицами, шли десятиклассники, похожие на студентов. Они чувствовали себя на сто лет старше малышей.

Было пасмурно. Дул ветер. В городе пахло морем.

Рад поджидал Таню на углу. Он ходил, заложив руки в карманы, держа под мышкой портфель.

— Как твой лев? — спросила Таня, здороваясь с другом.

— В надежном месте. Он тебе понравился?

Таня пожала плечами.

— Все-таки страшно!

— Это с непривычки. Понимаешь, к нему надо привыкнуть. Если к нему привыкнут все жители нашего города, он сможет разгуливать по городу. И дети будут гладить его.

— Ты фантазер... Ты опасный фантазер!

— Почему же опасный?

— Безопасные просто болтают. А ты... ты раздобыл льва... Историю выучил?

— Не помню,— рассеянно сказал Рад.— Разве задавали?

— Ничего не получилось со школой, Кинг,— говорил Рад.

— Значит, не выучил... А у нас на улице дом ломают.

Дом не заинтересовал Рада. Правда, через несколько шагов он спросил:

— Как ломают?

— Подвели кран с чугунной грушей и бьют по стенам.

— Какой дом?

— С башенкой. За один квартал от нашего.

— С башенкой?! — Рад остановился и посмотрел на Таню. Его взгляд сразу потемнел.

— Что же ты молчала?! С башенкой! Держи! — он сунул Тане свой портфель и сорвался с места.

Он бежал, расталкивая прохожих, спотыкаясь, налетая на фонарные столбы. Город мчался ему навстречу. Дома срывались с места. Зонты прохожих со свистом проносились над головой, как летающие тарелки. Дождинки на щеках превращались в капельки пота. Скрипели тормоза. Ругались шоферы. Свистели милиционеры. Звуки потревоженного города слились в сплошной гул. Словно Рад был не Радом, а львом, за которым неслось беспощадное сафари: кони, люди, собаки и душное облако, красное то ли от огня, то ли от крови.

Кинг! Кинг! Кинг!

— Только бы успеть! Остановить чугунную грушу, которая бомбит дом — тайное убежище льва. Неужели такая нелепая смерть оборвет жизнь гордого зверя с детскими конопушками на лбу!

Скорей бы свернуть с людных улиц, где все мешают бежать, мельтешат под ногами. Жаль, нет Орлика! С Орликом было бы быстрее. Можно было бы успеть.

«Какой дом?» — «С башенкой?» — «Подвели кран и бьют по стенам?» Раду казалось, что чугунная груша бьет его в грудь.

Первое, что увидел Рад, вбежав в горбатый переулок, было розоватое облако. Оно окутывало погибающий дом. И даже мелкий дождь не смог прибить эту пыль. Из последних сил Рад бросился вперед.

— Стойте! Не ломайте! Остановитесь!

Красная кирпичная пыль скрипела на зубах, голос тонул в грохоте падающей стены. Он подбежал к крану. Теперь уже ему закричали:

— Стой! Куда лезешь под кран? Что случилось?

Чугунная груша раскачивалась на стальном тросе медленно, как маятник огромных часов. Какое время отсчитывали эти часы: время жизни или время смерти? Красное облако пыли стало опадать, открылся полуразрушенный дом. Словно в дом попала бомба...

— Забыл что-нибудь в доме? — спросил усатый крановщик.

— Забыл! — ответил Рад, карабкаясь по обломкам погибшего дома. По сломанным балкам, по кирпичным глыбам, по осколкам стекла.

— Кинг... Кинг...

Он шептал это слово. Он звал друга, который, должно быть, погиб под осколками, как погибали на войне, когда в дом попадала бомба.

— Эй, парень, ты скоро? У нас план, — крикнул крановщик.

Рад не слышал его голоса. Он сел на кирпичную глыбу и закрыл лицо руками.

— Кинг!.. Кинг! — звал Рад своего друга.

И вдруг откуда-то сверху донесся тоненький, пронзительный, как свисток, голос:

— Рад! Он жив! Он здесь!

Рад поднял голову и на соседнем доме увидел фигурку Малыша из цирковой группы Брагама. Маленький циркач стоял на самом гребне крыши, похожий на смешной флюгер: длинная шея, оттопыренные уши. Он размахивал руками и кричал:

— Рад! Иди сюда! Он здесь!

— Кота, что ли, спасли? — спросил усатый крановщик.

— Кота,— ответил Рад, и его лицо просветлело.— Я-то думал, что он под обломками, а он на соседнем доме.— И Рад закричал флюгерку: — Какой же ты молодец, Малыш!

— Где кот-то? — спросил бульдозерист, подходя к Раду.

— А вот он!

В окне соседнего дома сидел лев. Его появление было так неожиданно, что все притихли, молча уставились на огромную львиную морду.

Было уже темно, когда Рад вышел из маленького уцелевшего дома. Соседний дом исчез, даже битый кирпич и старые, прогнившие балки успели вывезти. Причудливой башенки как не бывало. Теперь кран с тяжелой чугунной грушей переместился к дому, в котором скрывался лев. В полутьме кран напоминал древнее орудие, которым до изобретения пороха разрушали стены крепостей. Рад оглянулся на это орудие и зашагал дальше.

Он остановился у Таниного дома. Сложил руки раковиной и подал условный сигнал. На балкон вышла Таня.

— Спустись,— сказал Рад.— Надо поговорить.

Девушка ничего не ответила. Вскоре она вышла из подъезда.

— Ты болен? — спросила она.— На тебе лица нет.

— Со мной все в порядке. Идем, пройдемся.

— Мне некогда...

— Ненадолго. Знаешь, дом с башенкой сломали. Тебе башенки не жалко?

Таня пожала плечами. Некоторое время они шли молча. Когда же дошли до крана с чугунной грушей, Рад спросил:

— Хочешь посмотреть на льва?

— Нет, нет,— торопливо сказала Таня,— я уже видела... в классе...

— Ты сможешь его погладить.

— Ты позвал меня, чтобы я погладила льва? — спросила Таня.

— Ты, конечно, можешь не гладить,— сказал Рад и некоторое время разглядывал носок своего ботинка.— Мы с Кингом попали в окружение,— вдруг сказал он.

— Как в окружение?

— Сейчас Кинг в этом доме. Завтра дом начнут ломать. И больше у нас прибежища не будет.

— Зачем ты связался с этим львом? — вдруг горячо заговорила Таня.— Что ты хочешь доказать?.. Хочешь прославиться? Попасть в историю? Я ничего не понимаю.

Рад посмотрел на Таню, словно пожалел ее. Хотя в этом положении жалеть-то надо было его самого.

— Во-первых, я дружу с ним, Таня,— сказал Рад.— А когда дружат — не бросают. И еще я хочу доказать, что лев может быть добрым.

— У тебя ничего не получится.

— Мне трудно одному. У меня есть цирковые мальчики — отличные ребята. Но все равно мало. Я хочу, чтобы ты помогла мне.

— Как это... помогла?— Таня с вызовом посмотрела на Рада.

— Ты не могла бы на время приютить льва?

— У себя дома?

— Ага.

— Ты что, смеешься надо мной!

Рад снова посмотрел на Таню с жалостью.

— Я не смеюсь, Таня. Сейчас я провожу тебя домой. Потом вернусь в этот карточный домик. И мы с Кингом проведем там последнюю ночь. На полу.

В окне соседнего дома сидел лев.

— А что будет завтра? Завтра все кончится. Ты знаешь, что милиция разыскивает льва?

— Знаю! Я все знаю, Таня. Но я еще поборюсь.

По переулку прошла веселая компания ребят с гитарой. Они пели вызывающе громко. Словно хотели поставить на ноги весь город.

Один из ребят оглянулся на Рада и Таню и крикнул:

— Пошли с нами!

И, не дождавшись ответа, компания свернула в другой переулок.

— Пойдем с ними,— вдруг предложила Таня.

Рад покачал головой.

— Он большой и грозный. Но он добрый.

— Ты завтра придешь в школу?

Рад пожал плечами.

— Жаль, что ты не со мной. Ладно, напишу письмо Деду. Надеюсь, он поможет.

Они стояли у Таниного дома.

Из-за угла снова вынырнула шумная компания с гитарой. И когда они прошли мимо, Тани уже не было. Рад медленно брел к домику, который до завтрашнего утра служил дворцом царю зверей.

На полянке, на старом бревне, которое много лет служило скамьей, собралась вся семья лесничего. Дед читал письмо от Рада. К ним подошел Орлик, словно заинтересовался, о чем пишет Рад из города. И коза, привязанная за заднюю ногу, тоже уставилась на письмо своими желтыми любопытными глазами и терпеливо слушала.

— «Дорогие мои! — читал Дед.— Положение мое крайне трудное. Я вызволил Кинга из цирковой клетки. Но мы никак не можем найти с ним пристанища. Оказалось, что город совсем не приспособлен для львов. Это письмо я пишу в маленьком старом домишке, где мы с Кингом проводим последнюю ночь. Последнюю, потому что завтра дом сломают. И нам некуда будет деться. Дед, если ты мне настоящий друг, приезжай за нами. Забери нас с Кингом к себе. У тебя нам будет хорошо. А лев никого не обидит. Ребята его любят».

Ромка в этом месте подскочил и закричал:

— Любим! Любим! Мы с ним играли!

— Со львом? — Мария поднялась с бревна. Она с ужасом смотрела на Деда.

— Тут без тебя такие чудеса происходили! — пояснил Дед.

— Не надо мне никаких чудес. Он что, приводил льва в дом?

Дед встал и сказал:

— Сперва лев пришел сам. И не тронул спящих детей... А мог бы тронуть.

— Не-не! — замахал руками Ромка.— Он добрый. Он большая рыжая собака.

— Он добрый,— вставила словечко Ева.— Я кормила его мясом.

— Час от часу не легче! — Мария всплеснула руками.— Я думала, ты серьезная девочка...

— Она серьезная,— сказал Ромка.— Она стригла меня.

— Что нам делать с Радом? — спросил Дед.— Ведь парень попал в тяжелое положение.

— Надо отобрать у него льва,— сказала Мария.— Это плохо кончится.

— Боюсь, что он с этим львом уже никогда не расстанется. Лев домашний. Кто-то по ту сторону границы приручил его. Наверное, нашел кутенком, выходил. Звери не забывают добра.

В это время тихо заблеяла коза.

— Она тоже льва помнит,— сказал Ромка.

— Кстати, лев и ее не тронул,— заметил лесничий.— Что нам делать?

— Поедем, поедем! — решительно сказал Ромка.

Мать посмотрела на него и ничего не сказала. Где-то далеко в чащобе раздался выстрел.

Они вышли из дома, который вот-вот должен был погибнуть, ревратиться в груду развалин. Старый, облупившийся домик как бы съежился в ожидании первого удара.

Рад огляделся. Над городом стояло бесцветное палящее солнце. Мимо шли люди, опасливо поглядывая на льва. Никто не останавливался. Никого не интересовала ни судьба льва, ни то, что творилось в душе у Рада.

Только Малыш из цирковой группы Брагама сочувственно поглядывал то на Рада, то на льва.

— Куда пойдем?— спрашивал он.— Куда пойдем?

Рад молчал. Он почувствовал себя беспомощным и слабым. Ему казалось, что и лев, могучий царь зверей, тоже пал духом, оробел перед большим городом. Если бы можно было очутиться у Деда! Там леса, горы, пещеры, острова... Там в конце концов есть сеновал и можно переждать трудное время.

— Куда пойдем?— Малыш потянул Рада за рукав.

— Куда? — рассеянно повторил Рад и вдруг, полный решимости, сказал: — В цирк!

— В цирк? — Теперь Малыш посмотрел уже не сочувственно, а удивленно.

— В цирк! — повторил Рад.— В цирке есть друзья. Ты, Гоша, осветитель, остальные ребята... Может быть, мне разрешат выступить с Кингом!

— Он же ничего не умеет,— сказал Малыш.— В цирке надо работать.

— Он умеет, Малыш, он умеет! Умеет быть среди тысяч людей без всякой решетки. Это чего-нибудь стоит!

— Это чего-нибудь стоит,— согласился Малыш. И они пошли.

За их спиной послышались тяжелые удары и поднялось розовое облако. Казалось, там началось самое настоящее сафари. Казалось, облако пыли поднималось не под разрушенным домом, а из-под копыт, а удары чугунной груши — это выстрелы. Сафари, сафари! Страшная игра людей в жизнь и смерть.

Скорей, скорей, скорей!

Маленький цирковой артист шел впереди. Как ледокол, он прокладывал путь большому кораблю.

— Отойдите в сторонку, пожалуйста! Отойдите, это же лев! — объяснял он прохожим.

Никому не приходило в голову, что по городу может так свободно расхаживать лев. Его принимали за необыкновенно большую собаку.

Люди отступали, пропускали беглецов и тут же начинали досаждать вопросами:

— Дрессированный?

— Дрессированный!

Надо соглашаться. Только не задерживайте. Дайте дорогу.

— Из цирка?

— Из цирка, из цирка!

— Не кусается?

— Не кусается.

— Африканский?

— Африканский.

— Молодой?

— Молодой.

— А он еще вырастет?

— Он вырастет!

Нет ничего труднее, чем провести льва по городу! Малыш шел впереди. Рад и Кинг за ним. Люди расступались и снова смыкались. Лаяли собаки. Громыхали машины. Только бы пробиться к большому круглому зданию, похожему на крепость! Только бы спрятаться в этой неуютной, но все же надежной крепости! Что ждет их там?

Может быть, Рада обругают и выгонят вон? А льва оставят? И какой-то Тофик будет совать в нос льву железную пику и требовать, чтобы он, как дрессированная собачка, ходил на задних лапах.

— Ребята в цирке?

— В цирке.

— Они знают?

— Они ничего не знают. Но они узнают.

— Они узнают...

Последние метры пути они проделали бегом. Все трое бежали. У двери с надписью «Служебный вход» путь им преградил вахтер.

— Что это еще?

— Лев,— сказал Рад.

— Который сбежал?

— Тот самый,— крикнул Малыш,— понимаешь, тот самый! Мы его нашли. Отойди в сторонку. Он страшно кусается!

Только у директорского кабинета Рад почувствовал, как он устал. Ему показалось, что сейчас ноги подкосятся, он упадет и уснет.

— Мне к директору,— сказал он пересохшими губами.

— Ему к директору,— повторил Малыш.

Где-то оркестр играл марш.

У директора цирка были седые, подстриженные под

Нет ничего труднее, чем провести льва по городу!

полубокс волосы. Впереди они стояли бобриком. На лбу виднелся старый шрам. Может быть, след схватки с дрессированной пантерой, отказавшейся повиноваться? Может быть, военное ранение?

Фамилия директора была Корбут. Красивая фамилия, звучащая, как беркут.

Директор стоял в углу кабинета, он ждал похитителя льва. Он не волновался. Он чистил ботинки черной щеткой. Когда дверь отворилась и Рад с Кингом не спеша переступили порог кабинета, директор распрямился и прижал щетку к пиджаку.

— Явился?— грозно спросил директор.

— Мы пришли...

— Очень приятно. Значит, пока обошлось без милиции... Кто тебе помог увести льва из цирка?

— Никто, мы сами...

— Мы сами!

Корбут бросил в угол сапожную щетку и сухо сказал:

— Отведи льва на конюшню. И приходи. Поговорим.

— Поговорим,— согласился Рад и, кивнув на льва, сказал: — Он не будет мешать. Он пока еще не все понимает.

— Здесь я командую,— мрачно сказал Корбут.— Веди льва!

Рад испытующе посмотрел в глаза директора.

— Если не хотите говорить, мы уйдем совсем.

— Льва ты, положим, оставишь!

— Лев мой! — Рад заслонил собой льва, словно Кинг нуждался в его защите.— Я спас его от пуль и от голода. Его взяли обманом.

Директор сделал несколько шагов по кабинету, поглаживая свой белый бобрик.

— Он твой? Что же, иди! Иди со своим львом! Я вас не звал. Вы сами пришли,— устало сказал он.

Рад повернулся к другу и сказал:

— Пошли, Кинг.

И они направились к двери по длинному директорскому кабинету. Из рам на них смотрели знаменитые клоуны. Они корчили рожи и насмехались над попавшими в беду друзьями. Так, словно сквозь строй, лев и юноша дошли до двери.

Их остановил окрик директора:

— Стойте!

Рад и Кинг повернулись.

— Куда вы идете?

— Не знаю...

Директор вышел из-за своего стола и подошел ближе к двум странным возмутителям спокойствия. И как бы увидал их в новом свете.

Перед директором стоял худой, коричневолицый юноша с тревожными глазами олененка. С прядкой темных волос, припечатанных ко лбу. Рядом с ним лев. Необыкновенный. Не похожий на вялых дрессированных львов. От этого пахло саванной. У него были умные, непогасшие глаза. А на лбу — на высоком лбу — ребячьи конопушки.

Они — юноша и лев — были гармоничны. Они были воплощением какого-то удивительного, прекрасного мира природы.

— Здравствуйте,— сказал Корбут, словно юноша и лев только что вошли.— Садитесь.

В красных облегающих трико мальчики были похожи на таинственных телохранителей царя зверей.

Директор напрочь забыл свои волнения по поводу пропавшего льва. Забыл Тофика. Забыл звонки из милиции и в милицию. Вместо груды бумажек, записок, докладных и донесений перед ним лежал чистый лист бумаги.

Юноша сел на стул. Лев опустился к его ногам.

— Рассказать тебе, как я стал директором цирка? — неожиданно спросил Корбут. И, не обращая внимания на удивленный взгляд мальчика, начал свой рассказ: — Во время войны под Кенигсбергом я нашел раненого бегемота. Он, видимо, бежал из разбомбленного зоопарка. И кто-то дал по нему очередь. Представь себе, что мы с ребятами выходили бегемота. Вылечили. Откормили. Мы сдали его в цирк, потому что больше некуда было деть его. Когда кончилась война, меня потянуло к моему бегемоту... Ясно?

— Ясно,— ответил Рад.

— Ты откуда знаешь льва?

— Он спасся от сафари. Перебежал нашу границу. Я его охранял от всех. Ведь никто, кроме меня, не знал, что он ручной, добрый. Но потом я заболел... Этот лев... Я нужен ему. Мы не можем друг без друга! Как звали вашего бегемота?

— Кто-то из ребят назвал его Томом. Не знаю, почему.

Директор замолчал. Лев вздохнул тяжело и печально, как человек.

— Я знаю, у тебя безвыходное положение, иначе ты не вернулся бы в цирк. Хочешь, я возьму тебя учеником дрессировщика?

Рад покачал головой.

— Его нельзя дрессировать... Он не дикий... Но зато я могу выйти с ним на арену.

Звонили телефоны. Заглядывали в дверь разные лица — смешные, печальные, озабоченные, кислые. Корбут и Рад никого не замечали, ничего не слышали. Только лев Кинг был свидетелем их трудного разговора.

Никто не понимал, что происходит за директорской дверью. Может быть, директора уже нет на свете: окончил свой век в пасти льва? Может быть, с ним случилось что-то? Он никого не вызывал, ни на кого не кричал. Пишущая машинка пулеметными очередями не выстреливала грозные приказы.

Когда позвонили из Москвы, из Госцирка, секретарша сказала:

— Лев вернулся.

— Сам вернулся? — спросили в трубке.

— Сам.

— Ну и дела! — воскликнули в Москве.

Маленькая девочка в оранжевой юбочке стояла в центре манежа и перебрасывала из рук в руки три шарика. При этом она напевала:

— Лев вернулся! Лев вернулся!

Оркестр репетировал новый марш, на который очень хорошо ложились слова:

— Лев вернулся!

— Не знаю, чем это кончится,— сказал на прощание Раду директор,— может быть, это плохо кончится. Но мы попробуем. Скажи спасибо Тому.

Рад улыбнулся. И лев тоже улыбнулся — его глаза посветлели, а зрачки стали крохотными, как булавочные головки.

Оркестр репетировал марш.

Рад и Кинг стояли в слабо освещенном проходе перед занавесом. Этот небольшой занавес отделял их от огромного, заполненного людьми цирка, от веселья и смеха, от музыки и разноцветных огней прожекторов. Но этот человеческий праздник как бы не касался тех, кто должен был выступать на арене. В океане праздни-

ка арена была круглым островом больших испытаний. Здесь испытывались ловкость, сила, выдержка, талант.

Для Рада же арена была тоже испытанием: сможет ли он убедить множество людей, что его друг Кинг не похож на тех львов, которых рисовало обычно воображение людей? А если это не удастся?

Неожиданно появился Малыш. Маленький акробат поднялся на носки и тихо, чтобы никто не слышал, сказал:

— Я был у него. Все будет в порядке. Он сказал: «Пусть меня прогонят из цирка, но я свое дело сделаю!» Он ждет сигнала.

— Спасибо, Малыш,— сказал Рад,— иди к своим, а то старик будет тебя ругать.

Старик Брагам и в самом деле был начеку. Он знал о дружбе своих питомцев со львом и зорко поглядывал, чтобы они не очень-то полагались на эту дружбу.

— Подальше, подальше от льва,— говорил он своим мальчикам, оттесняя их от Кинга.— Если одним из вас полакомится лев, распадется номер. А я слишком стар, чтобы начинать все сначала.

Мальчики пятились и снова возвращались. В красных облегающих трико они были похожи на таинственных телохранителей царя зверей.

К Раду подошел директор.

— Как ты, не трусишь? — спросил он.

— Не... трушу,— ответил Рад, хотя его познабливало от волнения.

Он не знал, что произойдет за этим занавесом. Может быть, зрителям не понравится Кинг, потому что он не будет прыгать через пылающий обруч, не будет рычать на укротителя и показывать любителям острых ощущений клыки. Люди увидят доброго льва.

Раздался смех. Рад вздрогнул. В проход арены вбежали два клоуна. Увидев льва, они остолбенели. И, прижавшись лопатками к стене, крадучись, прошли мимо.

И уже с манежа донеслось:

— Рад... Кинг... Удивительная дружба юноши и льва!

Рад набрал воздуха, словно собирался нырнуть. Занавес разлетелся в стороны, и свет цирка, сильный и радужный, ударил в глаза Раду.

— Прошу,— прозвучал рядом голос инспектора манежа.

Рад и Кинг взглянули друг на друга и пошли.

Манеж был обнесен большой круглой решеткой. Юноша и лев вышли на середину круга. И остановились. Цирк притих в ожидании головокружительного трюка. Но никакого трюка не последовало.

Рад заговорил:

— Товарищи, не бойтесь, это лев. У вас есть кошки, собаки, лошади. У меня есть лев. И он мой друг. Я его не дрессировал, не укрощал.

По цирку пронесся шумок. Рад продолжал:

— Наши предки приручили собак, кошек, буйволов. Есть люди, которые разрушают это дело. Когда человек выбрасывает из дома кошку, то она приносит диких котят. Их нельзя взять в руки. Они родились не с любовью к человеку, а с ненавистью... Почему непременно надо бояться льва? Потому, что он огромный? Потому, что у него клыки и когти? А если огромный, сильный зверь предлагает вам дружбу, протягивает вам

— Товарищи, не бойтесь, это лев!

свою тяжелую львиную лапу? Посмотрите ему в глаза. Сколько в них доброты и мужества! Он не разорвет меня на части. Он не тронет и вас...

И в это время произошло то, что не было предусмотрено ни директором, ни инспектором манежа. Большая круглая клетка вдруг легко отделилась от земли и медленно стала подниматься. Люди провожали ее глазами, пока она не исчезла под куполом. А потом они посмотрели на манеж и увидели Рада и Кинга. Они стояли, ничем не отделенные от зрителей. По цирку прошел затаенный ропот. Словно в тишине о берег ударила морская волна.

— Видите,— сказал Рад,— ни на кого не бросается. Никого не ест. Может быть, кто-нибудь из вас хочет подойти ко льву? Для этого не надо быть смелым. Надо только очень верить Кингу.

И тогда на арене появился маленький мальчик. Никто не заметил, как он поднялся со своего места, как сбежал вниз. Увидев мальчика, входящего на манеж, где сидел лев, люди ахнули — еще одна волна ударила о берег.

Кто-то крикнул:

— Спасите мальчика!

Рад посмотрел на маленького смельчака и вдруг тихо воскликнул:

— Ромка, родной! Откуда ты взялся?

— Мы все здесь! — сказал Ромка.— Приехали спасать Кинга.

Ромка без тени страха шагнул ко льву. И, когда он начал ласкать грозного зверя, страх у людей прошел. Он сменился каким-то замечательным, необъяснимым чувством радости, как будто здесь, на арене, совершилось удивительное открытие, от которого все люди стали выше и сильнее.

— Ромка! Молодцы, что приехали! — шептал Рад маленькому другу.

В это время ко льву направилась девочка. Это была Ева. Она не захотела уступить своему младшему брату.

Заиграла музыка. Тихая, похожая на колыбельную песню... И весь цирк, затаив дыхание, наблюдал, как двое маленьких ребятишек ласкали льва и как грозный зверь принимал их ласку.

Тогда один за другим стали подниматься все дети, какие были в цирке, и устремились вниз, к манежу. Дети первые поверили Кингу. Взрослые сдерживали их, но дети со всех рядов, изо всех проходов спешили ко льву, чтобы погладить его, потрогать, поиграть с ним.

И в то мгновение, когда уже десятки маленьких добровольцев были готовы выбежать на манеж, опустилась решетка. На этот раз, впервые в истории цирка, эта решетка оберегала не людей от зверя, а льва от зрителей. Ребята тесным кольцом окружили решетку. Как бы создали живую ограду, чтобы защитить льва от тех, кто не мог понять этого чуда — доброго льва.

Потом за кольцом детей образовалось кольцо взрослых.

Рад молчал. То, что сейчас происходило на арене цирка, было красноречивее слов. Дети играли со львом. А цирковые мальчики вдруг почувствовали себя просто мальчишками и, как на забор, влезли на решетку. Они были похожи на диковинных красных птиц, прилетевших из страны вечного лета. Они сидели на заборе и пели.

КОНЕЦ

ЕСТЬ КОМСОМОЛУ СМЕНА!

Музыка Михаила ПРОТАСОВА. Стихи Ефима ШКЛОВСКОГО.

Эй, пионерский ветер!
К дальним лети кострам.
Там, где страна зовется
Песенным словом БАМ.

ПРИПЕВ.

БАМ — это трасса юных.
Родина верит нам.
Завтра и мы откроем,
Завтра и мы откроем
Наш комсомольский БАМ.

Мы не дадим металлу
На пустырях ржаветь,
Будет он в рельсах БАМа
Песню стальную петь.

ПРИПЕВ.

Слышишь, играют горны...
Скоро наступит час —
Нам, молодым и смелым,
Тайны земля отдаст.

ПРИПЕВ.

Годы летят, как песня.
Время торопит нас.
Есть комсомолу смена —
Наш пионерский класс.

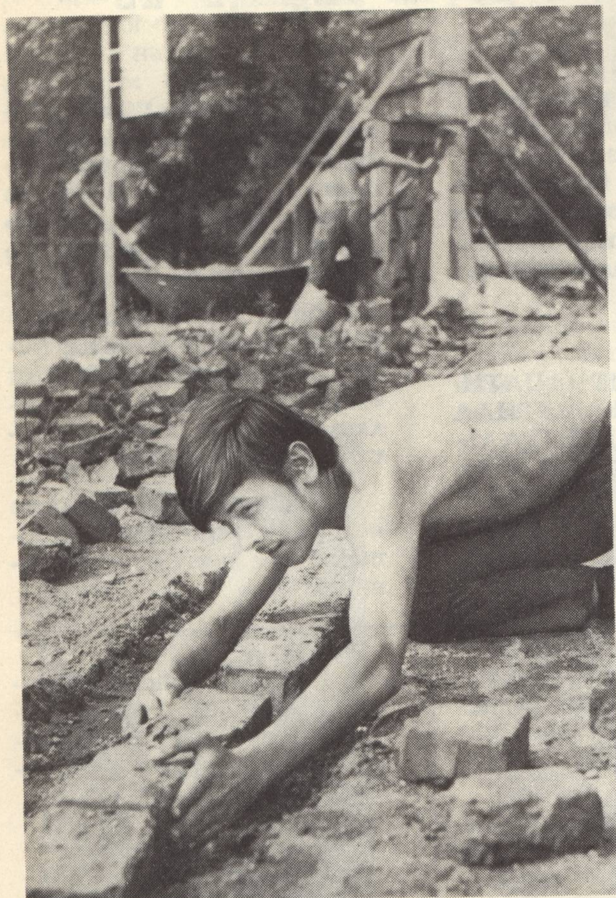
ПРИПЕВ:

БАМ — это трасса юных.
Родина верит нам.
Завтра и мы откроем,
Завтра и мы откроем
Наш комсомольский БАМ.

Призывно
Не спеша
Эй, пи-о-нерский ве-тер,
к дальним ле-ти кострам, там, где страна зо-вет-ся пе-сен-ным сло-вом БАМ
БАМ — э-то трас-са ю-ных. Ро-ди-на ве-рит нам —
завтра и мы откро-ем, зав-тра и мы от-кро-ем наш ком-со-моль-ский
БАМ. Зав-тра и мы от-кро-ем
наш ком-со-моль-ский
1. Для повторения.
БАМ.
2. На окончание
БАМ

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

ДЕСЯТЬ СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Вот такими мы уходим из школы. Умеем проводить сложные химические опыты, ремонтировать классы, строить новые дома. И еще неизвестно, что бы вышло, вызови старшеклассники на соревнование студенческий стройотряд...

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНКУРС

«САЛЮТ, ПОБЕДА!»

В мае 1975 года мы будем отмечать тридцатилетие нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Тридцать лет... Казалось бы, далеко в прошлое ушло то героическое время, когда Советская Армия с боями двигалась от Волги к берегам Одера, освобождая Европу от фашизма. Подрастают на этой земле миллионы мальчишек и девчонок, которые никогда не слышали взрывов снарядов и бомб. Но память о великом подвиге священна для каждого советского человека, когда бы он ни родился. Сегодняшние школьники знают и изучают историю Великой Отечественной войны, чтут память героев, из года в год идут путями боевой славы отцов...

В КАНУН ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ПОБЕДЫ ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНКУРС «САЛЮТ, ПОБЕДА!».

Абсолютный победитель конкурса, правильно ответивший на все вопросы, поедет в Потсдам (ГДР) на встречу юных военных историков, посвященную тридцатилетию Победы.

Ребята, приславшие хорошие, полные работы, будут награждены путевками в Артек на праздник «Салют, Победа!», который состоится летом 1975 года.

Итак, внимание, военные историки, красные следопыты, все читатели «Пионера»!

1. Когда начался штурм рейхстага и кто на нем водрузил знамя Победы?

2. На снимке — Москва, Красная площадь, парад Победы. Когда состоялся этот парад? Кто из военачальников принимал его и кто командовал парадом? Есть ли в твоем городе или селе участники парада Победы? Если есть, расскажи о них.

3. В годы Великой Отечественной войны многие воины были навечно зачислены в списки своих частей. Кто первым в Советской Армии был удостоен этой чести? Кого из воинов-комсомольцев, навечно зачисленных в списки своей части, ты знаешь?

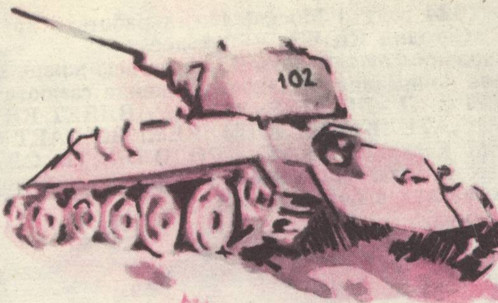
4. Почему высшим подвигом в Советской Армии считается спасение боевого знамени? Расскажи о подвигах советских воинов, связанных со спасением боевого знамени. Кого из пионеров-героев, совершивших этот подвиг, ты знаешь?

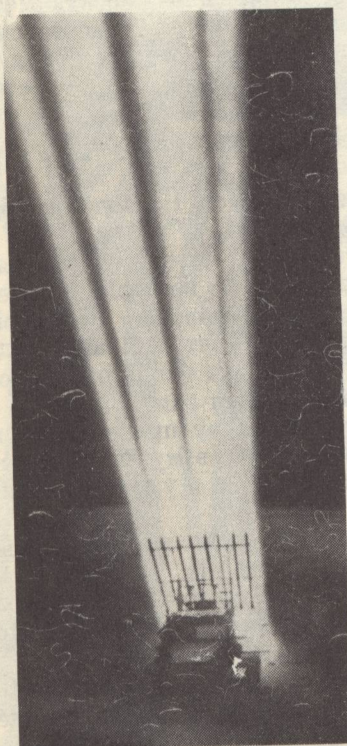

Григорий Васильевич Репкин живет в городе Вязники Владимирской области. Он строитель, уважаемый в городе человек, депутат горсовета. Григорий Васильевич награжден тремя орденами Славы, орденом боевого Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Он участвовал во взятии Варшавы и Щецина, освобождал Брест, форсировал реку Нарев, не раз брал пленных с переднего края обороны.

5. На снимке — Григорий Васильевич Репкин, полный кавалер ордена Славы. Когда в нашей стране был учрежден этот орден? Кто награждался орденом Славы? Кого мы называем полным кавалером ордена Славы? Кого ты знаешь среди своих земляков, награжденных этим боевым орденом?

6. Кто из советских космонавтов был участником Великой Отечественной войны, где сражался, какие получил награды? Кто из космонавтов был сыном полка?

7. Когда и где дали свой первый залп «катюши» — советские реактивные минометы?

8. Кто из советских летчиков и когда совершил первый в мире полет на самолете с реактивным двигателем? Кто конструктор машины?

9. Почему танк Т-34 считался в годы войны лучшим средним танком в мире? Назовите советские и зарубежные города, где как памятники героям-танкистам стоят эти машины. Если умеешь фотографировать, пришли снимки памятников воинам.

10. Какой военный корабль и за какой подвиг был первым на флоте удостоен гвардейского звания?

11. На этой марке — памятник советским воинам-освободителям, установленный в одном из европейских городов. Назови этот город.

ЗАДАНИЕ СЛЕДОПЫТАМ

Расспроси близких и знакомых, участвовавших в освобождении Польши, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Австрии, об интересных боевых эпизодах. Расскажи нам об одном из них.

В твоем распоряжении **четыре месяца. Ответы на вопросы конкурса присылай не позже 1 февраля 1975 года**. На конверте пометь **«Салют, Победа!». На конкурс**. Не забудь указать свой точный адрес, класс, имя и фамилию.

Итоги конкурса военных историков «Пионер» опубликует в майском номере 1975 года — в дни празднования тридцатилетия Победы.

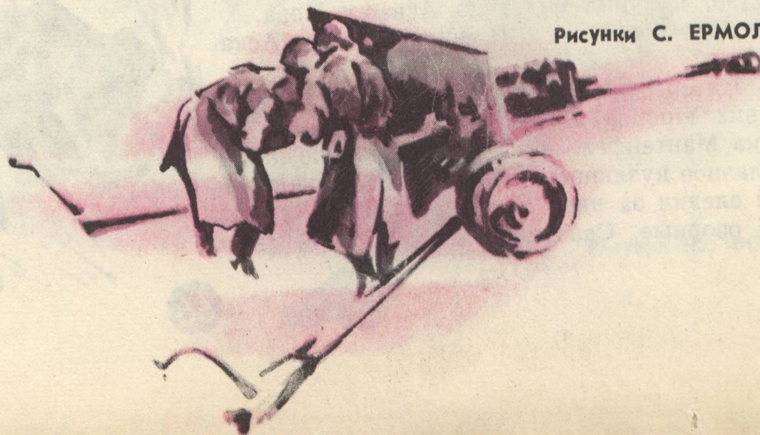
Особой премией будут отмечены **лучшие ответы на отдельные вопросы конкурса**. Поэтому не смущайся и присылай свою работу, даже если ты справился не со всеми вопросами. **Обращаем на это внимание ребят 4—5-х классов! Для старших обязательны ответы на все вопросы конкурса.**

Итак, за книги, газеты, журналы! Не стесняйтесь советоваться с учителями, вожатыми, библиотекарями, со всеми взрослыми. Не увлекайтесь письмами в музеи: ответ придет не скоро, сотрудники музеев очень загружены работой.

Эти книги помогут тебе подготовить правильные ответы:

«Великая Отечественная война Советского Союза». Москва, 1970 год.
«50 лет Вооруженных Сил СССР». Москва, 1968 год.
Г. К. Жуков. «Воспоминания и размышления». Москва, 1971 год.
К. К. Рокоссовский. «Солдатский долг». Москва, 1968 год.
В. И. Чуйков. «Гвардейцы Сталинграда идут на Запад». Москва, 1972 год.
В. М. Шатилов. «Знамя над рейхстагом». Москва, 1970 год.

Рисунки С. ЕРМОЛОВА.

В 1924 году в Москве начал работать кружок юных биологов зоопарка — КЮБЗ. Сегодня КЮБЗу — пятьдесят.

Скольким людям с детства и на всю жизнь привил КЮБЗ любовь к природе, глубокое понимание ее законов, умение самоотверженно защищать ее...

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» ПОЗДРАВЛЯЕТ КЮБЗОВЦЕВ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ! ЖЕЛАЕТ СЕГОДНЯШНИМ И ВСЕМ БУДУЩИМ КРУЖКОВЦАМ ПРОДОЛЖАТЬ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ КЮБЗА!

Сегодня мы расскажем о старых кюбзовцах — о тех, кто с кюбзовской скамьи шагнул в большую науку.

Н. НАДЕЖДИНА

СВИСТ ИВОЛГИ

Сегодня в Москве дождь. Но и гроза не остановила бы Костю Матвейкина. Сегодня в домике у пруда с лебедями решается его судьба: примут его или не примут в кружок юных биологов зоопарка...

За пятьдесят лет не один Костя, многие московские мальчишки и девчонки стучались в ту же дверь.

А однажды — в далекие тридцатые годы — к решетке зоопарка прижался носом пятнадцатилетний парнишка с котомкой за спиной. Закрыто. Долго ж тут спят! А ему охота взглянуть на зверей. Он прямо с вокзала, времени в обрез. Где бы найти лазейку? Шагая вдоль забора, мальчик добрался до конторы. Его поразила надпись: биологи... юные... Вот это да!

— Ты к кому? К профессору Мантейфелю, к дяде Пете, что ли?

Но мальчик, не отвечая, уже толкнул дверь.

Хижина Шуры Кузякина

— Значит, Кузякин Шура из Сибири. Как добирался? Зайцем?

Вопрос заместителя директора по научной части Петра Александровича Мантейфеля был не праздным. В 1930 году по стране еще много скиталось беспризорных ребят.

— Почему зайцем? По-честному. — Мальчик говорил на «о».

Откуда взял деньги? Загнал на толкучке барахло, которое по сиротству досталось в наследство, и купил билет до Аскании-Нова.

— Далеко собрался. И зачем тебе эта Аскания-Нова?

— Интересуюсь. Там разные звери. У меня про них книжка есть.

Пока Мантейфель листал потрепанную книжку, главное кузякинское богатство, Шура с тревогой следил за ним. Ишь, бороду отпустил, а глаза озорные. Сказали «профессор», а звать «дядя Петя». Поймет ли он мальчишескую мечту о стране невиданных зверей? Даже во сне Шуре снились антилопы, от которых сладко пахнет сеном, страусы, разгуливающие по степи...

— Малолетний. Без паспорта. Тебя в заповедник не примут.

— Там рядом овечий совхоз. Наймусь на год в пастухи. Не пропаду.

Теперь уже Мантейфель с интересом разглядывал сибирского ходока. Этот не пропадет. Деловой. Про совхоз узнал. Упорный. Из какой дали рванулся ради своей мечты! Правда, одного чтения книг, чтобы стать биологом, мало. Каких птиц и зверей он видел сам?

Но недаром в Тюмени Шуру привечали и в семье биологов Ларионовых и в музее краеведения. Он блеснул и знаниями и умением набивать тушки.

— Препаратор нам нужен. Может, останешься? Только жить тебе негде.

С пруда доносилось утиное кряканье. Шура задумался. Здесь тоже были птицы и звери. Но здесь еще и ребята, здесь КЮБЗ...

— Пожалуй, останусь. А жить я могу хоть в клетке, лишь бы в дождик за шиворот не текло.

Скамейку для Шуры поставили в комнате, одну половину которой занимал кабинет Мантейфеля, другую — кружок. «Хижина», как назвал Шура свой уголок, находилась в самом центре событий. Здесь слышался голос Мантейфеля: «Наблюдение должно быть тут же аккуратно записано в дневник. А то неизвестно, когда это было. Может, когда у бабушки распаялся самовар?»

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

На кузякинскую скамейку присаживались и юноши — кюбзовцы, ставшие студентами, и подростки — мальчишки и девчонки с боевыми шрамами от укусов лисят, обезьян, барсучат. И все они любили дядю Петю. Они были его руками, его помощниками в научных делах, начиная со знаменитого опыта с соболем. Впервые в неволе соболь принес потомство в зоопарке Москвы!

Сам увлеченный, Мантейфель и других заражал своей одержимостью. Великий придумщик учил ребят думать, вести самостоятельный поиск. И Шуру захлестнула страстная жажда знаний. Так и пошло: сперва «хижина», потом рабфак, потом вуз.

Сейчас профессор Александр Петрович Кузякин читает лекции студентам. В будущем и Костя Матвейкин может стать его учеником, а пока...

— Ты по каким поступаешь в КЮБЗ?

— По кошачьим, — тихо, но твердо отвечает Костя.

Днем эти кошачьи обычно спят, показывая публике спины. Эх, доверили б Косте подежурить в зоопарке в их охотничье время, ночью! В темноте засветятся зеленым кошачьи глаза и упругим, неслышным, размашистым шагом выйдет на разминку великолепный зверь...

Кто назвал тигра «украшением природы»? Тот, кто прошел по его следам тысячу километров, один из первых кюбзовцев — Лев Капланов.

Правда о тигре

Научные труды он читал запоем. Но в университет поступать не стал, выбрав свой особый трудный путь. Его университетами стала сибирская и дальневосточная тайга.

Чтоб заниматься наукой в таежной глуши, надо было иметь голову ученого, глаза следопыта, ноги путешественника, руки рабочего. Местные жители удивлялись на приезжего: москвич, а все умеет — выдолбить лодку из целой осины, избу срубить, лыжи смастерить, след тропить. Ходит по тайге как свой, без компаса, и не заблудится, знает лесные приметы.

Чаще, чем люди, его общество составляли животные. Лосихе Машке, как собака, ходившей за ним по тайге, он повесил на шею колокольчик. Отправил на выставку приученного к упряжке лосенка Петьку. Пусть люди знают, что сохатый может служить таежным конем!

Однажды в старой избушке Капланов обнаружил двухметрового полоза. Днем змея грелась на солнце на завалинке, ночевала на чердаке. Отстаивая свое право на жилплощадь, полоз угрожающе шипел. Пришлось помириться и жить вдвоем.

Летом кожу до крови разъедал гнус. Осенью все в избушке шуршало от нашествия мышей, они забирались даже в постель. Зимой в ведре замерзала вода, от звенящего дерева отскакивал топор.

В одну из зим Капланова застиг в тайге ранний снегопад. Уже которые сутки валил снег, суля голодную смерть всем своим пленникам — и кабанам, и оленям, и человеку. Капланов понял, что больше нельзя отсиживаться, бросил палатку и, с головой утопая в сугробах (лыж у него не было), стал, напрягая последние силы, пробиваться к жилью. Несколько дней продолжалось единоборство человека со стихией, и сила воли и любовь к жизни победили.

Так он жил, трудно и радостно, зная, что в своем одиночестве служит науке, людям. Жил, глубоко и нежно влюбленный в суровую тайгу, — поэтические строчки, посвященные природе, обычны в его письмах и стихах.

Особенно волновала таежного исследователя судьба амурского тигра. В письме Капланова к профессору А. Н. Формозову говорится о почетной задаче «сохранить дикого тигра на свободе в Сихотэ-Алине для грядущих поколений, как одно из величайших украшений природы». И вот Капланову поручают зимой 1939/40 года провести учет тигров Сихотэ-Алиня. Он счастлив, он «избранник судьбы».

Сорокадневный тигровый поход — подлинный подвиг молодого зоолога. Беспримерный поход. Капланов и его спутник Федор Козин, взяв минимум провизии, питались остатками добычи четвероногого хищника. Ночевали под открытым небом в сорокаградусный мороз. Было решено отказаться от палатки, бинокля, запасного белья — от многого необходимого, чтобы тяжесть груза за спиной не лишала подвижности. Ведь наблюдать надо было за зверем, прирожденным бродягой. Тигр проходил в день десятки километров, стирая лапы в кровь, по жесткому снегу.

И вот научная Москва услышала необычный доклад. На трибуну поднялся человек, который называл диких тигров по именам — Косолапый, Могучий, Скрытная, Маленькая. Все, что говорил докладчик о забавах тигрят, об аппетите, маршрутах, повадках тигра, он узнал не из книг. Он сам побывал в тех местах, где, лежа на снегу в позе сфинкса — задние лапы поджаты, передние вытянуты вперед, — озирает окрестность властелин тайги.

Капланов опровергал легенды о кровожадности тигра. Смелый до дерзости зверь нередко провожает человека, оставаясь невидимым, но, убедившись, что его не преследуют, уходит, не проявляя вражды. За последние десятилетия на Дальнем Востоке не было ни одного случая нападения тигра на человека. В тайге по соседству с тигром поголовье кабанов растет. Главные их враги — волки уступают охотничью тропу полосатому, а добыча тигра, как считал Капланов, всего лишь тридцать крупных животных в год.

Научная общественность Москвы горячо поддержала предложение Капланова об охране тигра. Это был его последний доклад.

Началась война. Еще подростком лишившийся глаза, Капланов не мог быть в армии. Он остался в тайге и погиб как боец на своем посту. Четыре пули выпустил по нему подлый браконьер.

Несколько лет назад правдивую запись о тиграх Сихотэ-Алиня, начатую еще до войны кюбзовцами Юрием Салминым и Львом Каплановым, продолжил кюбзовец Евгений Матюшкин. Снова в заповеднике был проведен учет тигров. В Москву были привезены снимки тигровых лежек, зарисовки следов на снегу и описано по следам поведение тигра.

Позы лежащего тигра различны в зависимости от того, спокоен он или настороржен. Правильно ли удалось расшифровать это на снимках? Для проверки молодой ученый пошел в зоопарк. По дорожке вели пони на круг для катания ребят. И Матюшкин заметил, как, заслышав цокот копыт, тигр в клетке насторожился, принял ту позу скрадывания, которую Капланов назвал «позой сфинкса».

Тигра в позе сфинкса увидит и Костя, если его примут в КЮБЗ. Пока что наблюдения Кости над хомяком Бешкой одобрены. Одно только замечание было у семиклассника Жени Ивницкого: не следует говорить: хомячок «думал», наукой это еще пока не доказано.

Потом Костю подвели к клетке с дроздом, на которой нарочно было написано «горлинка», чтобы проверить, разбираешься ли ты, кто есть кто. Потом показали силуэты птиц и спросили:

— Узнаешь, кто летит?

Птичьи позывные

Это повторялось каждый вечер. Днем птицы держались в море, там безопасней, в сумерки летели кормиться в степь.

Часа три продолжался вечерний пролет. Все небо крякало, шелестело, свистело, его заполонили крылья и голоса. «Кэ-кэ» — перекликались серые утки, «фью-фью» — повторяли самочки свиязи, «пиииск-пииикс» — высвистывали чирки-свистунки. Такой удивительной вечерней симфонии еще не слышал практикант Московского зоопарка Юрий Исаков, присланный в Ленкорань.

Здесь, на берегу Каспия, Юрий нашел свою главную тему, свою любовь в науке — водоплавающие птицы. Это гуси и утки — ценная промысловая дичь, и знаменитая краснозобая казарка, которая гнездится только в СССР, и красавцы белые лебеди, и розовые фламинго, и рыболовы-пеликаны — огромное дикое беспокойное птичье хозяйство, за которым надо наблюдать на воде, на земле и в небе.

Он начал с неба, с изучения пролетных путей. Как распознать невидимую воздушную дорогу, по которой два раза в год следуют стаи? Птичье крыло не оставляет в небе следа.

В двадцатые годы датчане предложили надевать на лапы птицам алюминиевые кольца с номером и названием страны. Надо было поймать или убить птицу, чтобы прочесть ее индекс. И слишком мало запущенных в небо колец возвращалось на землю в руки ученых.

Теперешний наблюдатель может в воздухе определить, кто летит и откуда летит. На шее у лебедей в бинокль заметен белый номер на широкой яркой ленте. Часто попадаются и крашеные птицы. А первым стал метить птиц краской научный сотрудник Дарвиновского заповедника Исаков. Сто двадцать писем он разослал в газеты с просьбой откликнуться всех, кто заметит желтую цаплю и ласточку с белым брюшком. Откликов пришло много, путь «желтых» цапель и «красных» ласточек удалось прочертить на карте.

В разных широтах живут серые гуси, и у каждой группы своя путевка на зиму. Что определяет гусиный маршрут? Мантейфель наверняка был бы доволен опытом своего ученика: Исаков перевез на север яйца южного астраханского гуся. Вылупившиеся птенцы совершили свой первый круг по рыбинской воде. Через два года подросшие птицы в строю северной стаи, чье подданство они приняли, полетели на зимовку на север Западной Европы, в Германию — в то время как их родители, южные гуси, вековым путем предков отправились в Иран.

Немногим короче птичьих были дороги самого Исакова: Туркмения, Крайний Север, Поволжье, Дальний Восток, Прибалтика, Москва. Он руководил составлением карты птичьих зимовок. Настоял на ежегодном учете пернатых зимовщиков. Подсчеты показали, что на зи-

мовках большие потери. С этим нельзя было мириться: дикие птицы — одно из богатств страны.

Что же случилось? Привычка птиц к месту зимовки не изменилась, изменился облик земли. Возле водоемов, где зимуют птицы, увеличились площади, занятые хлопком, чаем. Если на рисовых плантациях и на пшеничных озимях гуси могут пастись, то на хлопковом поле им есть нечего, чайным листом зоб не набьешь.

Кто обеспечит стол и дом птицам, которые не знают границ? Наши серые гуси зимуют в Алжире, в Иране, в Индии, белые гуси и утки-шилохвости — в Калифорнии. Одной Европе без государств Азии, Африки, Америки птиц не сохранить.

Об этом говорил доктор биологических наук Юрий Андреевич Исаков на научных конференциях в Ленинграде, в Гааге, в летней резиденции иранского шаха в Рамсаре. Ученые подготовили материалы для заключения международной конвенции.

Ее участники — двенадцать стран — обязуются охранять птиц и их водные угодья или предоставлять новые водоемы взамен. Конвенцию уже подписали Советское правительство и правительства Ирана, Великобритании, Финляндии.

Это известие — радость для всех, кто любит природу, и особенно для ученого, который посвятил свою жизнь тому, чтоб не смолкали в небе птичьи позывные, чтоб их слышали все новые и новые поколения, как слышал он юношей, стоя на морском берегу.

А Костины испытания еще не кончились.

— С какого конца белка начинает грызть шишку?

— Чем кроличий хвост отличается от заячьего хвоста?

Да может ли один человек все знать? И почему не вмешаются руководители кружка Евгений Васильевич и Елена Константиновна? Таков обычай КЮБЗа: ребята сами решают, кого они примут в свое братство, в свою семью.

Первый олень

Пока самолет летел над Камчаткой, Леонид Баскин успел разглядеть внизу, на земле, множество темных точек. Очень хорошо! К записям, которые он вел три года, работая в оленеводческом совхозе, прибавится новый рисунок: схема оленьего стада, каким оно видится с высоты.

Баскин увозил в Москву множество записей. О жизни оленя с первых дней его жизни. О поведении олененка, который при затемнении инстинктивно поднимает голову. Ведь когда он ищет вымя, подлезая под брюхо матери, тень ее тела падает ему в глаза.

Олененок изо всех сил старается поспеть за матерью. Если он отстанет, мать его бросит и последует за стадом: куда другие олени — туда и она. Стадный инстинкт сильней материнского.

Что же находит в стаде олень? Защиту. В зубы волкам попадется только тот, кто отделился

от стада. В глубь стада не проникает ни волк, ни гнус. Сбившееся в клубок стадо защищается от гнуса живым заслоном из оленей передних пяти рядов. Только они мучаются от укусов. И когда им становится невтерпеж, они пробиваются в глубь стада, выталкивая себе на смену других.

Лес рогов. Волны спин. Все вроде одинаковы. Но для глаза пастуха стадо не безлико. Он может отличить каждого десятого оленя.

Управлять стадом — искусство. Сдерживать скорость, оберегая молодняк, изменять направление движения, выделив оленя, за которым другие последуют, как за вожаком, — все это во власти пастуха.

За ночь двухтысячное стадо разбрелось на десяток километров. Собрать его — задача вроде той, которая задавалась Гансу из сказки Андерсена. Ганс играл на волшебной дудочке, у пастухов Камчатки своя волшебная дудочка — вековой народный опыт. Зная, что олень всегда идет носом к ветру и вверх по склону, камчадалы соберут стадо за четыре часа.

Пассажиры в самолете уже спали. Баскину не спалось. Он опишет опыт камчадалов. Но наука должна еще помочь им. И не только им. Законы стада едины для оленя, для яка, для овцы. Надо вместе с оленеводами Севера, с погонщиками яков Таджикистана, с пастухами овечьих отар Киргизии искать самые современные способы управления животными. Сколько важных и интересных дел впереди!

Он счастлив, что стал зоологом, а выбрал он эту профессию потому... Баскину отчетливо представилась фигура одинокого оленя, звезда на фоне вечернего неба, словно запутавшаяся в рогах. Его первый олень. С него, в зоопарке Москвы, все и началось...

Война осиротила многие семьи. Пришло горе и в дом на Красной Пресне, в семью Баскиных. Отец Лени погиб на фронте, преждевременно скончалась мать. Мальчику было нестерпимо оставаться дома, где он натыкался на вещи, которых касались папины руки, где в шкафу висело платье, которое носила мама.

Что ему делать? Шататься по улицам? Както Леня заглянул в зоопарк. Там возле клеток возились ребята. Там было интересно. И Леня поступил в КЮБЗ.

Он даже ночевал порой в зоопарке, зарывшись в стог сена. Утром к нему подойдет его подшефный олень, дохнет теплом.

Но самым дорогим было тепло ребячьей дружбы. Как раньше Шуре Кузякину, так и Лене Баскину кружок тогда заменил семью. В этой семье не было белоручек, брезгающих грязной работой. Все были равны и гордились своей самостоятельностью. Попробуй предложить девчонке понести ее рюкзак, ничего не выйдет — она не кисейная барышня, она кюбзовка и все делает сама!

В этой семье не забывали о тех, кого уже не было в живых. Примером смелости и мужества был Капланов. Мальчишки мечтали о зимних экспедициях, с ночевками по-каплановски у костра, на снегу. Примером наблюдательности служил Вадим Раевский. Очень трудно обнаружить в тайге гнездо соболя, а Раевскому было известно с десяток гнезд.

В подмосковные поездки ездили всем гуртом. Хлеб, колбаса, яйца, пряники — все, что ребята приносили из дома, — в общий котел. Делились всем: и хлебом, и лакомством, и знаниями. Баскину вспомнилась одна весенняя поездка. В лесу обычно разбивались на пары — чем меньше шума, тем лучше наблюдать. А на вечернем сборе рассказы, кто кого видел. Он, Леня, рассказал тогда про дрозда, Женя Матюшкин — про пеночку, Саша Агаджанян — про след барсука. И получилось, что все как бы своими глазами и дрозда, и пеночку, и барсучий след видели. Саша сказал: «Вот она, какая, наша кюбзовская весна!»

Вожаком подмосковных поездок был кто-нибудь из старших кюбзовцев. Одно время — Миша Распопов, погибший на войне, в пятидесятые годы — студент Эрик Ивантер. Он преподавал Лене Баскину и его товарищам лесную науку, учил их, по выражению Саши, «видеть мозгами».

Все удлинялись ребячьи дороги. Четырнадцатилетнего Сашу Агаджаняна взяла с собой на Алтай руководитель взрослой экспедиции Евгения Васильевна Карасева, теперь доктор биологических наук. Она сказала, что платит свой долг КЮБЗу, который ее вырастил.

Они все в долгу перед КЮБЗом. И он, Леонид Баскин, и его друзья. В Москве они встретятся. И в этот раз, как всегда, он позвонит Саше по телефону, и тот без слов поймет, что его зовет друг, услышав в трубке свист иволги.

Так свистел в лесу Мантейфель, подзывая сына Борю или кого-нибудь из ребят. Натуралисты в лесу не кричат, а разговаривают поптичьи. С тех пор свист иволги стал позывными кюбзовцев: тебя зовет друг!

И где бы этот свист ни раздавался — в лесу, в поле, на улице, — и кто бы из кюбзовцев его ни услышал, он отзовется. И профессор Калабухов, и международный эксперт по медицинской зоологии Кучерук, и доктор биологических наук Дунаева, и старший научный сотрудник Московского университета Осмоловская, и детская писательница Чаплина, и молодые биологи Лещева и Цветков... А теперь на свист иволги будет отзываться и Костя. Председательствующий Женя пожал ему руку и сказал:

— Поздравляю. Ты принят в КЮБЗ.

РАДИО-ВРАЛИ

«Дорогая редакция! Недавно на день рождения папа подарил мне транзисторный приемник. Я весь вечер слушал его и вдруг услышал какой-то странный монотонный голос, а потом музыку. Это была радиостанция «Свобода». Расскажите об этой радиостанции».

Андрей **КАЛЕЦКИЙ.** г. Москва

Да, Андрюша, ты услышал голос чужой радиостанции. Таких радиостанций много. У них разные названия: «Голос Америки», «Би-би-си» «Немецкая волна», «Свободная Европа», «Свобода». Эти радиостанции находятся в капиталистических странах и свои передачи ведут на русском языке: хотят, чтобы их слушали советские люди.

Появились эти радиостанции в конце сороковых годов, после войны. В то время враги социализма в буржуазных странах начали против СССР и других социалистических стран «холодную войну». Они угрожали им, пытались убедить их отказаться от строительства новой жизни.

С тех пор прошло много лет.

Благодаря усилиям Советского Союза и социалистических стран стали таять льды «холодной войны». Крепнут и развиваются связи Советского Союза с другими странами. Только эти радиостанции не изменили своих передач, они продолжают клеветать на нашу Родину.

Радиостанция, которую ты услышал, называется «Свобода». Это дорогое для всех честных людей название выбрано для того, чтобы обмануть слушателей. Радиостанция эта находится в Мюнхене. Среди ее сотрудников работают и изменники нашей Родины, в прошлом сотрудничавшие с фашистами. Они боятся назвать свои настоящие имена и выступают под вымышленными именами и фамилиями. Клевещут на Советский Союз они не в открытую. Чтобы привлечь молодежь, они рассказывают о новостях науки, искусства, спорта, о событиях в мире, передают выступления популярных на Западе эстрадных ансамблей, но, главное, врут, клевещут, ссылаясь якобы на «достоверные источники». Правда, не зная хорошо нашей жизни,

ИЗ МЮНХЕНА

И. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

они частенько попадают впросак. Так, например, однажды они сообщили, что участникам праздничных демонстраций у нас платят деньги. Ты сам понимаешь, Андрей, кто у нас поверит в это?

Сотрудники радиостанции и сами порой признаются, что они намеренно врут.

— Кто нам верит? Неужели есть человек, верящий нашим передачам? Если есть, то он дурак, а дураков жалеть нечего! — так заявил один из них.

Есть еще одна радиостанция — «Свободная Европа». Она тоже ведет передачи против нас и других социалистических стран.

Капитан польской разведки Анджей Чехович шесть лет по заданию органов безопасности Польской Народной Республики проработал в редакции этой радиостанции.

— Смысл работы радиостанции,— рассказывал Чехович,— в том, чтобы внушить нам мысль о будто бы райской жизни в капиталистических странах. Там, мол, все великолепно, а у нас, наоборот, плохо.

Радиостанция без устали твердит о том, как хорошо живется при капитализме: молодежь там ведет себя, как хочет, одевается, как хочет,— ей предоставлена полная свобода! Но даже не упоминается, как трудно найти молодежи работу, как стоят в очереди на бирже сотни безработных, как многие твои ровесники голодают, не могут учиться— это им не по карману, и как часто кончают жизнь самоубийством или гибнут от алкоголя и наркотиков.

Посмотри на эту фотографию маленькой девочки Су-Инь с острова Тайвань. Девочке два года. Ее подобрали на улице с запиской старшего брата. «Позаботьтесь о моей сестре! Наши родители умерли, и мне нечем накормить сестру». Такие истории радиостанция «Свобода» предпочитает не рассказывать.

Эти лживые радиостанции часто обращаются с просьбой писать им, но, конечно, кому захочется переписываться с клеветниками? Тогда они передают письма-фальшивки, будто бы присланные из Советского Союза. Бывшая сотрудница радиостанции «Свободная Европа» Галина Олейник рассказывала, что на самом деле эти письма придумываются «специалистами по Советскому Союзу», чтобы подтвердить, что в СССР их радиостанцию действительно слушают.

Радиостанция «Свобода» тратит много денег, чтобы обмануть своих слушателей, но ей мало кто верит.

Врали тоже бывают разные. Помнишь барона Мюнхаузена? Его остроумные выдумки вызывают улыбку. Лгуны из Мюнхена вызывают у всех честных людей отвращение.

Океанская крейсерская яхта — участница кругосветной гонки 1973—1974 годов.

роход «Грейт Уэстерн». Он преодолевал расстояние от Нью-Йорка до Бристоля за двенадцать с половиной суток — вдвое быстрее, чем обычный парусник. Корабль этот производил странное впечатление — длинные высокие трубы, мачты с парусами и огромные колеса по бортам. Нелепое, шумное, нещадно дымящее сооружение! Однако высокая скорость и независимость от погоды убеждали, что будущее за пароходами.

Да, скорость и надежность железных судов, казалось бы, наносили смертельный удар по парусному флоту. Но гордые и величественные бриги, барки и бригантины не хотели уходить с синих просторов океанов. И они дали бой шумным и неуклюжим пароходам. И начался этот бой со спуска на воду маленького двухмачтового парусника — «Скоттиш мейд». Резко удлиненный корпус и огромная площадь парусов — вот что давало ему невиданную для парусников скорость.

Появление «Скоттиш мейд» было началом эры знаменитых клиперов. Элегантность и быстроходность этих парусников вызывали всеобщее восхищение. Знаменитый клипер «Твид», сделанный из тикового дерева, однажды на полтора дня обогнал почтовый пароход, шедший из Гонконга в Сингапур! А клипер «Лайтнинг» пересекал Атлантику за тринадцать-четырнадцать суток! Скорость его временами доходила до восемнадцати узлов! Он шел быстрее современных грузовых судов: в те годы скорость пароходов не превышала восьми-девяти узлов...

Георгий **ПОЛЬСКОЙ**

Паруса над океаном

«Парусный флот — дворянство морей, высшая знать океана».

Юхан **СМУУЛ.**

Не так давно, 8 сентября 1973 года, в Англии был дан старт гонке океанских крейсерских яхт вокруг света. Из Портсмута яхты взяли курс на Кейптаун, Сидней, затем, обогнув мыс Горн, дошли до Рио-де-Жанейро и финишировали в Портсмуте. Ничего подобного по протяженности и по трудности гонки в истории спорта еще не было.

И сразу же гонку окрестили «клиперной регатой»: быстроходные яхты наших дней во многом повторяли путь чайных клиперов прошлого века.

Перевернем же пожелтевшие страницы истории. Познакомимся хотя бы вкратце с удивительной и романтичной историей клиперов, с их знаменитыми гонками.

...Ранней весной 1839 года шотландские корабелы спустили на воду небольшой двухмачтовый парусник «Скоттиш мейд». Событие это поначалу не привлекло особого внимания: в ту пору все только и говорили что о паровых судах.

Уже второй год по Атлантике между Европой и Азией курсировал гигантский по тем временам пароход «Грейт Уэстерн»...

Представьте себе клипер с огромными белоснежными крыльями-парусами, вбирающими капризную силу ветра, с низким изящным корпусом и острым носом. Клипер мчится бесшумно, и кажется, что он такая же неотъемлемая часть природы, как море, и берег, и небо. Нет между ними чужеродной пыхтящей машины, исторгающей отвратительный дым и как бы вопреки законам моря двигающей пароход против ветра...

Конечно, управлять быстроходным клипером — мачты его с огромными парусами поднимаются на сорок пять — пятьдесят метров! — очень трудно. Тем более что клиперы, как правило, ходили на скоростных рейсах, и их капитаны, полагаясь на крепость мачт и выучку команды, не избегали штормов. Поистине необыкновенное искусство требовалось, чтобы провести хрупкий корабль, увенчанный парусами, в ревущих сороковых широтах. А клиперы ходили и там! И их капитаны пользовались осо-

бым почетом у моряков. А в годы знаменитых гонок чайных клиперов имена этих морских волков стали легендарными. Этот период по праву называют лебединой песней парусного флота...

Когда в шестидесятых годах прошлого века в среде английской буржуазии появилась мода пить по вечерам китайский чай, спрос на него резко вырос. Торговцы готовы были идти на любые расходы, чтобы доставить чай в лондонские магазины раньше других. Кто же мог быстро доставить чай из китайского порта Фучжоу в Лондон? Конечно, клиперы! И в мае, когда созревал чай, в порту Фучжоу ждали погрузки десятки быстроходных клиперов.

А тем временем в Англии да и во всей Европе газеты на все лады обсуждали шансы участников предстоящего перехода, заключались пари. Ажиотаж особенно возрастал в конце августа — начале сентября, когда клиперы, проделав путь почти в тридцать тысяч километров, приближались к берегам Англии. Трудно было найти в эти дни человека, который не был бы вовлечен в водоворот страстей, кипевших вокруг гонок. Доставка чая ежегодно превращалась в спортивное состязание. Не было тогда ни радио, ни тем более телевидения, но каким-то непостижимым образом всем становилось известно, кто из капитанов первым прошел остров Уайт у побережья Англии.

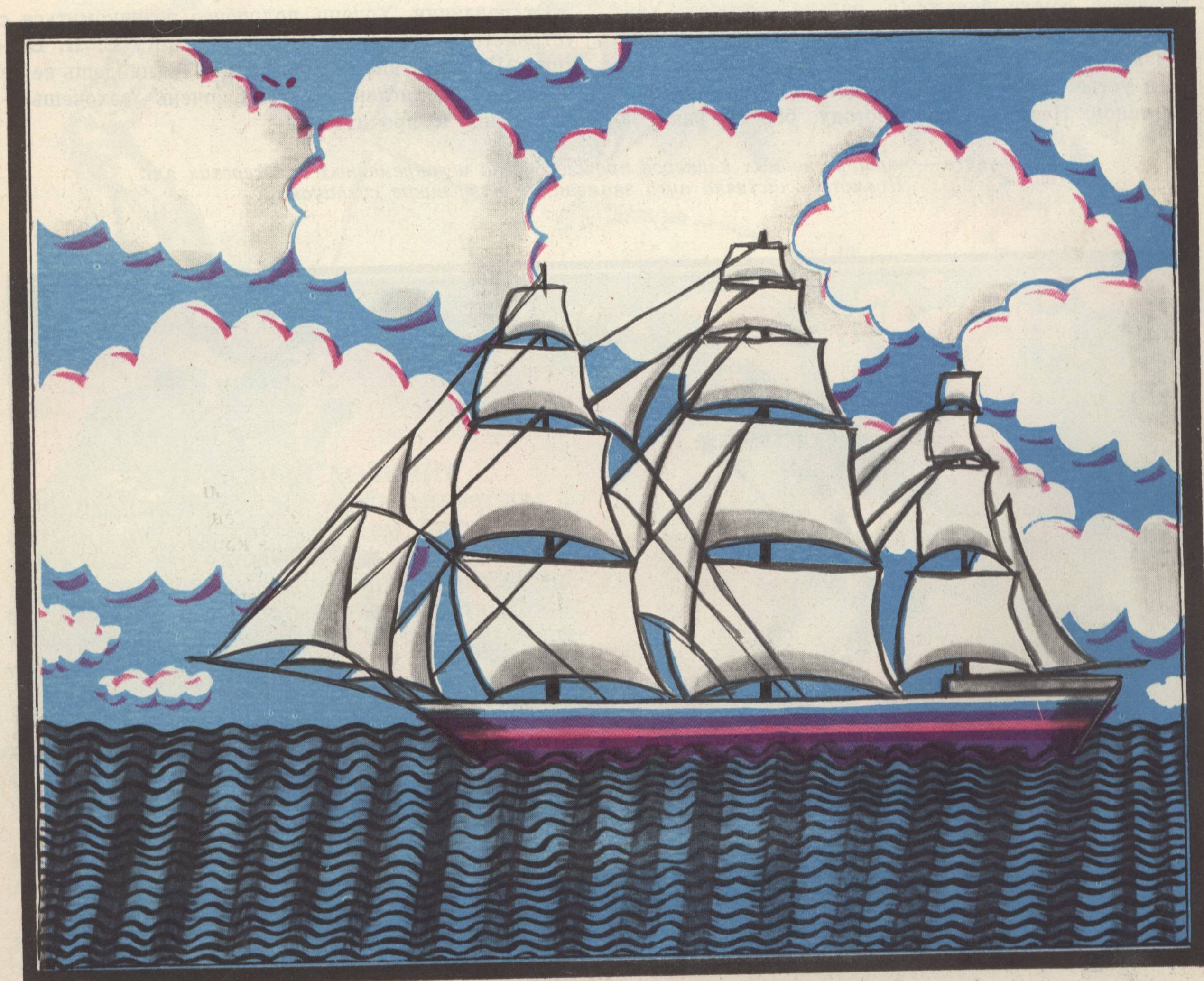
Особенно памятной была гонка 1866 года. В ней участвовали девять самых быстроходных клиперов. Среди них — знаменитый «Тайпин», год назад преодолевший расстояние от Фучжоу до Лондона за сто одни сутки. Такого результата не добивался еще ни один корабль!..

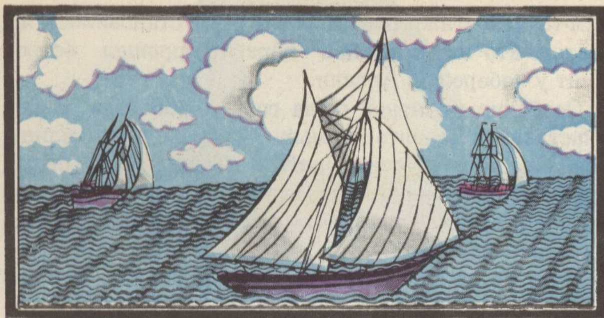
На этот раз впереди шли пять клиперов. Первым мыса Доброй Надежды достиг «Файери Кросс». Остальные шли тесной группой следом за ним. Обогнув Африку, клиперы устремились на север.

«Тайпин» вышел из Фучжоу последним и тем не менее догнал остальные клиперы и у экватора поравнялся с «Файери Кросс». Некоторое время оба корабля мчались почти рядом, но у Канарских островов «Тайпин» вышел вперед.

Казалось бы, победа за капитаном легендарного клипера. Но недаром в этих гонках принимали участие только самые опытные моряки! Капитан клипера «Ариель» — он шел третьим — неожиданно делает странный маневр — уходит в сторону от маршрута, по которому мчались остальные клиперы. Он решил рискнуть в надежде «поймать» благоприят-

Рисунки Т. ГНИСЮК.

ный ветер на другом, более длинном курсе. И это ему удалось. И вот уже «Ариель» ведет гонку...

Но «Тайпин» не сдается. Поднялся шторм. Обычно капитаны уменьшают площадь парусов («берут рифы»), чтобы не рисковать мачтами и кораблем. Однако на то они и капитаны клиперов, чтобы не бояться шторма и свирепого ветра! И вот на высоченные мачты летящих по волнам кораблей взбираются матросы и под свист ветра и зловещий скрип рангоута ставят новые паруса...

Позади уже около ста дней непрерывной гонки, огромное напряжение и бессонные ночи. Из последних сил матросы старались быстро выполнить очередную команду — ведь цель гонки уже близка.

И вот серым утром 5 сентября сквозь кисею моросящего дождя береговая охрана острова Уайт увидела идущие на всех парусах, как привидения, два клипера. Это были «Тайпин» и «Ариель». Войдя в устье Темзы, они одновременно взяли на борт лоцманов. Несмотря на непогоду, берега реки заполнили толпы лондонцев. Волнение охватило всех — к двум лидерам приближался клипер «Серика». Этот парусник сделал, казалось бы, невозможное — его капитану удалось каким-то чудом «съесть» те четыре часа, что отделяли его от лидеров.

Фантастическая гонка закончилась под восторженные крики лондонцев. Первым пришел «Тайпин», вторым «Ариель», третьим «Серика». Все они преодолели гигантскую трассу от Фучжоу до Лондона за невиданно короткий срок — девяносто девять суток! «Файери Кросс» и «Тайцзин» покрыли это расстояние за сто одни сутки.

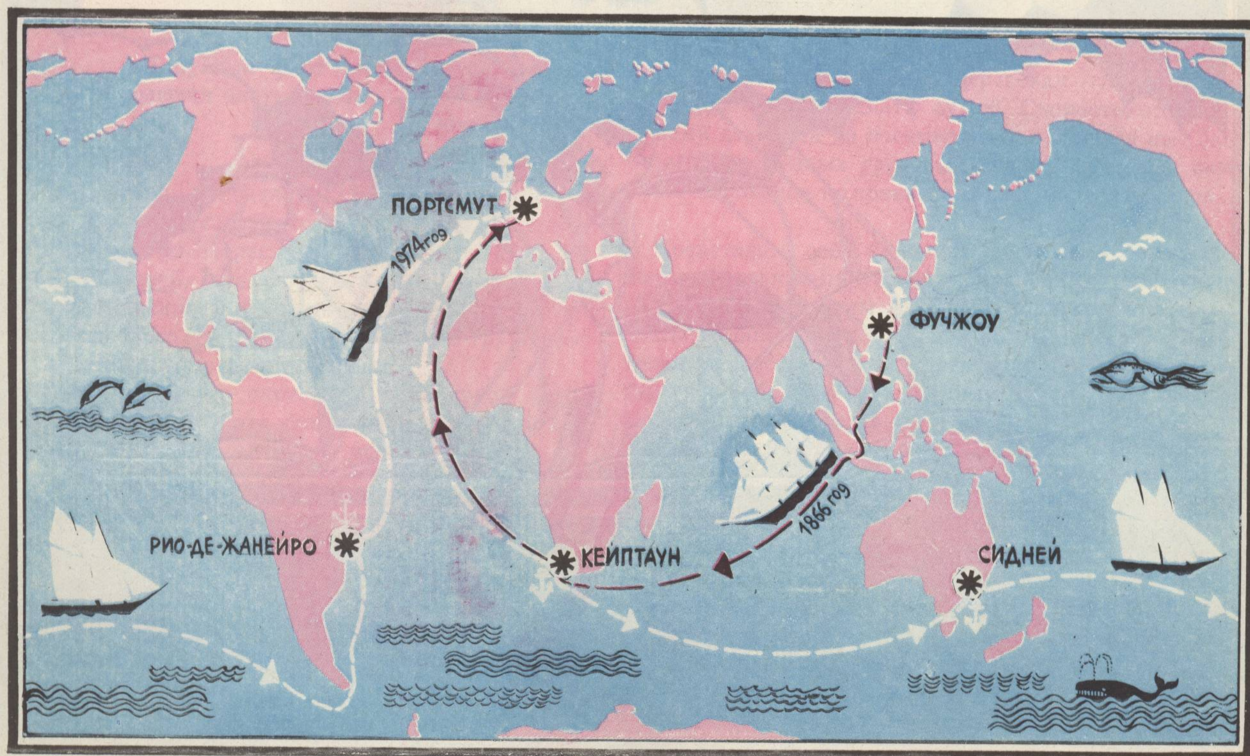
Дальнейшая судьба клиперов была печальной. Все более совершенными становились паровые суда. В 1869 году был открыт Суэцкий канал, сокративший путь из Европы в Азию, но непригодный для парусников: он был слишком узок для них... Постепенно услугами клиперов перестали пользоваться.

И все же память о них сохранилась не только в истории мореплавания. Прошло более ста лет, и вот мы вновь вспомнили о славных походах клиперов. Гигантская регата 1973—1974 годов стала данью уважения к замечательным морякам-спортсменам прошлого века.

И вновь на океанских просторах гордо несутся парусники, жадно впитывая животворную силу голубых ветров...

От редакции. Хочешь подробнее познакомиться с устройством клиперов? Прочитай книгу **С. И. Белкина «Путешествие по кораблям».** Ты найдешь ее не во всякой библиотеке, но если очень захочешь — достанешь и прочитаешь!

На карте — маршрут чайных клиперов прошлого века и современных крейсерских яхт. Посмотри, частично пути знаменитых парусников совпадают.

ПОИГРАЕМ?

Собрались во дворе ребята. Стоят и думают, во что бы такое поиграть.

— Казаки - разбойники, — предлагает один.

— Надоело!

— Тогда в салки...

— Да ну их, каждый день играем.

— Может, в прятки? — нерешительно предлагает третий...

...Услышали мы этот разговор и решили предложить всем нашим читателям такие игры.

НЕ ТАК-ТО ПРОСТО!

Нарисуем на земле линию ворот. Вдоль этой линии можно поставить разноцветные флажки.

Сколько человек будет играть? Десять? Очень хорошо. Разделимся на две команды.

Мяч — в центре поля. Прыгаем на обеих ногах и стараемся забить мяч в ворота. Это не так-то просто!

Ну-ка! Чья команда забьет больше мячей в чужие ворота?

КТО САМЫЙ ЛОВКИЙ?

Чертим на земле два круга диаметром до метра. В центре круга кладем биту, шайбу или кубик, что окажется под руками. Постарайтесь палкой или деревянным мечом выбить их из круга противника. Играть можно вдвоем и двумя командами из четырех — шести человек.

ВОДОНОСЫ

Две команды по пять человек выстраиваются на старте так, как показано на рисунке. У каждой команды ведерко с водой. Финиш обозначен красным флажком.

Первый бежит к финишу и возвращается назад — на старт и передает ведерко следующему по команде игроку, и так далее.

Побеждает та команда, последний игрок которой возвратится на старт раньше и при этом прольет меньше воды.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

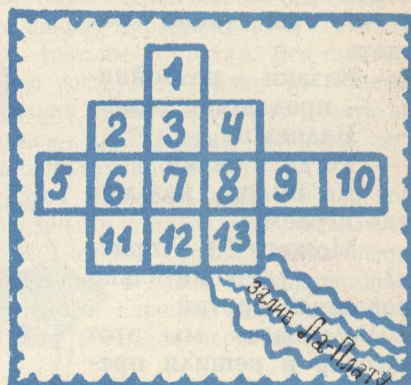
Поймайте акулу!

Опасная акула-молот появилась у берегов Панамы.

Боишься? Дрожишь?
Страшновато?
Смелее! Не надо робеть!
Акуле в заливе Ла-Плата
Расставлена прочная сеть!

Снасти для ее поимки — в Уругвае. Твоя задача — загнать акулу в тринадцатый квадрат. Как всегда, передвигая марки, помните: рядом должны быть марки, выпущенные граничащими между собой странами.

НОМЕРА МАРОК: 1. Панама. 3. Колумбия. 4. Венесуэла. 6. Перу. 8. Бразилия. 11. Боливия. 13. Уругвай.

Внуки БАРМАЛЕЯ

У Бармалея восемь внуков,
Он подарил им восемь луков.
А у тебя остер ли глаз?
Надеюсь, ты стрелок умелый
И скажешь мне, какие стрелы
Вонзятся в черный ананас?

Живживка.

ЁЖИК ИЛИ

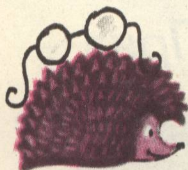
Ежи коричневого цвета
Поют и пляшут до рассвета.
Ежи свинцово-серой масти
Не мастера по этой части.
Задор и пыл танцорам нужен,
Они морковь едят на ужин.
Тот, кто на ужин ест
морковку,
«Два» не получит за диктовку.

Диктовку не напишет
скверно,
Кто прочитал всего Жюль
Верна.

Еж Или, сев на корень ели,
Рассказывал о Паганеле,
Друзья рассказчика хвалили...
Какого цвета ежик Или?

Кто это? Что это?

Этот автор спит в портфеле.

АВТОР

Этот пони — день недели.

ПО НИ

Этот плот из полотна.

П ЛОТ

Этот рак сильней слона.

РАК

Эта марка ест бананы.

МАР КА

Этот сыр с лесной поляны.

СЫР

В этой почке нить накала.

ПОЧКА

Эта почка из металла.

ПОЧКА

Эта пика не остра.

ПИ КА

(Это ключик от костра).

Дед Буквоед.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Живживкин квадрат
К наименьшему числу в квадрате прибавьте восемь и умножьте на девять, и вы узнаете, чему равна сумма чисел.
Делия летит к лотосу
Таиланд надо перевести на № 4, а Камбоджу на № 3. Решающие ходы: Камбоджа — 6. Таиланд — 7, 12. Вьетнам — 5, 4, 3, 2.
Где и когда?
Дуэль происходила во французском городе Гавре в 1657 году.
Живживка благодарит всех ребят, приславших модели слонов.

??????

Нетрудное задание,
Но все же дело тонкое:
Придумайте название
Веселое и звонкое.

Подписка на журнал «Пионер» продолжается!
В любом отделении связи ты можешь выписать журнал для себя, для своего звена или для всего отряда.
И тогда в 1975 году тебя снова ждут рассказы и стихотворения, которые печатает «Пионер», новые песни, загадки, встречи с Пешкиным и Тремя Неизвестными...
Не теряй времени!

СОДЕРЖАНИЕ

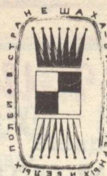
Главный редактор С. А. ФУРИН.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29/VIII 1974 г. А 00844. Подписано к печати 2/IX 1974 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 2211. Заказ № 2565.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Приз «Пионера» в Тбилиси

Финальный турнир команд пионерских дружин на приз клуба «Белая ладья» в этом году проходил в белорусском городе Могилеве. Там были подведены итоги соревнований юных любителей шахмат, проходивших по всей нашей стране. В них участвовал почти миллион рыцарей шахмат.

На финальный турнир прибыли лучшие команды из всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. Кроме того, к участию в нем были допущены команды 24-й могилевской школы (хозяева

Оля Лопатина из 24-й Могилевской школы установила рекорд — она выиграла все партии.

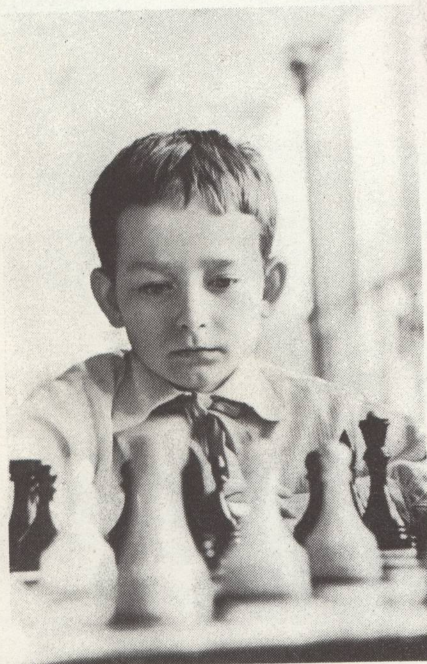

поля) и 70-й челябинской. Челябинцы в этом году отличились: в турнирах «Белая ладья» играли **сорок тысяч** ребят. Внушительная цифра!

В Могилев прибыли помериться силами сто сильнейших. У двадцати пяти из них первый спортивный разряд, почти у всех остальных — второй.

Первое место заслуженно заняла команда тбилисской экспериментальной школы № 1 (Георгий Хомерики, Игорь Кузьмин, Аркадий Толурия, Бадри Горозия и Тамара Эбаноидзе). Она награждена переходящим призом «Пионера». В прошлом году он совершил путешествие в Новосибирск, в 130-ю школу, а теперь отправился в Тбилиси.

На второе место вышла команда литовского города Плунге. Это очень дружная команда, о ней мы уже писали в прошлом году. И

Третьеклассник Валерик **Салов** *стал перворазрядником.*

сейчас ребята показали себя молодцами.

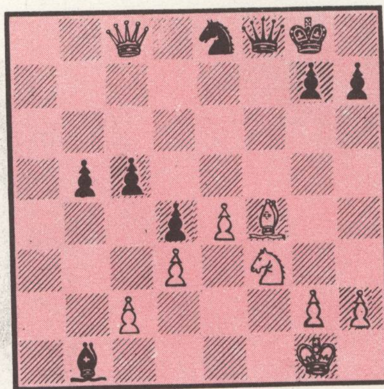
Третьей стала команда школы № 1 города Риги. Обычно команды состоят из четырех мальчиков и одной девочки, а у рижан в команде три девочки и два мальчика.

Хорошо играли латышские школьницы Анда Шафранская, Сандра Геште и Майя Ридерере. Они уверенно вывели свою команду на одно из призовых мест.

Многие ребята повысили свои спортивные разряды, а самый младший участник финального турнира, ученик третьего класса 11-й ленинградской школы Валерик Салов, стал перворазрядником.

Слон в «офсайде»

Интересная борьба развернулась в партии финального турнира между **Гунартсом Антомсом** из школы № 1 г. Риги и **Сашей Беленьким** (новосибирская школа № 44).

Слон черных забрался далеко в тыл и не принимает участия в обороне. Значит, на королевском фланге у белых перевес в силах. Гунартс отлично использовал выгоды своей позиции. Сражение продолжалось так:

1. Kf3—g5! h7—h6? (Больше шансов оставляло немедленное возвращение слона 1... Ca2. Плохо 1... Ф : f4 ввиду 2. Фe6 + с неизбежным матом) 2. Фc8—e6 + +Kpg8—h8 3. Kg5—f7+ Kph8—h7. 4. g2—g4! (В битву вступают резервы, пешка c2 уже не имеет значения) 4... Cb1 : c2 5. g4—g5 g7—g6.

Положение черных критическое. Проигрывало 5... hg 6. K:g5+ Kph8 7. Фh3 + или 5... C : d3 6. g6+ Kpg8 7. K : h6++.
6. g5 : h6 Cc2—d1 7. Фe6—d7.

Здесь уже возможны различные решения. Выигрывало, например, и 7. Kg5+.

7... Ke8—f6 8. Kf7—g5. Черные сдались.

Если 8... Kp : h6, то 9. Ke6+, а 8... Kpg8 проигрывает ввиду 9. Фe6+ Kph8 10. Ce5.

Ошибка Миши Кузнецова

Самой короткой была партия между **Нурланом Акимовым** (40-я школа, г. Алма-Ата) и **Мишей Кузнецовым** (4-я школа, г. Воронеж).

1. e2—e4 c7—c6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—c3 d5 : e4 4. Kc3 : e4 Kb8—d7 5. Фd1—e2 Kg8—f6? 6. Ke4—d6 мат.

Всегда надо обращать внимание на противостояние короля и фигур противника на одной линии, а Миша забыл, что пешка e7 связана.

В утешение Мише можно сказать только одно: об этом подчас забывают и опытные шахматисты. Польский мастер Арламовский тоже по этой причине получил мат на шестом ходу, когда он играл с Кересом в 1950 году на международном турнире в городе Шавно-Здруй.

Как надо было играть?

Какие ошибки привели черных к быстрому поражению в партии между **Юрисом Шмитсом** (Рига) и **Игорем Кузьминым** (Тбилиси).

1. Kf3 c5 2. e4 d6 3. d4 cd 4. K : d4 Kf6 5. Kc3 g6 6. f4 Cg7 7. e5 de 8. fe Kg4 9. Cb5—Kpf8 10. Ke6+. **Черные сдались.**

Как следовало играть Игорю?

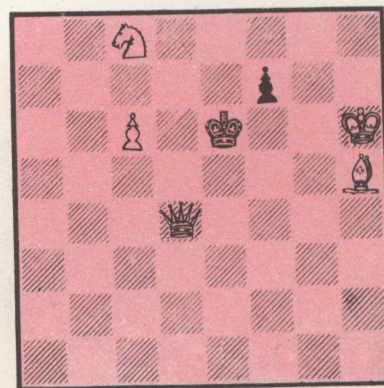
Новый конкурс Пешкина

Как всегда, в конкурс включены десять задач и этюдов. Ребята, выполнившие не менее восьми заданий, получат или подтвердят третий спортивный разряд.

За решение шести заданий присваивается четвертый разряд.

Присылая решения, не забудьте указать, в какой школе учитесь, какой у вас спортивный разряд.

Итак, в добрый путь!

Как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

В тайгу пришли строители.
Скоро здесь лягут рельсы
Байкало-Амурской магистрали.
Сегодня ее строят
твои старшие товарищи,
завтра — строить тебе,
наш читатель.

Цена 25 коп.
Индекс 70694